

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1902.

№ 6.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Слово въ недѣлю Крестополонную. *Пресвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* 297—308
- Ученіе Фейербаха о сущности религіи (продолженіе). Профессора Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевича* 309—329
- Нравственныя условія религіознаго знанія. *И. Невзорова* 330—366

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

- Научно-механическое міропониманіе и этика (продолженіе). *Свящ. Нина-лая Липскаго* 245—264
- Понятіе о „honestum“ (о честномъ) въ первой книгѣ сочиненія Цицерона „De officiis“. *А. Воронцова* 265—282

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшія награды.—Выписка изъ дѣла Харьковской Духовной Консисторіи о чудесномъ исцѣленіи г-жи Жидковичъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1900—1901 учебный годъ (окончаніе).—Годичное собраніе членовъ Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества и отчетъ сего Общества за 1901 годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1902.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящихся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“. присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонида Багренцова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

6. Вѣнокъ на могилу Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Харьковъ 1901 г. 141 стр. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Марта 1902 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

СС, ЧЕЛОВѢКЪ! (Юан. гл. XIX, ст. 5).

С Л О В О

въ недѣлю Крестопоклонную ¹⁾.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ (Мар. VIII, 34).

Возлюбленные дѣти! Св. наша Матерь, Церковь, съ настоящаго дня на всю предстоящую недѣлю износитъ на поклоненіе наше крестъ Христовъ для того, чтобы ободрить насъ въ подвигахъ поста и усиленныхъ покаянныхъ молитвъ, и вмѣстѣ напомнить намъ о нашемъ долгѣ, какъ послѣдователей Христовыхъ, мужественно, безропотно и съ полною преданностію волѣ Божіей нести крестъ свой. *Иже хочетъ по Мнѣ ити*, напоминаетъ намъ св. Церковь чрезъ нынѣ чтенное евангеліе слова Спасителя, *да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ*. Такимъ образомъ мы должны не только терпѣливо и безропотно нести лишенія, такъ сказать, крестъ поста и тягость усиленныхъ покаянныхъ молитвъ, но также терпѣливо и безропотно должны нести вообще *крестъ свой*.

Что такое крестъ *нашъ*? Крестъ, изображеніе котораго находится предъ нами, былъ орудіемъ казни у древнихъ Римлянъ; на немъ былъ распятъ Христосъ Спаситель нашъ, нѣкоторые изъ апостоловъ, многіе изъ мучениковъ и исповѣдниковъ вѣры Христовой. Какъ извѣстно изъ Евангелія, Хри-

¹⁾ Сказанное 17-го марта 1902 года въ церкви Харьковскаго Епархіального училища.

стось Самъ несть крестъ, орудіе казни Своей, со двора Пилата на Голгоѳу. Такъ ли намъ понимать заповѣдь Спасителя, что и мы должны взять на себя крестъ, подобный голгоѳскому кресту, и затѣмъ пострадать на немъ крестною смертію? Нѣтъ, нельзя понимать заповѣди Спасителя въ такомъ буквальномъ смыслѣ, ибо даже изъ ближайшихъ учениковъ Спасителя немногіе пострадали крестною смертію, и самая казнь смертная давно уже не существуетъ во всемъ мірѣ. А такъ какъ заповѣдь Спасителя о взятіи креста своего имѣеть всеобщее значеніе для всѣхъ послѣдователей Его до скончанія вѣка, то, слѣдовательно, понимать ее нужно не въ буквальномъ смыслѣ.

Тяжелъ былъ тотъ вещественный крестъ, который несть на Голгоѳу Спаситель нашъ, какъ бремя, возложенное на Него нашими грѣхами. Но это ли только бремя вещественнаго креста повесъ Онъ за грѣхи наши? Нѣтъ, чтобы сложить съ раменъ человѣчества бремя грѣховъ, Христось Спаситель нашъ, припавъ на Себя наказаніе за грѣхи міра, всю жизнь Свою на землѣ, начиная съ самаго рожденія Своего, несть различнаго рода бремена, и Его Голгоѳскій крестъ былъ лишь заключительнымъ звеномъ въ цѣпи этихъ бремень. И не одинъ Голгоѳскій крестъ, а всѣ бремена, понесенныя Имъ нашего ради спасенія, во всей ихъ совокупности составляли крестъ Христовъ. Крестъ Христовъ, такъ понимаемый, и есть именно образъ и подобіе нашихъ крестовъ, которые мы призываемся безропотно возложить на себя и терпѣливо съ полною покорностью волѣ Божіей нести до самой своей могилы. И такъ наши кресты, какъ образъ и подобіе креста Христова, должны слагаться изъ того же, изъ чего слагался крестъ Христовъ.

Разсмотримъ же, изъ чего былъ сложенъ крестъ Христовъ?

Крестъ Христа Спасителя сложенъ былъ прежде всего изъ бремени труда, какъ усерднаго и неуклоннаго выполненія Имъ Своего жизненнаго земнаго призванія, затѣмъ изъ бремени труда, какъ подвига личнаго нравственнаго усовершенствованія и наконецъ изъ бремени различнаго рода лишеній, напастей, скорбей и страданій до мучительной и поносной смерти на крестѣ.

Изъ всего этого долженъ состоять и нашъ крестъ съ вами, возлюбленные дѣти.—Поэтому, прежде всего мы должны взять крестъ усерднаго труда, какъ добросовѣстнаго подготовленія къ опредѣленному жизненному призванію и неуклонно-честнаго засимъ выполненія этого призванія.—До паденія людей трудъ въ раю не былъ для нихъ тяжелымъ бременемъ; онъ былъ жизнерадостнымъ легкимъ упражненіемъ ихъ физическихъ и духовныхъ силъ, былъ подобіемъ вседовольной неустанной творческой дѣятельности. Но послѣ паденія всѣ люди осуждены на тяжкій—*въ потъ лица своего*—изнурительный трудъ,—одни на трудъ физической, какъ напримѣръ земледѣльцы, ремесленники, рабочіе, другіе—на трудъ умственный, какъ наприм. ученики, учителя, ученые, третьи—на тотъ и другой трудъ вмѣстѣ. Трудъ сталъ теперь тяжелымъ крестомъ и крестомъ обязательнымъ для всѣхъ. Тунеядецъ, т. е. человѣкъ могущій трудиться, но не трудящійся и посядающій труды другихъ, явленіе ненормальное, противное Богу и людямъ... И Христосъ Спаситель нашъ съ раннихъ лѣтъ жизни Своей несъ на Себѣ бремя тяжкаго и физического и умственнаго труда. Съ раннихъ лѣтъ отрочества Онъ началъ помогать мнимому отцу Своему Іосифу въ его тяжелыхъ плотничьихъ трудахъ, а послѣ смерти Іосифа съ 15-го, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, года жизни Своей Онъ уже самостоятельно этимъ тяжелымъ ремесломъ пропитывалъ Себя и Свою пречистую Матерь, такъ что до 30-ти лѣтъ Его жизни Его знали всѣ какъ *плотника* (Мрк. 6, 3). Усердно съ раннихъ лѣтъ занимаясь физическимъ трудомъ древодѣлія, Христосъ Спаситель нашъ вмѣстѣ съ тѣмъ усердно несъ и бремя труда умственнаго. Хотя Онъ и не учился въ какой либо школѣ (Іоан. 7, 15), но уже къ 12 годамъ Своей жизни такъ хорошо изучилъ подъ руководствомъ, какъ говоритъ преданіе, Своей Пречистой Матери, Священное Писаніе, а благодаря непрестанному размышленію такъ глубоко проникъ въ истинный смыслъ его, что своими отвѣтами и вопросами удивилъ въ Іерусалимскомъ храмѣ учителей израильскихъ (Лк. 2, 46—7). Какъ показываютъ Его бесѣды съ учениками и притчи къ народу, Онъ основательно изучилъ также жизнь Своего народа, его нравы, обычаи, вѣро-

ванія, заблужденія и суевѣрія, а также жизнь окружающей Его природы. Всѣ Его познанія по человѣчеству, какъ свидѣтельствуеть Слово Божіе, были плодомъ Его постепеннаго возрастанія въ премудрости и разумѣ по общимъ законамъ человѣческаго развитія (Лк. 3, 52), слѣдовательно, плодомъ постояннаго труда. А какой тяжелый трудъ несъ Христосъ Спаситель послѣ выступленія Своего на общественное служеніе роду человѣческому въ качествѣ всемірнаго учителя! Мы видимъ, что Онъ цѣлые дни съ утра до поздней ночи трудился, поучая народъ и учениковъ Своихъ, переходя для этого и въ зной и въ холодъ изъ города въ городъ, изъ веси въ весь, изъ Галилеи въ Іудею и обратно, и забывая о своихъ нуждахъ, при этомъ исцѣлялъ великое множество болящихъ и бѣсноватыхъ, благословлялъ дѣтей. Послѣ цѣлодневнаго труда Онъ цѣлыя ночи проводилъ въ бесѣдахъ съ тайными учениками Своими, или же въ молитвахъ Отцу Своему. А какъ многотруденъ былъ для Него послѣдній день Его жизни! Ночь проведена въ саду Геосиманскомъ въ усиленной до кроваваго поту молитвѣ и допросѣ у первосвященниковъ. Утро Онъ водится отъ Каиаены къ Пилату, отъ Пилата къ Ироду, отъ Ирода опять къ Пилату; послѣ мучительныхъ истязаній, допросовъ и бичеванія, въ полдень Онъ, измученный, истерзанный, падая отъ изнеможенія, Самъ несетъ на Голгоѣу тяжелый крестъ Свой! Не смотря на тяжесть Своихъ трудовъ, Христосъ Спаситель нашъ ни разу не возронталъ на волю Отца Своего, призвавшаго Его къ такому многотрудному служенію, но съ совершенною покорностію несъ крестъ труда Своего до самой Голгоѣы!

Какъ всѣмъ людямъ, и вамъ, возлюбленные дѣти, также назначенъ трудъ. На вашу долю выпалъ теперь, въ стѣнахъ этой школы, трудъ умственный, трудъ обогащенія себя разнаго рода познаніями, трудъ пріобрѣтенія мудрости и исканія истины. Трудъ умственный, трудъ исканія истины, долженъ бы быть однимъ изъ самыхъ пріятныхъ трудовъ человѣка, ибо истина—родная стихія богоподобнаго человѣческаго духа, и вращаться въ этой стихіи значитъ чувствовать себя такъ же хорошо, какъ хорошо чувствуетъ себя рыба въ водѣ и птица—въ вы-

сотахъ поднебесныхъ. Но по условіямъ нашего падшаго состоянія и трудъ исканія истины и пріобрѣтенія знаній есть теперь для нашего одобелълаго естества крестъ и крестъ тяжелый. И къ этому труду вполне приложимы слова: *въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ твой* духовный. Въ самомъ дѣлѣ, ради этого труда дитя должно оставлять свои любимыя игры и забавы; юноши должны оставлять свои родныя жилища и родную обстановку и жить въ стѣснительныхъ условіяхъ школьной дисциплины и школьнаго общежитія; люди взрослые должны жертвовать интересами и близостью своей семьи или вовсе лишать себя радостей семейной жизни. Всѣ же труженики умственного труда въ той или другой степени должны жертвовать на алтарь истины своими физическими силами, своимъ тѣлеснымъ здравіемъ, ибо умственный трудъ болѣе чѣмъ трудъ физическій изнуряетъ и сушитъ тѣло человѣка: *приложивый разумъ приложитъ болѣзнь* (Еккл. 1, 18), давно еще замѣтилъ Премудрый. И что же бываетъ результатомъ этого изнурительнаго труда? Одни—малоталантливые съ потерю своего здоровья, а иногда и жизни едва доходятъ до границъ знанія, назначенныхъ имъ школьными программами, чтобы навсегда покончить съ исканіемъ премудрости и знанія. Другіе—болѣе даровитые и слѣдовательно съ болѣе сильнымъ стремленіемъ своего духа къ знанію и истинѣ—сами раздвигаютъ себѣ предѣлы знанія. Но чѣмъ болѣе они пріобрѣтаютъ знаній, тѣмъ шире и шире раздвигается предъ ними область знанія, и становится подобною безбрежному морю, и чѣмъ ближе, казалось бы, подходятъ они къ истинѣ, тѣмъ далѣе она отъ нихъ отходитъ, обращаясь въ точку еле свѣтящуюся въ надзвѣздной дали. И вотъ они приходятъ къ плачевному сознанію, что вся ихъ *премудрость и разумъ, притчи и хитрость* есть лишь *существо и произволеніе духа* (Еккл. 1, 17). А *тернія и волчцы* на полѣ умственного труда произрастаютъ еще изобильнѣе, чѣмъ на нивѣ земледѣльца: послѣ цѣлой жизни упорнаго и неустаннаго исканія истины развѣ не приходятъ многіе лишь къ миражамъ истины и горькому разочарованію заблужденія? Слова Симона Петра: *Наставниче, обнощи всю труждашеса, ничесоже яхомъ* (Лук. 5, 5) еще чаще и съ воплемъ еще боль-

шей жгучей скорби вырываются изъ устъ людей труда умственного, чѣмъ людей труда физическаго. Посему лучшіе изъ труженниковъ ума поневолѣ приходятъ къ смиренному сознанию: *мы знаемъ только то, что ничего не знаемъ.* А умы гордые, обоишь жизни своей протрудившіеся и ничесоже явшіе, впадаютъ въ гибельное отчаяніе и даже доходятъ иногда до преступнаго самоубійства. Такъ тяжель бываетъ крестъ умственныхъ трудовъ! Но трудъ умственный, трудъ школьный это только еще начало вашего труда, какъ выполненія вами своего жизненнаго призванія. По выходѣ изъ школы васъ ожидаетъ новый трудъ, и кто можетъ заранѣе сказать—какой? Для большинства—трудъ матери? трудъ скромной учительницы? И пусть матери, добросовѣстно съ утра и до вечера заняты трудомъ воспитанія своихъ дѣтей или цѣлыя ночи проводящія у колыбели своего больного ребенка; пусть учительницы, честно и съ должнымъ усердіемъ несущія тяжелую лямку обученія и воспитанія чужихъ дѣтей,—пусть онѣ повѣдаютъ вамъ, какъ тяжель ожидающій васъ впереди крестъ честнаго выполненія даже наиболѣе желательнаго для васъ жизненнаго призванія. Я же скажу вамъ лишь слѣдующее: когда подъ бременемъ труда свсего, здѣсь ли, въ этой школѣ, или по выходѣ изъ нея въ жизнь самостоятельную, вы будете падать и приходите къ унынію и ропоту на Провидѣніе, то вспомните о крестѣ непрерывныхъ безропотныхъ трудовъ нашего Спасителя, отъ дней отрочества, до дней смерти на крестѣ, Имъ же Самимъ несеномъ на Голгоѳу—и вы ободритесь!

Вмѣстѣ съ бременемъ труда, какъ выполненія жизненнаго свсего призванія, намъ, какъ мы сказали, необходимо нести бремя труда по личному нашему самоусовершенію, т. е. путемъ добродѣтельной, чистой и святой жизни болѣе и болѣе уподобляться совершенствамъ Отца нашего небснаго (Мѳ. 5, 48). Этотъ трудъ долженъ бы быть еще пріятнѣе труда по исканію знаній, ибо святость есть основная черта нашего правильно раскрывающагося богоподобнаго духа, а совершенства Отца небснаго есть та путеводная звѣзда, къ которой онъ влечется съ силою могучаго инстинкта. Но опять, по условіямъ нашего падшаго состоянія, и этотъ трудъ сталъ для на-

шого немощнаго одебелѣлаго существа тяжелымъ крестомъ. Райскій ровный путь добродѣтели сталъ теперь тѣсною крутою лѣстницею къ небу! Дѣло въ томъ, что съ момента паденія природа человѣческая восприняла въ себя склонность къ грѣху, ту тройственную похоть,—похоть плоти, очесъ и гордость житейскую (I Иоан. 2, 16),—которая не уничтожается даже и въ таинствѣ крещенія. Человѣку, хотя и при помощи благодати Божіей, но собственнымъ трудомъ, предоставляется побѣдить въ себѣ эту тройственную похоть или, какъ еще выражается слово Божіе, *ветхаго* своего *человѣка*, и не только побѣдить, но и распять, совершенно умертвить его. Вотъ гдѣ наша Голгова! А развѣ легко это сдѣлать, когда ветхій человѣкъ нашъ, это исчадіе діавола, сросся съ нашимъ богосозданнымъ существомъ, сдѣлался какъ бы органическою его частью? И развѣ ветхій человѣкъ дастъ намъ побѣду надъ собою безъ упорной борьбы? Нѣтъ! Только начните бороться съ нимъ, какъ онъ станетъ въ положеніе обороняющагося на смерть врага, на сторонѣ котораго будутъ при томъ и соблазны міра, злыхъ людей и діавола, и выгоды и расчеты житейскіе и собственные ложные инстинкты саможалѣнія и самосохраненія. Здѣсь трудъ предстоитъ до кроваваго поту, до смерти, ибо *еще кто хочетъ спасти душу свою, какъ сказалъ Самъ Спаситель, погубитъ ю, а уже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю* (Мрк. 8, 35). Итакъ, вотъ почему пріятный трудъ нашего нравственнаго самоусовершенія сталъ тяжелымъ крестомъ: этотъ трудъ съ паденіемъ нашимъ соединился съ горькимъ трудомъ нашего нравственнаго самоисправленія.—Христосъ Спаситель нашъ, какъ родившійся безъ наслѣдственной грѣховной порчи, не имѣлъ въ Себѣ ветхаго человѣка, слѣдовательно, и не имѣлъ нужды въ подвигахъ самоисправленія. Но, какъ воспринявшій на себя наше *немощее* естество, во всемъ подобное нашему, кромѣ грѣха, Онъ подлежалъ закону постепеннаго возрастанія въ нравственномъ совершенствѣ путемъ усиленнаго труда—работы надъ Собою и отраженія соблазновъ со стороны міра, людей и діавола. Лишь послѣ тридцати лѣтъ сокровеннаго отъ насъ труда надъ Собою, Онъ предсталъ на Іорданѣ предъ Отцемъ Своимъ и

по челоуѣчеству Своему совершенно чистымъ, непорочнымъ, святымъ, возлюбленнымъ Сыномъ совершеннаго Отца небеснаго. Но и принявъ на Себя Духа Святаго паче *причастникъ Своихъ* (Евр. 1, 9), Онъ подвигами сорокадневнаго совершеннаго поста, подвигами цѣлонощныхъ молитвъ долженъ былъ охранять Свое совершенство.

Возлюбенныя дѣти! И вамъ, не смотря на ваши дѣтскіе и юношескіе годы, предлежитъ не только трудъ нравственнаго самоусовершенія, но и тяжкій трудъ нравственнаго самоисправленія. Самъ Богъ засвидѣтельствовалъ, что *прилежитъ помышленіе челоуѣку прилежно на злая отъ юности его* (Быт. 8, 21). А такъ какъ ничто нечистое и злое не войдетъ въ царство небесное (Апок. 21, 8, 27), посему вамъ надлежитъ бороться съ этимъ зломъ, подавлять въ себѣ самыя малѣйшія его проявленія, искоренять всѣ дурныя порывы и склонности. Шагъ за шагомъ слѣдуетъ идти по лѣстницѣ христіанскихъ добродѣтелей, поставленной Христомъ въ Его заповѣдяхъ о блаженствахъ. Безъ усиленнаго труда нельзя сдѣлаться святыми и совершенными и пригодными для вѣчной жизни въ обителяхъ Отца небеснаго. Безъ кровавой борьбы съ живущимъ въ насъ грѣхомъ душа наша скоро зарастаетъ сорными плевелами грѣха. Благо челоуѣку, *егда возметъ яремъ въ юности своей* (Пл. Іерем. 3, 27). Въ юные годы сравнительно легко бороться съ злыми склонностями, легко вырывать изъ себя неукоренившіеся еще плевелы грѣха. Но какъ тяжела борьба съ грѣхомъ, когда челоуѣкъ беретъ за нее поздно, послѣ безпечнаго нерадѣнія о своей душѣ, это показываютъ намъ примѣры Маріи Египетской и другихъ подвижниковъ, начавшихъ исправленіе свое въ зрѣлые годы. Постъ и усиленная молитва, чтобы не впасть въ искушеніе (Мѣ. 26, 41), нужны не только взрослымъ людямъ, но они нужны и вамъ, какъ нужны были безгрѣшному Христу Спасителю.—Если же, теперь, въ борьбѣ съ своими худыми склонностями и съ окружающими соблазнами, если среди подвиговъ чистой добродѣтельной жизни, среди подвиговъ поста и молитвы вы почувствуете уныніе, если вы подъ тяжестью этихъ подвиговъ готовы будете оставить ихъ, взгляните тогда скорѣе на крестъ Христовъ,

вспомните Его сорокадневный постъ, Его цѣлонощныя молитвы, особенно же молитву въ саду Геосиманскомъ—и вы ободритесь и съ новыми силами пойдете съ крестомъ своимъ выше и выше по лѣствицѣ къ небу!

Наконецъ, послѣднюю часть креста Христова, а слѣдовательно, и нашего крестнаго бремени составляютъ разнаго рода лишенія, напасти, скорби и страданія. Скорбное и тяжкое бремя это Христосъ Спаситель нашъ началъ нести съ самаго Своего рожденія. Рождается Онъ, Царь неба и земли, въ вертепѣ, полагается въ скотскихъ ясляхъ, вскорѣ отъ ярости Ирода выносить лишенія поспѣшнаго бѣгства въ Египетъ, поселяется въ презрѣнномъ Назаретѣ, терпитъ нужду бѣдной и убогой обстановки простого плотника. Выступивъ на общественное служеніе, терпитъ лишенія страннической жизни, зной, холодъ, голодъ, не имѣетъ мѣста, гдѣ главу подклонить, содержится на случайныя подаянія въ кружку, носимую сребролюбивымъ воромъ Іудею, или на добротное служеніе имѣніемъ ходившихъ въ слѣдъ Его благочестивыхъ женъ. А сколько скорби и страданія доставляло Ему легкомысліе поучаемаго Имъ народа, готоваго то поставить Его царемъ, то побить камнями, невѣріе и ожесточеніе руководителей этого народа, ихъ клеветы и хулы, будто Онъ совершаетъ чудеса силою веельзевула, непризнаніе Его Божественнаго посланничества даже со стороны близкихъ Ему лицъ, постоянное присутствіе предателя! Зачѣмъ говорить наконецъ про тяжесть измѣны учениковъ при взятіи въ саду Геосиманскомъ, поношеній на несправедливомъ судѣ первосвященниковъ, Ирода и Пилата, про безмѣрную оскорбительность заплеваній въ лицо, про безконечныя муки бичеваній, терноваго вѣнца, пронзенія рукъ и ногъ, про болѣзни адовы, висѣвія на крестѣ и оставленія Отцемъ небеснымъ!.. Бѣды, скорби и страданія теперь—послѣ нашего паденія—общій удѣлъ всѣхъ насъ. Не спасаетъ отъ нихъ ни богатство, ни высокое положеніе, ни мудрость, ни даже праведная добродѣтельная жизнь. Всѣ мы отъ колыбели до могилы несемъ бремя разныхъ бѣдъ и скорбей, пьемъ горькую чашу различныхъ страданій. Сердце, прикрытое златомъ и виссо-

номъ, такъ же поетъ въ мукахъ страданья, какъ и подъ рубищами нищаго; не легче отъ того то, что слезы утираются порфирию; мудрость человѣческая безсилна притупить острое лезвіе скорби. Стенаютъ грѣшники; *много скорби праведнымъ* (Ис. 33, 20); не разъ плакалъ Самъ Христосъ! Ужели небо веселится нашими слезами? Ужели Отецъ нашъ небесный безучастенъ къ нашимъ страданіямъ? Нѣтъ! Небо совздыхаетъ намъ въ нашихъ слезахъ и страданіяхъ, а Отецъ нашъ небесный дорожитъ каждымъ нашимъ волосомъ! Скорби и страданія есть горькое врачество отъ нашихъ недуговъ духовныхъ, они нужны для нашего очищенія отъ закваски грѣховной, они помогаютъ намъ распинать и умерщвлять въ себѣ нашего ветхаго человѣка. Потому-то они и неизбѣжны для недугующаго грѣхомъ человѣчества.

И у васъ, возлюбленныя дѣти, у каждой есть своя доля скорбей и страданій. Однѣ изъ васъ съ колыбели не знаютъ ласкъ матери, другія—попечительности отца, третьи по круглому сиротству знакомы съ горькимъ хлѣбомъ и непривѣтливомъ угломъ чужой семьи; однѣ уже испытали суровый гнетъ бѣдности, другія лишены лучшаго блага въ жизни—здоровья, третьи страдаютъ отъ недостатка способностей и т. д. Длиненьскорбный листъ безчисленныхъ человѣческихъ лишеній, скорбей и страданій. Благо еще, что школа всячески старается оградить отъ нихъ своихъ питомцевъ, и не даромъ люди по выходѣ изъ школы называютъ ее матерью—кормилицей (*alma mater*). Но вотъ вы вступите въ самостоятельную жизнь—и увидите, что жизнь въ сравненіи съ школой уже суровая мачиха. И бремя страданій вашихъ возрастетъ и—кто знаетъ?—быть можетъ возрастетъ до такой тяжести, что вы будете падать подъ нимъ какъ Христосъ падалъ подъ крестомъ, который Онъ несъ на Голгоѳу... Но, возлюбленныя дѣти, если здѣсь, пока вы еще учитесь, или по выходѣ изъ школы подъ тяжестью креста своего вы будете падать духомъ и приходите въ уныніе, и отчаяніе готово будетъ овладѣть вашею душою—взгляните тогда на крестъ Христовъ, вспомните о безчисленныхъ скорбяхъ Христа, Его кровавыхъ страданіяхъ—и вы ободритесь!

Но чѣмъ же, спросите, крестъ Христовъ ободрить насъ? А прежде всего надеждой на то, что *Самъ искушенъ бывшій по всяческимъ, развѣтъ грѣха* (Евр. 4, 15), *силенъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 18), что Самъ падавшій подъ крестомъ вѣдаетъ существа нашего немощь и сострадаетъ *немощемъ нашимъ* (Евр. 4, 15), что Самъ припявшій помощь отъ Симона Киринейскаго пошлетъ Свою всемогущую помощь и намъ—поможетъ честно выполнить намъ свое земное призваніе, наставитъ насъ въ премудрости и истинѣ, *отребитъ насъ, рождіе свое, да принесемъ многаяишій плодъ* добродѣтели и святости (Іоан. 15, 12), Самъ будетъ для насъ и милосерднымъ Самаряниномъ, возливающимъ масло и вино въ изъязвленныя страданіями сердца наши, и Симономъ Киринейскимъ, снимающимъ съ насъ крестъ нашъ, когда изнеможемъ подъ бременемъ его. Но болѣе всего насъ ободритъ ожиданіе той славы, которая, по законамъ правосудія небеснаго, слѣдуетъ за крестомъ, носимымъ въ слѣдъ Христа. *Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ*, поемъ мы нынѣ. Слѣдовательно, вспоминая крестъ Христовъ, мы вспоминаемъ и славу Его воскресенія. А таковая слава ожидаетъ и насъ, если мы смиренно и безропотно постраждемъ съ Нимъ. *Идѣже есмь Азъ, и вы будете* (Іоан. 14, 3), сказалъ Самъ Спаситель. А Онь, воскресши, вознесся на небо и возсѣлъ одесную Отца, на престолѣ Божественной славы и Божественнаго всеблаженства,—возсѣлъ для того, чтобы посадить на этомъ престолѣ и истинныхъ крестоносцевъ. *Побѣждающему дамъ стѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его* (Апок. 3, 21). Престолъ Божественный это не чувственный какой либо тронъ или престолъ, а состояніе славы, совершенства и вседовольства Божественнаго, т. е. такое блаженное состояніе, какого око человѣческое не видало, ухо не слыхало и какое на сердце человѣческое не восходило. Какъ же не ободритъ насъ ожиданіе такой небесной вѣчной славы за временныя подвиги и труды, за скоропреходящія скорби и страданія?

Итакъ, возлюбленныя дѣти, неспте же безропотно съ покор-

ностью волю Божіей *крестъ свой*,—крестъ *труда*, соответствующаго вашему жизненному призванію, крестъ борьбы со грѣхомъ и подвиговъ чистой, святой добродѣтельной жизни, т. е. крестъ *нравственнаго совершенствованія*, и крестъ лишеній, напастей, скорбей и *страданій*,—и вы будете нѣкогда тамъ, гдѣ Христосъ Спаситель нашъ—на престолѣ божественной радости и славы, что и да будетъ со всѣми вами! Аминь.

Епископъ Стефанъ.

Ученіе Фейербаха о сущности религіи.

(Продолженіе *).

Взглядъ Фейербаха заслуживаетъ того, чтобы посвятить ему серьезное вниманіе. Впрочемъ, самъ по себѣ онъ, какъ будетъ показано ниже, не имѣетъ никакого научнаго значенія; но въ свое время, какъ мы сказали уже, онъ пользовался чрезвычайною популярностію, неутраченною еще и теперь. Кто не говорилъ и не говоритъ о Фейербахѣ! Но если взглядъ Фейербаха самъ по себѣ ничтоженъ, то чѣмъ объяснить его популярность? Дать отвѣтъ на этотъ вопросъ не трудно. Извѣстно, что популярность писателя въ значительной степени зависитъ отъ его языка и изложенія. Новѣйшій матеріалистическій мовистъ—*Геккель* въ своемъ послѣднемъ сочиненіи—*Welträthsel*—откровенно сознается, что многія изъ его сочиненій, написанныхъ строго—научнымъ языкомъ, не нашли себѣ читателей даже среди людей образованныхъ и интеллигентныхъ. Но тѣ же самыя сочиненія въ простомъ и популярномъ изложеніи расходились въ короткое время во множествѣ экземпляровъ! Въ наше время большой спросъ предъявляется только на легкое и популярное чтеніе. Что же касается сочиненій Фейербаха, то,—нужно сказать правду,—всѣ они написаны языкомъ живымъ, простымъ, общедоступнымъ, а изложеніе ихъ картинно, даже эффектно. Онѣ читаются легко и съ интересомъ. Взявъ въ руки книгу Фейербаха, не брошишь ея, не дочитаешь до послѣдней страницы. Въ этомъ отно-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 5.

шеніи Фейербахъ—безбожникъ нѣмецкій—можетъ поспорить съ французскимъ безбожникомъ—Ренаномъ. Послѣ сухихъ, отвлеченныхъ и туманныхъ сочиненій Гегеля и гегельянцевъ книги Фейербаха были философскою новинкою; ихъ могли читать даже люди, питавшіе страхъ предъ метафизикою. Но само собою разумѣется, что одно указаніе на простоту и популярность изложенія сочиненій Фейербаха еще не объясняетъ популярности и самыхъ возрѣній Фейербаха на религію. Необходимо принять во вниманіе ихъ характеръ. Фейербахъ взялъ подъ свое покровительство всѣхъ атеистовъ своего времени. Атеизмъ явленіе въ человѣчскомъ духѣ ненормальное, болѣзненное и совершенно беспочвенное. Совѣсть атеиста никогда не можетъ быть покойна, и она всегда ищетъ для себя успокоенія. Какъ утопающій хватается за соломенку для своего спасенія, такъ атеистъ хватается за каждую книжонку, которая обѣщаетъ ему дать научное оправданіе его атеистическаго настроенія. Известно каждому книгопродавцу, какъ туго расходятся книги религіознаго содержанія, написанныя въ духѣ Божественнаго откровенія (ибо даже не всякій вѣрующій нуждается въ научныхъ доказательствахъ своей вѣры!) и какъ много изданій въ короткое время выдерживаютъ сочиненія хотя и легкомысленныя, но написанныя въ либеральномъ и враждебномъ богооткровенной религіи духѣ. А между тѣмъ атеистическое направленіе умовъ, начавшееся еще въ XVII и XVIII вѣкахъ, ко временамъ Фейербаха достигло своего высшаго напряженія. Фейербахъ былъ выразителемъ возрѣній и настроеній своихъ современниковъ и своего времени, а потому онъ и былъ моднымъ и самымъ популярнымъ писателемъ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою популярность, ученіе Фейербаха о религіи и ея сущности, само по себѣ, вовсе не заключаетъ тѣхъ достоинствъ истинно-научнаго свойства, которыя давали бы ему право господствовать надъ умами образованнаго общества продолжительное время. Несомнѣнно, и самъ Фейербахъ не столько заботился объ отысканіи истины, сколько о своей собственной популярности. Какъ ученикъ Гегеля, онъ естественно сущность религіи полагалъ только въ *человѣкобоготвореніи*; но когда критика, какъ мы упомянули

выше, разъяснила ему, что такая гипотеза совершенно неприменима къ объясненію многихъ видовъ религіи (напр. фетишизма) и что она вовсе не нова и не оригинальна, такъ какъ уже Эвгемеръ и его послѣдователи задолго до Р. Х. объясняли происхожденіе религіи боготвореніемъ людей, онъ обратился къ гипотезѣ Шлейермахера и натуралистической гипотезѣ германскихъ матеріалистовъ, очевидно, заботясь лишь о своей популярности и не обращая вниманія на то, что послѣднія гипотезы во многомъ противорѣчатъ и одна другой и его первоначальному ученію о сущности религіи вообще, а потому могли быть соединены вмѣстѣ только механически. Въ послѣднемъ обстоятельстве заключается истинная причина того, что ученіе Фейербаха о религіи и ея сущности, какъ оно изложено въ двухъ его самыхъ популярныхъ сочиненіяхъ— „Сущность христіанства“ и „Сущность религіи“,—заключаетъ въ себѣ такія непримиримыя противорѣчія, что положительно нѣтъ никакой возможности отвѣтить съ увѣренностію на вопросъ: въ чемъ, собственно, Фейербахъ полагаетъ сущность религіи вообще?

Въ самомъ дѣлѣ,—въ сочиненіи „Сущность христіанства“ Фейербахъ утверждаетъ, что религія есть отношеніе человѣка къ самому себѣ или къ своей субъективной сущности, но только какъ къ сущности другой, что сознаніе Бога есть самосознаніе человѣка, познаніе Бога—самопознаніе человѣка и т. д. Съ этой точки зрѣнія Фейербахъ послѣдовательно утверждаетъ, что Богъ есть обьективированная сущность разума,—чистое, совершенное, чуждое недостатковъ божественное существо есть самосознаніе разсудка, сознаніе имъ своего собственнаго совершенства. *Свобода и независимость*—вотъ мотивы обоготворенія разума и вмѣстѣ происхожденія религіи. Разсудокъ (Фейербахъ не полагаетъ строгаго различія между разсудкомъ и разумомъ) ничего не знаетъ, говоритъ Фейербахъ, о страданіяхъ сердечныхъ, у него нѣтъ никакихъ страстей, влеченій, потребностей (?), и потому нѣтъ никакихъ недостатковъ и слабостей (?). Чистый человѣкъ разсудка, тѣ люди, которые олицетворяютъ предъ нами, хотя одностороннимъ, за то характеристическимъ образомъ сущность разсудка,

изъяты отъ всѣхъ мукъ сердца, страданій, потрясеній, которымъ подвержены *люди чувствительные*; надъ ними не можетъ господствовать никакой конечный, т. е., опредѣленный предметъ, они *не надѣваются на себя цѣпей*, они *свободны*. „Не имѣть ни въ чемъ нужды и безстрастностью своею подобиться богамъ безсмертнымъ, не себя покорять вещамъ, а вещи покорять себѣ“,—„все суета“—эти и подобныя имъ выраженія суть *мотивы* абстрактныхъ людей разсудка. Разсудокъ,—продолжаетъ Фейербахъ,—есть существо *самостоятельное и независимое*. Зависимо и несамостоятельно то, что не имѣетъ никакого разсудка. Человѣкъ *безъ разума* въ то же время есть *человѣкъ и безъ воли*. Кто не имѣетъ разсудка, тотъ позволяетъ обольщать себя, ослѣплять, пользоваться собою другимъ, какъ средствомъ. Только тотъ, кто мыслить,—свободенъ и самостоятеленъ. Только посредствомъ своего разсудка *человѣкъ дѣлаетъ* находящихся въ его существѣ простымъ средствомъ для своего существованія. Если я мыслю, то знаю, что во мнѣ мыслить *мое я*, а не какая нибудь другая вещь. Только разсудокъ есть такое существо, которое все дѣлаетъ предметомъ своего употребленія, самъ не дѣлаясь имъ никогда,—онъ только есть существо, наслаждающееся самимъ собою, самодовольствующееся,—*абсолютный субъектъ*, который никогда не можетъ быть низведенъ до степени объекта для *другого* существа, такъ какъ онъ дѣлаетъ всѣ предметы объектами, предикатами себя самаго, онъ объемлетъ всѣ вещи, потому что самъ не есть вещь, самъ *свободенъ* отъ всѣхъ вещей. Мышленіе есть бытіе въ себѣ и *мыслить*—значитъ *быть богомъ*. Актъ мысли есть *свобода* безсмертныхъ боговъ отъ всѣхъ внѣшнихъ ограниченій и необходимостей жизни...

Совершенно иное говоритъ намъ Фейербахъ въ другомъ своемъ сочиненіи—„Сущность религіи“. Здѣсь онъ уже оставляетъ ту мысль, что чувства *свободы и независимости*, свойственныя только одному разуму, были мотивами происхожденія религіи или—вѣрнѣе—мотивами религіознаго творчества. Здѣсь онъ, какъ мы видѣли, проповѣдуетъ уже совершенно противоположное. „Чувство *зависимости* въ *человѣкѣ*—такъ начинается онъ свое сочиненіе—есть *основаніе* религіи“. Оставляетъ онъ

здѣсь уже мысль и о томъ, что Богъ или предметъ религіи есть объектированный разумъ челоѳчества—свободный, непостижимый, независимый, неограниченный, всемогущій, вездѣсущій, вѣчный, единый и т. д. Здѣсь Фейербахъ утверждаетъ уже нѣчто противное,—именно,—что въ религіи челоѳкъ боготворитъ будто бы *неразумную и слѣпую, ограниченную и конечную* природу. *Природа*, говоритъ онъ, *есть первый и первоначальный предметъ религіи*, ибо предметъ чувства зависимости въ челоѳкѣ, составляющаго основаніе религіи, то, отъ чего челоѳкъ зависитъ и чувствуетъ себя зависимымъ, есть первоначально не что иное, какъ природа. Итакъ, чему же вѣрить изъ двухъ противоположныхъ утверждений Фейербаха? Чтѣ должно быть признано *основаніемъ* религіи—чувство зависимости или независимости? Что челоѳкъ боготворитъ въ своей религіи—разумъ или неразумную природу? Если вы прочитали бы только одно сочиненіе Фейербаха—„Сущность христіанства“, то, конечно, вы съ увѣренностію отвѣчали бы, что Фейербахъ признаетъ *основаніемъ* религіи чувство свободы и независимости, а предметомъ религіи объявляетъ челоѳческий разумъ. Но вы откажетесь отъ этого, когда прочитаете другое сочиненіе его—„Сущность религіи“, въ которомъ онъ наоборотъ утверждаетъ, что *основаніемъ* религіи служитъ чувство зависимости въ челоѳкѣ, а предметомъ религіи должна быть признана *неразумная* природа!... Конечно, взгляды могутъ измѣняться. При новыхъ данныхъ, при новомъ освѣщеніи предмета люди честные и мыслители добросовѣстные всегда могутъ отказаться отъ своего первоначальнаго, односторонняго мнѣнія объ этомъ предметѣ, составленнаго на основаніи недостаточнаго количества данныхъ, и высказать новое мнѣніе, болѣе соответствующее истинѣ. Имъ можно ставить въ вину лишь поспѣшность и скороспѣлость ихъ первоначальныхъ выводовъ; но ихъ достоинствомъ является то мужество, съ которымъ они публично въ печати отказываются, ради любви къ истинѣ, отъ своихъ первоначальныхъ заблужденій. Ничто не мѣшало и Фейербаху измѣнить свой первоначальный взглядъ на религію и ея сущность, высказанный въ его сочиненіи „Сущность христіанства“. Правда, Фейербахъ нигдѣ *торжественно* не отрекается отъ этого взгляда; но

уже одно то обстоятельство, что въ сочиненіи—„Сущность религіи“,—явившемся въ свѣтъ позже, Фейербахомъ высказывается совершенно иной, даже противоположный взглядъ, даетъ, повидимому, право думать, что Фейербахъ по-крайней мѣрѣ *молча*, опубликованіемъ *второго* взгляда отрекся отъ противоположнаго ему перваго. Къ сожалѣнію, и такимъ путемъ мы не можемъ спасти чести Фейербаха, какъ строго-логическаго мыслителя, неспособнаго путаться въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ, ибо если свое второе сочиненіе онъ и начинаетъ словами: „чувство *зависимости* въ человѣкѣ есть *основаніе* религіи“, то въ концѣ книги (§ 42) утверждаетъ совершенно противное: „Сущность религіи составляетъ *человѣческое высокомеріе*“... И такъ, въ виду указанныхъ непримиримыхъ противорѣчій не только въ различныхъ, но даже въ одномъ и томъ же сочиненіи Фейербаха мы положительно отказываемся отвѣтить на вопросъ: въ чемъ, собственно, Фейербахъ полагалъ сущность религіи: въ независимости ли и свободѣ или въ зависимости,—въ смиреніи ли человѣка и сознаніи его ничтожества или въ высокомеріи и гордости, доведшей человѣка до самообоготворенія. По всей вѣроятности, и самъ Фейербахъ категорически не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ, не прибѣгая къ какимъ либо діалектическимъ изворотамъ. Думаемъ, что, перемѣшивая въ своихъ сочиненіяхъ безусловно непримиримо-противорѣчивыя положенія, Фейербахъ хотѣлъ уподобить себя торговцу, который, желая „привлечь покупателей“ и пріобрѣсти популярность въ публикѣ, старается держать въ своей лавкѣ самые различные товары: и лопаты, и желтую глину, и хомуты, и гофманскія капли, и ваксу, и чай,—что кому потребуется. Такіе торговцы встрѣчаются въ глухихъ селеніяхъ; но и покупатели у нихъ—нетребовательные, простые сельскіе крестьяне...

Можно было бы сдѣлать еще одну попытку—спасти честь Фейербаха, какъ философствующаго мыслителя. Нѣкоторые писатели какъ *Шлейермахеръ*, *Шиллеръ*, *Гете* и др., утверждая, что въ религіи человѣкъ преклоняется предъ природою, подъ природою разумѣютъ вселенную, универсъ, природу вообще. Въ такомъ понятіи природы, конечно, мыслится и че-

ловѣкъ, какъ членъ ея, вмѣстѣ съ его разумомъ, волею, высшими духовными стремленіями, и потому хотя съ натяжками, по можно было бы утверждать, что ученію о боготвореніи универса не противорѣчитъ будто бы мысль и о боготвореніи объектированнаго человѣческаго разума, какъ части универса или природы вообще. Но Фейербаха не можетъ защитить даже и такая „дѣланная“ діалектика. Въ обоихъ своихъ сочиненіяхъ онъ ясно противопоставляетъ разумъ человѣческой природѣ внѣшней, физической. Въ послѣднемъ же своемъ сочиненіи („Сущность религіи“), утверждая будто бы въ основѣ всякой религіи лежитъ поклоненіе природѣ, онъ подъ природою разумѣетъ не универсъ, не вселенную, не природу вообще, а только извѣстныя, индивидуальныя, конкретныя *явленія* природы и пменно природы внѣшней, физической, слѣпой и неразумной, противоположной человѣческому духу.

Вотъ какъ, напр., Фейербахъ объясняетъ сущность фетишизма или религіи на первой ступени ея внѣшняго и *естественнаго* развитія. „Извѣстный человѣкъ, такой-то народъ, такое-то племя,—говоритъ онъ, *зависятъ не отъ природы или земли вообще, но отъ этой почвы, отъ этой земли, и—не вообще отъ воды, а именно отъ этой воды, отъ этой рѣки, отъ этого источника.* Египтянинъ внѣ Египта уже не египтянинъ, индѣецъ—не индѣецъ внѣ. Индіи. Съ полнымъ правомъ, съ тѣмъ же самымъ правомъ, по которому универсальный человѣкъ почитаетъ богомъ свое универсальное существо, точно также древніе, ограниченные духомъ и тѣломъ, привязанные къ своей землѣ народы, народы, полагавшіе свое существо не въ ихъ человѣчности, но въ томъ, что они—извѣстный народъ, извѣстное племя, поклонялись горамъ, деревьямъ, звѣрямъ, рѣкамъ и источникамъ своей земли, какъ божественнымъ существамъ, ибо вся ихъ жизнь, все существо ихъ основывались вѣдь только на свойствахъ ихъ земли, ихъ природы“.

Что сказать объ этомъ рѣшеніи вопроса о сущности и происхожденіи первоначальной религіи? Можетъ ли она удовлетворить даже самаго „снисходительнаго“ читателя? По нашему мнѣнію, такое „объясненіе“ есть возмутительное издѣвательство и надъ здравымъ человѣческимъ разумомъ, и надъ исторіею

человѣчества, и надъ свидѣтельствомъ дѣйствительной жизни нашего времени! Неужели вы, читатель, можете согласиться съ Фейербахомъ въ томъ, чтобы когда либо человѣкъ, хотя бы то и дикарь, не лишившись разсудка, полагалъ *свое существо* въ той горѣ, у подошвы которой онъ устроилъ свой шалашъ, въ деревѣ, которое расло передъ его глазами, и „полагая въ нихъ свое существо“, поклонялся имъ какъ Богу, т. е., какъ существу высочайшему, всесовершенному, вѣчному, неизмѣняемому, премудрому, всемогущему и т. п.? По Фейербаху, выходитъ, что древніе народы „поклонялись *всѣмъ* горамъ, деревьямъ, звѣрямъ, рѣкамъ и источникамъ своей земли, какъ божественнымъ существамъ“. Но ни исторія, ни грубая языческія вѣрованія ничего подобнаго намъ не говорятъ, очевидно, потому, что ничего подобнаго не было въ дѣйствительности. По свидѣтельству исторіи и религіозныхъ вѣрованій самыхъ грубыхъ язычниковъ, дикари *почитали* не всѣ горы, деревья и источники своей земли, а только *нѣкоторыя* изъ нихъ. Чѣмъ же объясняется этотъ выборъ различныхъ предметовъ поклоненія? По Фейербаху, такого выбора не могло быть, ибо свою сущность дикарь полагалъ во всѣхъ явленіяхъ окружавшаго его міра. По исторіи, поведеніе дикаря объясняется проще и естественнѣе: имѣя идею Высочайшаго Существа, вложенную въ самую его духовную природу, онъ, лишенный непосредственнаго божественнаго откровенія, по ограниченности и помраченности своего разума, полагалъ, что это Высочайшее существо, всемогущее, вѣчное и всесовершенное, *живетъ* въ извѣстной ему горѣ, деревѣ или рѣкѣ и потому относился къ нимъ съ *боязнью*, почитаніемъ и благоговѣніемъ не какъ къ самому Божеству, а лишь какъ къ *мѣстопребыванію* его. Такъ, напр., по вѣрованію нашихъ языческихъ предковъ—славянъ, въ лѣсу жилъ будто бы лѣшій, въ рѣкахъ—водяной и русалки, на чердакѣ избы—домовой; но и наши языческіе предки ясно различали лѣсъ отъ лѣшаго, рѣку отъ русалокъ, чердакъ избы отъ домового. То же самое нужно сказать и объ язычникахъ вообще. Такимъ образомъ, что совершенно необъяснимо по гипотезѣ Фейербаха, то легко и просто объясняютъ намъ исторія и самыя языческія религіоз-

ныя вѣрованія. Напр., у языческихъ грековъ, разумѣется, было много рощъ, но изъ нихъ они *почитали* только *одну* и по шелесту листьевъ *нѣкоторыхъ* деревьевъ этой рощи старались гадать о будущемъ. Чѣмъ же объяснить это? Отчего греки почитали не всѣ свои рощи и не всѣ находившіяся въ нихъ деревья, а только *нѣкоторыя*? У Фейербаха мы не найдемъ отвѣта на этотъ вопросъ; ибо, по его ученію, греки должны бы „полагать свое существо“ въ рощахъ вообще, а не въ *нѣкоторыхъ* только. Но вполне удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ мы найдемъ въ самыхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ грековъ, по которымъ боги обитали не во всѣхъ рощахъ вообще, а только въ *одной*, къ которой языческіе греки по этой причинѣ и относились съ особеннымъ благоговѣніемъ. Не они виноваты, если впоследствии *нѣкоторые* недалъновидные изслѣдователи это благоговѣйное отношеніе къ рощѣ, какъ мѣсто-пробыванію божества, отождествили съ *богтвореніемъ* ея.

Столь же легкомысленно объясняетъ Фейербахъ и встрѣчаемое у языческихъ народовъ *почитаніе нѣкоторыхъ животныхыхъ*. По его объясненію, человѣкъ возвысился надъ животнымъ состояніемъ, благодаря именно животнымъ, а не провидѣнію, не помощи сверхъестественныхъ силъ, т. е., боговъ, духовъ, геніевъ, ангеловъ. И когда человѣкъ понялъ это, равно какъ и то, что лучшіе дары и способности идутъ не сверху, а *снизу*, не отъ того, что выше его, а отъ того, что *ниже* его, не съ высотъ природы, а изъ глубины ея, когда онъ понималъ, что истинными помощниками его, его *ангелами-хранителями* были именно *животныя*, онъ и сталъ почитать животныхъ какъ своихъ боговъ! Этимъ значеніемъ животныхъ для человѣка, говоритъ Фейербахъ, совершенно оправдывается религіозное почитаніе ихъ: животныя были для человѣка *неизбѣжнымъ, нужнымъ* твореніемъ, отъ нихъ зависѣло его существованіе, а то, отъ чего зависитъ жизнь, бытіе человѣка, то для него—Богъ!

Когда мы читали это легкомысленное разсужденіе нѣмецкаго мыслителя, не имѣвшаго недостатка въ почитателяхъ и популяризаторахъ, мы невольно подумали: вотъ новое неопозволительное и преступное издѣвательство надъ человѣческимъ

разумомъ! Гдѣ Фейербахъ могъ найти основаніе для своего заключенія, что человѣкъ боготворилъ животныхъ за то только, что они стоятъ ниже его, покорны ему, находятся въ служебномъ отношеніи къ нему? Какой историкъ, какія вѣрованія дикаря говорятъ намъ объ этомъ? Фактическихъ и объективныхъ основаній у Фейербаха не было и даже быть не могло. Приведенное объясненіе есть лишь дѣло его фантазіи,— есть его предположеніе, чуждое даже и формальнаго, логическаго основанія. Въ самомъ дѣлѣ, кто же можетъ допустить, чтобы человѣкъ, какъ разумное существо, признавалъ *высочайшимъ* существомъ или Богомъ не то, что *выше*, но то, что *ниже* его самаго, т. е., самое *низшее*, по его понятію, мыслилъ въ то же время самымъ *высшимъ*? И замѣтимъ, что такъ думаетъ Фейербахъ не объ отдѣльномъ какомъ либо человѣкѣ—исключительномъ или умалишенномъ, а обо всемъ *человѣчествѣ!*

Фейербахъ утверждаетъ, что люди стали поклоняться животнымъ, какъ божествамъ потому именно, что животныя *нужны* имъ, что люди пользовались ихъ услугами. Но здравая логика требуетъ какъ-разъ противоположнаго заключенія, именно,—что люди потому и не могли признавать животныхъ божествами, что животныя ниже ихъ, что животными они пользовались какъ *служебными* тварями. Фейербаху извѣстна рѣчь греческаго комика Анаксандрида ко египтянамъ; но, къ сожалѣнію, онъ не понималъ ея смысла. Анаксандридъ такъ говорилъ египтянамъ: „Въ ваше общество я не гожусь; законы и нравы ваши странны: вы молитесь быку, котораго я приношу въ жертву богамъ; для васъ угорь—великій богъ, для меня же онъ—великое лакомство; вы страшитесь свинины, я же ѣмъ ее съ удовольствіемъ; вы почитаете собаку, а я бью ее, когда она стащитъ у меня что-либо съѣстное; вы сокрушаетесь сердцемъ, когда кошкѣ не по себѣ, а я радуюсь и сдираю съ нея шкуру; вы придаете какое-то значеніе землеройкѣ, а я—ровно никакого“... Никто не станетъ спорить, что въ этомъ случаѣ Анаксандридъ рассуждалъ совершенно здраво и разумно; но неужели же кто-либо можетъ серьезно думать вмѣстѣ съ Фейербахомъ, что въ то время во всемъ тогдашнемъ мірѣ былъ только одинъ разумный и здравомыслящій человѣкъ—Анаксандридъ? Неужели

ли цѣлый египетскій народъ былъ лишенъ здраваго смысла и не могъ разсуждать такъ, какъ разсуждалъ тогдашнїй греческїй комикъ? Неужели современные Анаксандриду египтяне не признавали, что животныя должны находиться въ служебномъ отношенїи къ человѣку? На этотъ вопросъ и самъ Фейербахъ не долженъ былъ бы отвѣтить отрицательно, ибо, какъ мы видѣли выше, по его мнѣнію, люди потому именно и боготворили животныхъ, что пользовались ими для своихъ нуждъ, какъ служебными тварями. Здѣсь Фейербахъ, очевидно вращается въ какомъ-то заколдованномъ кругу: въ § 3-мъ своего сочиненїя—„Сущность религїи“ онъ доказываетъ, что люди потому боготворили животныхъ, что смотрѣли на нихъ какъ на нужныхъ имъ служебныхъ тварей, стоящихъ *ниже* человѣка; въ § 38-мъ того же самаго сочиненїя, опираясь на приведенную рѣчь Анаксандрида, онъ доказываетъ уже противное,—именно,—что разумные люди не должны были бы *боготворить* животныхъ, потому что они *ниже* человѣка, подчинены ему, употребляются по его усмотрѣнію... Изъ этого круга противорѣчїй, конечно, выбраться нельзя, а еще менѣе можно уяснить себѣ ученїемъ Фейербаха то, какимъ образомъ люди стали воздавать различнымъ животнымъ божескія почести. Между тѣмъ на основанїи историческихъ указанїй и свидѣтельства самыхъ религіозныхъ языческихъ вѣрованїй дѣло объясняется весьма просто. Первоначально язычники вовсе не боготворили животныхъ, а признавали ихъ только носителями божества и притомъ—не всѣхъ вообще животныхъ извѣстнаго рода, а только нѣкоторыхъ и даже немногихъ. Соответственно такому вѣрованїю они и *почитали* ихъ. Отожествленїе какого либо животнаго, признаннаго первоначально носителемъ божества, съ самымъ божествомъ могло быть дѣломъ уже позднѣйшихъ поколѣнїй, забывшихъ смыслъ почитанїя животныхъ, установленный отдаленными предками. Съ этой точки зрѣнїя, очевидно, не представляется уже затрудненїя объяснить, какимъ образомъ египтяне, признавая *всѣхъ* быковъ служебными тварями, запрягая ихъ въ плугъ и обрабатывая ими землю, *одно-го* изъ нихъ объявляли Сераписомъ и воздавали ему божескія почести.

Думаемъ, что и самъ Фейербахъ ясно видѣлъ всѣ научные недостатки натуралистической гипотезы происхожденія религіи въ родѣ человѣческомъ, и если онъ, повидимому, защищаетъ и поддерживаеетъ ее въ своемъ разсужденіи о сущности религіи, то не потому, что былъ убѣжденъ въ ея научной состоятельности и истинности, а потому, что держалъ ее въ своей лавочкѣ „для желающихъ“. Такое предположеніе мы высказываемъ на томъ основаніи, что рядомъ съ натуралистическою гипотезою, по которой первоначальнымъ и главнымъ предметомъ религіи, т. е., Богомъ, признается внѣшняя, физическая природа и ея явленія, Фейербахъ помѣщаетъ и свою первую гипотезу о боготвореніи человѣка, только—не въ первоначальномъ ея видѣ, а, такъ сказать, въ „исправленномъ и дополненномъ“ или—во всякомъ случаѣ—въ измѣненномъ. Какъ мы видѣли, по ученію Фейербаха, изложенному въ послѣдней редакціи, предметомъ религіи или Богомъ объявляется уже не объективированный разумъ человѣческій, а объективированное человѣческое высокомеріе, эгоизмъ, чувственныя желанія.

Правда, и въ сочиненіи „Сущность христіанства“, какъ мы видѣли, Фейербахъ признаетъ чувства и желанія человѣка источникомъ религіозной иллюзіи, но только иллюзіи христіанской, а не религіи вообще, сущность которой онъ полагаетъ въ объективированіи человѣческаго разсудка или разума. Фейербахъ смотритъ на религію какъ на неразумное и болѣзненное явленіе въ человѣческомъ духѣ,—и вотъ это-то болѣзненное явленіе, развиваясь постепенно, въ христіанствѣ достигаетъ того пункта, за которымъ должна послѣдовать смерть. Въ христіанствѣ, выродившемся изъ іудейства, говоритъ онъ, чувство получаетъ перевѣсъ надъ разсудкомъ, а потому и христіанскій Богъ не есть уже объективированный разумъ, какимъ онъ является для языческихъ религіи и философіи, а есть только объективированное чувство—любовь и объективированныя эгоистическія желанія человѣка, ибо объективированная любовь есть самый грубый эгоизмъ и утилитаризмъ. Эгоизмъ объективировался уже въ іудейской религіи. Вѣра въ особенный Божій промыслъ, говоритъ Фейербахъ, есть характеристическая вѣра іудейства, вѣра въ промыслъ есть вѣра въ чудо,

а вѣра въ чудо можетъ быть только тамъ, гдѣ природа созерцается какъ предметъ произвола, эгоизма, употребляющаго ее для произвольныхъ цѣлей. Вотъ почему тамъ вода то течетъ каплями, то сгущается въ одну массу, жизнь обращается въ змѣя, вода прелагается въ кровь, течетъ изъ камня, на одномъ и томъ же мѣстѣ въ одно и то же время бываетъ свѣтъ и тьма, солнце то останавливается свое теченіе, то идетъ опять. И всѣ эти противоестественности совершаются *для блага Израиля*, по повелѣнію, конечно, Іеговы, который кромѣ Израиля не заботится ни о чемъ, который есть не что иное, какъ олицетворенное *самолюбіе* израильскаго народа, исключющее изъ себя всѣ другіе народы, ибо абсолютная нетерпимость есть тайна монотеизма. Греки—продолжаетъ Фейербахъ—смотрѣли на природу *теоретически*, они слышали небесную музыку въ гармоническомъ движеніи звѣздъ, они видѣли природу въ образѣ Венеры, возстающей изъ пѣны всерождающаго океана. Израильтяне, напротивъ, открывали для природы только свои гастрономическія *чувства*, только небомъ своимъ уразумѣвали они вкусъ ея, только въ наслажденіи манною видѣли они своего Бога. У грековъ были стремленія гуманныя,—свободныя искусства, философія, израильтянинъ не возвышался *надъ попеченіемъ о хлѣбѣ*. „Вечеромъ будете есть мясо, а поутру насытитесь хлѣбомъ и узнаете, что *Я Господь, Богъ вашъ*“ (Исх. 16, 12). „И положилъ Іаковъ обѣтъ сказавъ: если Господь Богъ будетъ со мною и сохранитъ меня въ пути семъ, въ который я иду, и дастъ мнѣ хлѣбъ есть, и одежду одѣться, и я въ мирѣ возвращусь въ домъ отца моего, и будетъ Господь моимъ Богомъ“ (Быт. 28, 20). Когда семьдесятъ старѣйшинъ взошли съ Моисеемъ на гору, тогда видѣли они Бога, *или и ѣли* (Исх. 2, 24). Такимъ образомъ, легкомысленно иронизируетъ Фейербахъ, созерцаніе высочайшаго существа у евреевъ возбуждало только одинъ аппетитъ къ ѣдѣ! По объясненію Фейербаха, іудейскій Богъ есть самый грубый эгоизмъ, облеченный въ форму религіи. Эгоизмъ, говоритъ Фейербахъ, есть богъ, никому не позволяющій оскорблять своихъ слугъ. Эгоизмъ въ существѣ своемъ есть *единобожіе*, потому что имѣетъ свою цѣлю только одно—себя

самого. Онъ сосредоточиваетъ, концентрируетъ челоѣка въ самомъ себѣ, даетъ ему твердое начало жизни, но за то *теоретически* дѣлаетъ его ограниченнымъ, потому что заставляетъ быть равнодушнымъ ко всему, что не относится непосредственно къ его собственному благу. *Науки* и свободныя искусства раждаются, говоритъ Фейербахъ, изъ *политеизма*, потому что политеизмъ есть открытое для всего, безъ различія, изящнаго и добраго, дружественное чувство, чувство міра универсальнаго. Греки смотрѣли на обширный міръ за тѣмъ, чтобъ расширить кругъ своего зрѣнія, іудеи до сихъ поръ обращаютъ сердце свое во время молитвы къ Іерусалиму. Словомъ: *монотеистическій эгоизмъ* лишилъ израильянина свободныхъ *теоретическихъ* чувствъ. Соломонъ, безъ сомнѣнія, превосходилъ мудростью своею всѣхъ дѣтей востока и говорилъ о деревьяхъ отъ кедра ливанскаго до иссопа, растущаго на стѣнахъ, о скотахъ, птицахъ, червяхъ и рыбахъ (3 Ц. 4. 30—34). Но за то онъ не служилъ Іеговѣ всѣмъ сердцемъ своимъ, благоволилъ къ богамъ чуждымъ и женамъ, имѣлъ, стало быть, *политеистическое* чувство и вкусъ. Чувство *политеистическое*, повторю опять, *есть начало наукъ и искусствъ*. Для эгоиста непріятно, что удовлетвореніе его желаній и потребностей условно, что между реальностью и желаніемъ находится цѣлая пропасть. Вотъ почему, дабы удалить отъ себя эту непріятность, онъ и представляетъ себя высочайшимъ существомъ, такимъ существомъ, которое однимъ простымъ „я хочу“ творитъ предметъ. Отъ этого-то природа, міръ іудею казались продуктомъ *диктаторскаго слова, безусловнаго императорства, волшебнаго могущества*. Евреи возвысились отъ идолопоклонства къ почитанію Бога, т. е., поясняетъ Фейербахъ, они возвысились *надъ теоретическимъ созерцаніемъ природы* до созерцанія чисто практическаго, подчиняющаго природу цѣлямъ одного эгоизма. Христіанская религія, по мнѣнію Фейербаха, есть явленіе еще болѣе позорное и еще болѣе вредное, чѣмъ религія іудейская. Христіанская религія, говоритъ Фейербахъ, есть та же іудейская религія, но только очищенная отъ національнаго эгоизма. Іудейство есть мірское христіанство, а христіанство—духовное іудейство. Если мы отвлечемъ отъ самосознанія Израиля

національнныя ограниченія, то вмѣсто него у насъ будетъ человекъ вообще. И христіанинъ дѣйствительно объектируетъ въ Богъ общечеловѣчскій эгоизмъ, общечеловѣческую сущность. Христіанскій Богъ есть любовь, исполняющая всѣ наши желанія, всѣ потребности нашего сердца, онъ есть *реализированное желаніе* сердца. Богъ есть любовь, т. е., *чувство есть богъ человека*. Особенно характеристическое различіе христіанства отъ язычества, учить Фейербахъ, заключается въ отношеніи индивидуума къ понятію, къ разсудку къ *воѣс*. Христіане *обиндивидуализировали* разсудокъ, язычники дѣлали его существомъ *всеобщимъ*. Для язычниковъ разсудокъ, понятіе были *самою сущностью* человѣческой, а для христіанъ они стали казаться *частью самаго человека*; для первыхъ поэтому представлялись *безсмертными*, т. е., *божественными*—*понятіе, родъ*, а для послѣднихъ—*индивидуумъ, личность, эгоизмъ*. Homo homini Deus est! Но отвергнувъ понятіе, родъ, ограниченіе, христіанство стало проповѣдывать безграничную свободу или—что то же—безграничный эгоизмъ, не стѣсняющійся ни семьею, ни обществомъ, ни даже всею землею жизнію. Ему не нужна ни наука, ни образованіе, ни любовь женщины, отца, дѣтей, ни собственная воля, ни даже собственное тѣло, собственная жизнь на землѣ. Съ водвореніемъ христіанства исчезла идея рода и вмѣстѣ съ нею значеніе родовой жизни. Высказанное нами раньше положеніе, что христіанство не имѣетъ у себя *начала образованія*, говоритъ Фейербахъ, получаетъ теперь новое подтвержденіе. Тамъ, гдѣ человекъ непосредственно отождествляетъ родъ съ индивидуумомъ и это отождествленіе считаетъ своимъ высочайшимъ существомъ, своимъ богомъ, гдѣ, слѣдовательно, идея человѣчества является ему какъ идея божества, тамъ уничтожается потребность образованія, человекъ все имѣетъ въ себѣ, все въ своемъ Богѣ, стало быть не чувствуетъ никакой потребности восполнять себя другимъ человекомъ, представителемъ рода, потребности, на которой единственно и основывается побужденіе къ образованію. Христіанскій Богъ есть *абсолютная субъективность, субъективность, отрѣшенная отъ міра, премірная, освобожденная отъ матеріи, отъ родовой жизни* и вмѣстѣ съ тѣмъ

отъ половыхъ различій. Поэтому, говоритъ Фейербахъ, отречение отъ міра, матеріи, родовой жизни есть существенная цѣль христіанъ. И эта цѣль *чувственнымъ образомъ* реализуется въ *монашество*, которое есть сильнѣйшее выраженіе безпредѣльнаго эгоизма, т. е., самой сущности христіанства.

Такъ рассуждаетъ Фейербахъ въ своемъ сочиненіи „Сущность христіанства“. По его ученію, изложенному здѣсь, сущность язычества состоитъ въ боготвореніи объектированнаго человѣческаго разума, сущность христіанства—въ боготвореніи объектированнаго человѣческаго чувства, эгоизма и эгоистическихъ желаній. Въ другомъ своемъ сочиненіи—позднѣйшемъ—„Сущность религіи“—онъ уже значительно видоизмѣняетъ свое первоначальное ученіе и то, что онъ раньше считалъ только сущностью христіанства, теперь объявляетъ сущностью религіи вообще. О томъ, что сущность языческихъ религій состоитъ въ боготвореніи объектированнаго разума, здѣсь уже нѣтъ рѣчи. Здѣсь Фейербахъ говоритъ только объ объектированныхъ эгоистическихъ чувственныхъ желаніяхъ человѣка.

Такое измѣненіе гипотезы, изложенной первоначально въ сочиненіи Фейербаха—„Сущность христіанства“, по нашему мнѣнію, не улучшаетъ, а ухудшаетъ дѣло. Вопросъ о религіи, ея сущности и происхожденіи здѣсь не только не разрѣшается, а еще болѣе запутывается. Кажется, что излагая свою гипотезу, Фейербахъ имѣлъ въ виду не дѣйствительно существовавшія или существующія религіи въ человѣческомъ родѣ, а нѣчто самоизмышленное и—измышленное именно съ цѣлію унижить достоинство человѣка какъ существа свободно—разумнаго.

Когда въ своемъ сочиненіи „Сущность христіанства“ Фейербахъ хотѣлъ увѣрить своихъ читателей въ томъ, что въ религіи Богъ есть не что иное какъ объектированный разумъ человѣческой, онъ изъ всѣхъ силъ старался о томъ, чтобы разумъ или разумокъ человѣка возвысить на счетъ сердца и воли. Разумокъ, говорилъ Фейербахъ, есть сущность, все устанавливающая, все обуславливающая и все посредствующая, все поставяющая во взаимной связи и зависимости, потому что самъ онъ есть сущность *непосредственная*, безусловная, имѣ-

ющая сама въ себѣ свою цѣль и основаніе и спрашивающая объ основаніи всѣхъ вещей. Разсудокъ есть критерій всякой реальности; выше всемогущества стоитъ высшее могущество разума, выше существа божественнаго—сущность разсудка. Разсудокъ есть *ens realissimum*, всереальнѣйшая сущность древнихъ онтологій; разсудокъ есть сущность самостоятельная и независимая; разсудокъ есть сущность безконечная, онъ—источникъ истины, а его единство есть единство Божіе. Противоположнымъ началомъ въ душѣ человѣка должно быть признано сердце, какъ источникъ чувствъ и желаній. Изъ него вытекаютъ и къ нему сходятся всѣ наши душевныя страданія, страсти, чувственныя похоти и влеченія, всѣ потребности, слабости и недостатки человѣка. Когда сердце достигаетъ господства надъ разумомъ, оно лишаетъ его хладнокровія, необходимаго для постиженія истины, помрачаетъ его и толкаетъ на ложный путь: въ этомъ случаѣ человѣкъ представляетъ себѣ міръ не въ его истинномъ свѣтѣ, а въ такомъ, какого *желаетъ* сердце. Вотъ почему у людей чувствительныхъ съ подавленіемъ разсудка открывается широкій путь для самой разнузданной фантазіи или воображенія. Какъ сила желаній, сердце не стѣсняетъ себя никакимъ временемъ, оно хочетъ безусловнаго, мгновеннаго исполненія. Отсюда-то и происходитъ, что каждая религія наполнена чудесами: лишь явилось желаніе,—тотъ часъ же—готово и чудо; для разума же чудо лишено смысла, невысказуемо. Такъ какъ основаніе христіанской религіи составляютъ наши грубо-эгоистическія желанія, то, по ученію Фейербаха, было только въ порядкѣ вещей, когда христіанство закончило свое существованіе кровопролитіями крестовыхъ походовъ, инквизиціею, преслѣдованіемъ еретиковъ, борьбою съ свѣтскою властію, однимъ словомъ—нетерпимостію и фанатизмомъ.

Ученіе Фейербаха о религіи, помимо того, что заключаетъ въ себѣ указанная выше, странныя для философа, самопротиворѣчія, настолько шатко, ложно и тенденціозно, что, собственно говоря, оно даже и не нуждается въ подробномъ опроверженіи. Намъ кажется, что достаточно было бы только изложить его обстоятельно и правдиво,—и всякій благоразум-

ный и безпристрастный читатель скажетъ: „Нѣтъ! Фейербахъ не разрѣшилъ вопроса о сущности религіи, а только запуталъ его; да не о дѣйствительной религіи онъ и говоритъ, если только не намѣренно искажаетъ ее!“

Начнемъ съ обсужденія частныхъ положеній. Христіанство, говоритъ Фейербахъ,—отвергло *понятіе, родъ, общее* и ничего не знаетъ кромѣ *индивидуума*, отдѣльной личности. Правда ли это?—Нѣтъ, это ложь для всякаго очевидная. Скорѣе нужно сказать *почти* противное: не уничтожая индивидуума и высоко цѣня личность каждаго человѣка, христіанство въ то же время не уничтожаетъ и общаго или рода и даже требуетъ постояннаго, хотя и добровольнаго подчиненія частнаго общему, индивидуальнаго родовому. Зерно христіанской нравственной жизни заключается въ заповѣди Христа о *самоотреченіи*: „Если кто хочетъ идти за Мною, пусть отвергнется себя, и возьметъ крестъ свой и слѣдуетъ за Мною“. Какой смыслъ заключаетъ въ себѣ эта заповѣдь, какъ не подчиненіе частнаго общему? Этою заповѣдію общее не уничтожается, а возвышается, значеніе же его усиливается. Христось основалъ Церковь, общество вѣрующихъ, вручилъ ей всѣ средства спасенія частныхъ людей и судъ надъ ними: если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой и не послушаетъ твоихъ частныхъ обличеній, объяви объ Немъ Церкви! Что это какъ не возвышеніе общаго и подчиненіе ему частнаго? Христось требуетъ отъ Своихъ послѣдователей любви къ ближнему, даже ко врагамъ; существенный признакъ христіанской любви—жертва; а потому, по ученію Спасителя, христіанинъ долженъ быть готовъ не только на жертвы, но и на самопожертвованіе: для блага другихъ онъ долженъ пожертвовать даже и душу свою. Ап. Павелъ высказывалъ готовность пожертвовать за своихъ братьевъ—іудеевъ даже *своимъ* вѣчнымъ блаженствомъ! Значитъ, нельзя сказать, что христіане жертвуютъ только своими *земными* благами, которыя они, „по безпредѣльности своего эгоизма“, презираютъ. Фейербахъ указываетъ на христіанское монашество въ доказательство той мысли, что христіанство знаетъ только индивидуумъ, а не родъ или общее, такъ какъ монашество будто бы есть „сильнѣйшее выраженіе безпредѣль-

наго эгоизма въ христіанствѣ“. Но монашество именно представляетъ нагляднѣйшее доказательство того, что въ христіанствѣ частное или индивидуальное подчиняется общему и родовому, ибо монахъ, чтобы принадлежать къ обществу, отказывается отъ всего индивидуальнаго, частнаго и исключительнаго, отказывается не только отъ своего имущества, но даже отъ собственной воли.

Клевещеть Фейербахъ на христіанство и въ томъ случаѣ, когда утверждаетъ, будто бы христіанство презираетъ бракъ и семью. Каждому извѣстно, что христіанство, признающее „бракъ честнымъ и ложе несквернымъ“, не только не презираетъ брака, но, въ сравненіи со всѣми другими религіями, возвышаетъ и освящаетъ его. Самъ Христосъ объявилъ, что въ христіанствѣ бракъ долженъ быть нерасторжимъ. Ап. Павелъ, называющій христіанскую семью „домашнею церковію“, выяснилъ все нравственное значеніе брака. По христіанскому ученію бракъ установленъ самимъ Богомъ и есть таинство, въ которомъ вѣрующимъ преподается особенная *благодать* или—что тоже—спасительная сила Божія. Если дѣвство въ христіанствѣ ставится выше супружества, то именно потому, что въ немъ общее предпочитается частному. Христіанство одобряетъ дѣвство и Господѣ, а не эгоистическое. Если старый холостякъ не хочетъ вступать въ бракъ только потому, что боится безпокойства отъ семьи, не хочетъ пожертвовать своимъ трудомъ, собою дѣтямъ,—такого *эгоистическаго* безбрачія христіанство не одобряетъ потому именно, что оно эгоистично; но если сынъ отказывается отъ вступленія въ бракъ и семейныхъ радостей ради поддержанія семьи своего умершаго отца, ради своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ, то такое дѣвство выше супружества, потому что съ нимъ соединяется жертва, любовь къ ближнему, побѣда надъ грубо—чувственнымъ эгоизмомъ, предпочтеніе общаго частному.

Фейербахъ далѣе утверждаетъ, что христіанство враждебно наукѣ, просвѣщенію и умственному образованію, что науки и искусства процвѣтаютъ только тамъ, гдѣ религія носитъ форму полигеизма, а не монотеизма. Такимъ образомъ по Фейербаху выходитъ, что науки, искусства, техническія усовершенство-

ванія, литература и философія, прогрессъ и цивилизація наши для себя роскошную и удобную почву не среди христіанскихъ европейцевъ, а среди австралійскихъ дикарей, бразильскихъ индійцевъ, канадскихъ гуроновъ, сурикозовъ, армуткозовъ, азіатскихъ и цейлонскихъ вѣдовъ, африканскихъ кафровъ и зулусовъ! Нужно ли приводить какія-либо доказательства въ опроверженіе столь страннаго и нелѣпнаго утвержденія Фейербаха? Кто же, не утративъ здраваго смысла, можетъ не видѣть, что въ самой сущности христіанства уже заключаются начала духовнаго просвѣщенія, науки, образованія, ибо оно есть „свѣтъ міру“, „путь, истина и жизнь“, что оно и существуетъ въ мірѣ для того, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ. Оно постоянно заповѣдуетъ „возгрѣвать въ себѣ даръ Божій“, знать твердое основаніе вѣры, „испытывать писанія“, укрѣплять свою вѣру во Христа разсмотрѣніемъ Его дѣлъ, свидѣтельствующихъ о Его Божественномъ посольствѣ. Ясно, что христіанство не отвергаетъ, а даже рекомендуетъ чисто научный, апологетическій, раціональный методъ изслѣдованія и въ дѣлахъ самой вѣры, въ области бытія вышечувственнаго, сверхъестественнаго. Тотъ, Кто любилъ Самаго Себя называть по-преимуществу *учителемъ*, а своихъ послѣдователей *учениками*, не можетъ быть противникомъ ни ученія, ни науки. Если вы обратитесь къ исторіи,—и она скажетъ вамъ, что христіанство повсюду несло за собою грамотность, книги, науку, народное просвѣщеніе и благословляло труды ученыхъ.

Намъ справедливо могутъ сдѣлать упрекъ, что мы теряемъ напрасно время, доказывая то, что очевидно и ясно для каждаго. Этотъ упрекъ имѣетъ для себя полное основаніе; но мы и не имѣли въ виду, собственно говоря, того, чтобы доказывать всѣмъ извѣстныя истины, т. е.,—что христіанство не возвышаетъ индивидуума на счетъ рода, не презираетъ семьи, не враждуетъ противъ науки. Мы хотѣли только показать, съ какимъ *тенденціознымъ* мыслителемъ, въ лицѣ Фейербаха, намъ приходится имѣть дѣло. И мы думаемъ, что достигли своей цѣли. Фейербахъ, дѣйствительно, тенденціозенъ, какъ немногіе изъ его единомышленниковъ. Самою очевидною истиною, самою несомнѣнною дѣйствительностію онъ жертвуетъ своему напе-

редь усвоенному школьно-философскому міровоззрѣнію; ради его именно онъ готовъ утверждать, что снѣгъ черенъ, ледъ горячъ, желѣзо—жидкость. Примѣръ и доказательство приведены выше. Усвоивъ напередъ совершенно ложную мысль, будто бы сущность религіи вообще и христіанства въ частности составляетъ эгоизмъ, онъ и начинаетъ увѣрять своихъ читателей, что христіанство знаетъ только личность и уничтожаетъ родъ, презираетъ семью ради индивидуума, уничтожило самыя начала образованія, науки, искусства. Ослѣпленный своимъ школьно-философскимъ, одностороннимъ, ложнымъ и тенденціознымъ міровоззрѣніемъ, онъ, подъ его давленіемъ, принимаетъ вымыслъ фантазіи за реальные факты, иллюзію—за дѣйствительность. Къ сожалѣнію, Фейербахъ остается такимъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и во всѣхъ своихъ выводахъ.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ.*

(Окончаніе будетъ).

Нравственныя условія религіознаго знанія ¹⁾.

Въ послѣднее время во всѣхъ образованныхъ странахъ, гдѣ пустило корни невѣріе, замѣчается исканіе вѣры. Религіозными вопросами начинаютъ интересоваться все болѣе и болѣе. Объ нихъ стали говорить въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ прежде со словомъ религія соединялось представленіе о невѣжествѣ и грубомъ суевѣріи. Народился новый родъ богослововъ, которые считаютъ себя безпристрастными искателями истины, свободными отъ вѣковыхъ церковныхъ традицій. Съ цѣлью возвратить утраченную вѣру изучаютъ религіозные памятники, устраиваютъ религіозные конгрессы, изслѣдуютъ сравнительное достоинство христіанскихъ исповѣданій, чтобы найти то, которое наиболѣе способно удовлетворить запросамъ челоуѣческаго духа. Что же получается въ результатѣ? Многіе-ли находятъ то, чего ищутъ? Многіе-ли приходятъ къ свѣту божественной истины? Едва ли кто на эти вопросы рѣшится отвѣтить утвердительно. Наблюденіе показываетъ, что современное исканіе вѣры многихъ приводитъ не къ свѣту Христовой истины, а ко тьмѣ древняго язычества или къ такому пониманію христіанства, при которомъ послѣднее оказывается совершенно неузнаваемымъ. Въ передовой Франціи появляются послѣдователи восточнаго азіатскаго буддизма и другихъ древнихъ культовъ. У насъ въ Россіи широко распространены: Пашковщина, Редстоковщина, Штундизмъ, Толстовщина и т. под. Словомъ, нарождаются секты, въ которыхъ мы не

¹⁾ Публичное чтеніе въ залѣ Казанской Городской Думы.

узнаемъ древне-каѳолическаго христіанства, сохраняемаго въ Православной церкви. Несчастіе нашего времени въ томъ, что нынѣ у насъ извращены самыя понятія о возвращеніи отъ невѣрія къ вѣрѣ. Вотъ какъ изображаетъ эти понятія одинъ изъ современныхъ архипастырей: „Кто пересталъ глумиться надъ христіанскою вѣрою, отрицать и порицать ея ученіе и учрежденія, или составилъ себѣ свое собственное религіозное міросозерцаніе, того называютъ уже увѣровавшимъ. Кто послѣ долгихъ лѣтъ невѣрія, но и писательства въ духѣ невѣрія обратился къ Библіи и ученію церкви, въ гордомъ сознаніи своего признаннаго литературнаго таланта, начинаетъ хозяйничать въ области вѣры и все переставляетъ и переименовываетъ по своему, того почитаютъ уже богословомъ. Наконецъ, кто послѣ глумленія надъ вѣрою сталъ заниматься со страстью современными упражненіями въ вызываніи духовъ, о томъ радуются, что онъ увѣровалъ въ бытіе другого міра, не подозревая того, что эта вѣра хуже невѣрія: потому что отъ невѣрія есть возможность обратиться къ вѣрѣ истинной, а отъ общенія съ духами сомнительнаго достоинства, или прямо сказать злыми, нелегко обратиться ко Христу, такъ какъ они рѣдко расстаются съ тѣми, кто добровольно отдается имъ въ руки. Самый прямой путь къ вѣрѣ, повидимому, избираютъ тѣ изъ нашихъ просвѣщенныхъ людей, которые, почувствовавъ неестественность и тягость состоянія невѣрія, обращаются къ христіанскимъ писателямъ, предаются ученымъ изслѣдованіямъ сравнительнаго достоинства христіанскихъ исповѣданій и ученій съ цѣлью найти то, которое наиболѣе удовлетворяетъ ихъ, но и они рѣдко выходятъ на прямой путь. Не приготовившись предварительно къ подобнымъ изслѣдованіямъ тщательнымъ изученіемъ своей православной вѣры, они теряются въ необъятной массѣ противорѣчивыхъ мнѣній и сужденій о вопросахъ вѣры и впадаютъ въ отчаяніе, или равнодушіе къ вѣрѣ, или же переходятъ на сторону враговъ православія“¹⁾. Гдѣ же причина этой бесплодности искавій вѣры? Причина въ ложномъ взглядѣ на христіанство и въ ложности пути и средствъ, ко-

¹⁾ См. Прововѣн *Амеросія*, архіепископа Харьковскаго, стр. 49—50 Харьковъ. 1895 г.

торыми ищутъ вѣры. Коренная ошибка современныхъ искателей вѣры въ томъ, что они на религію смотрятъ, какъ на науку, на христіанство, какъ на своего рода философію, на Иисуса Христа, какъ на обыкновеннаго основателя религіи, подобнаго многимъ другимъ, въ томъ числѣ и новомоднымъ сочинителямъ вѣры, а на разумъ, какъ на единственное средство къ возвращенію утраченной вѣры. Почитая христіанство системою знанія, новѣйшіе „богословы“ обращаются съ нимъ, какъ со всякаго рода знаніемъ: сначала рѣшаются, что согласно со взглядами и сужденіями ихъ разума и что несогласно; первое — признаютъ, второе — отвергаютъ; что понимаютъ, то признаютъ; чего не разумѣютъ, то отрицаютъ. Докматы христіанства менѣе постижимы, посему наиболѣе отвергаются; нравственное ученіе признается, потому что кажется болѣе постижимымъ.

Противъ такого взгляда мы прежде всего замѣтимъ, что если бы христіанство было только системою знанія, то и тогда научное благоразуміе и добросовѣстность должны удержатъ отъ такого обращенія съ христіанскими истинами. Вѣдь сколько было ученій, которыя не были поняты въ свое время по недозрѣлости ума, по недостатку развитія, по слѣпой приверженности къ вѣковымъ предразсудкамъ, но которыя были опѣвены только впоследствии! Но христіанство не философія, не система религіознаго знанія, а историческій фактъ, или точнѣе совокупность фактовъ сверхъестественнаго божественнаго характера ¹⁾. Иисусъ Христосъ не философъ, подобный напр. Сократу или Платону, не моралистъ, возвѣщавшій возвышенныя правила жизни, а Богъ, воспринявшій человѣческую природу въ единство Своей Божественной Ипостаси, совершившей наше искупленіе и чрезъ то, даровавшій людямъ то, въ чемъ они особенно нуждались, что было необходимо для ихъ блага, но чего они своими силами достигнуть не могли. Сила и величіе

¹⁾ По словамъ Шеллина, „христіанство, даже съ точки зрѣнія философіи не есть чистое произведеніе разума человѣческаго; оно прежде всего есть фактъ, и, притомъ, фактъ, больше всѣхъ имѣющій значеніе въ исторіи. Средоточіе этого факта есть лице Иисуса Христа, — Христа въ томъ именно видѣ, какъ представляетъ Его Евангеліе“. См. у Оюста Николая, Философскія размышленія о божественности христіанской религіи, т. 2-й стр. 33.

христіанства не въ ученіи догматическомъ или нравственномъ, а въ фактическомъ осуществленіи самыхъ дорогихъ и заветныхъ желаній чело­вѣка. Что было смутнымъ предчувствіемъ лучшихъ представителей древняго чело­вѣчества, то здѣсь стало дѣйствительностью; желаемое и ожидаемое здѣсь нашло исполненіе и осуществленіе. Люди искали Бога, искали всюду и вездѣ, жаждали познанія Его, общенія съ Нимъ,—во Іисусѣ Христѣ Богъ явился во плоти, оправдалъ Себя въ Духѣ, по­казалъ Себя ангеламъ, проповѣданъ въ народахъ, принятъ вѣрою въ мірѣ, вознесся во славу (I Тим. 3, 16). Люди иска­ли примиренія съ Богомъ, заглаженія вины, оправданія въ беззаконіяхъ,—Іисусъ Христосъ явился какъ Примиритель, Искупитель, Ходатай предъ Богомъ за людей (I Кор. 1, 19—21; Ефес. 2, 13—18; 5, 2; Евр. 9, 12—19 и др.). Люди же­лали обновленія природы, возстановленія силъ, врачеванія недуговъ,—во Іисусѣ Христѣ намъ даровано все необходимое для нашего усовершенствованія и исцѣленія (2 Петр. 1, 2—3. I Кор. 6, 11). Люди желали получить увѣренность въ без­смертіи, въ загробной жизни,—и эта увѣренность дана имъ въ лицѣ Іисуса Христа, особенно въ Его воскресеніи и воз­несеніи на небо (I Кор. 15, 20—23; Іоан. 14, 2, 3; Еф. 2, 6 и др.). Центръ и сущность христіанства въ Богочеловѣкѣ Іисусѣ Христѣ, въ Его Лицѣ, въ событіяхъ Его жизни, осо­бенно въ страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо. Царство Божіе не въ словѣ, а въ силѣ. Христіанство побѣ­дило міръ, восторжествовало надъ всѣми религіозными и фи­лософскими ученіями древности не своими идеями, не учени­емъ, не словомъ, а своею фактичностью, жизненною реаль­ностью. „Христіанское откровеніе не есть рядъ или система идей, но есть рядъ или, лучше, система событій историче­скихъ, сходящихся, какъ въ своемъ средоточіи, въ одномъ со­бытіи всемірно-исторической необъятной важности, въ воплощеніи и явленіи Сына Божія для искупленія людей. Оно— Евангеліе или радостная вѣсть объ этомъ событіи, проповѣдь о Распятіи за насъ Богочеловѣкѣ, Его ученіи и дѣлахъ, осо­бенно о Крестѣ, какъ средоточіи всего Его искупительнаго дѣла (I Кор. 1, 18, 23; II, 6—9), а проповѣдники и учителя

христіанства не философы, но простые свидѣтели историческаго факта, свидѣтели объ Иисусѣ Христѣ и дѣлахъ Его (Лук. 24, 45—48; Іоан. 15, 26—27; 21, 24 и др.). Они повѣствуютъ о томъ, что они сами видѣли, слышали, осязали своими руками (І Іоан. 1, 1 и дал.)¹⁾. Сила ихъ проповѣди заключалась не въ логической доказательности, не въ воздѣйствіи только на умъ, не въ *препрѣтельныхъ* *человѣческой премудрости словесахъ*, но въ *явленіи духа и силы* (І Кор. 2, 4), въ свидѣтельствѣ о Словѣ Жизни, Иисусѣ Христѣ. Если христіанство и можно называть ученіемъ, то ученіемъ о Лицѣ Иисуса Христа, Его жизни и дѣлахъ. Новое въ Немъ не отвлеченная истина, но живой фактъ—фактъ воплощенія едиnorodнаго Сына Божія, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго, воплощенія отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы. Безъ отношенія къ Иисусу Христу христіанство утрачиваетъ свое истинное значеніе и мало чѣмъ возвышается надъ естественными человѣческими ученіями. Разсматриваемое какъ ученіе, христіанство во многихъ отношеніяхъ повторяетъ то, что было по частямъ извѣстно древнему дохристіанскому человѣчеству. Отдѣльнымъ пунктамъ христіанскаго вѣро—и нравоученія всегда можно подыскать соотвѣтствующіе пункты въ языческихъ религіяхъ и философскихъ системахъ, въ чемъ и изощряется бесплодно новѣйшее невѣріе. Евангеліе даже уступаетъ древней мудрости въ томъ, что въ немъ нѣтъ вѣншей логической стройности, разсудочной доказательности, какія присущи напр. философскимъ системамъ Греціи. Оно просто, безъискусственно, понятно не только ученымъ и образованнымъ, но и дѣтямъ и людямъ не книжнымъ, неспособнымъ къ усвоенію отвлеченныхъ тонкостей и разсужденій. Неудивительно, если оно образованнымъ язычникамъ казалось безуміемъ, а іудейскимъ книжникамъ соблазномъ. Нѣтъ, сущность христіанства не въ ученіи, а въ личности Иисуса Христа. Кто хочетъ удержать христіанское ученіе безъ вѣры въ Самого Иисуса Христа, какъ Богочеловѣка и Искупителя, тотъ никогда его не пойметъ и правильно не оцѣнитъ, тотъ только будетъ

¹⁾ *Проф. святи. Святлова*, Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ какъ противо-положенія разума, стр. 33.

путаться въ противорѣчiяхъ. Въ наше время невѣрiе хочетъ удержатъ изъ Евангелiя только нравственное ученiе. Но Христосъ не простой моралистъ, подобный моралистамъ—философамъ. Послѣднiе, составляя такую или иную моральную систему, всегда въ отношенiи къ ней занимаютъ вѣнѣнее положенiе. Мы можемъ восторгаться моральнымъ ученiемъ того или другого философа, но о самой личности его можемъ ничего не знать и даже совершенно забыть его имя. Но отдѣлите христiанскую нравственность отъ личности Иисуса Христа, или умалыте Его божественное значенiе, признайте Его напр. генiальнымъ человѣкомъ, великимъ филантропомъ, возвышеннымъ философомъ, вообще чѣмъ угодно, только не Бого-человѣкомъ и не искупителемъ,—и тогда христiанское нраво-ученiе не будетъ тѣмъ, что оно есть. Раціоналисты, признающiе превосходство христiанскаго нравственнаго ученiя предъ всѣми другими, но отрицающiе Божественное достоинство его Провозвѣстника, имѣютъ ложное, превратное понятiе о христiанской нравственности. Они, по словамъ одного западнаго богослова, хотятъ имѣть воду безъ источниковъ, плодъ безъ дерева, дерево безъ корня, лучъ безъ солнца ¹⁾. Всѣ, даже невѣрующiе преклоняются предъ заповѣдью Спасителя о любви. Но отрѣшите эту заповѣдь отъ личности Иисуса Христа, отъ Его жизни и дѣйствiй, и любовь будетъ пустымъ и бессмысленнымъ звукомъ, мертвымъ бездушнымъ словомъ, которое никогда не найдетъ отголоска въ человѣческомъ сердцѣ. Только въ Лицѣ Иисуса Христа мы узнали, что такое любовь, что значитъ любить и прощать, любить и страдать, потому что въ Немъ увидѣли безконечную любовь Божию, отъ которой и возгорѣлась сильнымъ пламенемъ любовь въ сердцахъ истинныхъ послѣдователей Спасителя. Въ немъ узнали, что любовь основа бытiя и жизни, наше счастье и блаженство, наше величiе и достоинство. Христiанинъ не тотъ, кто признаетъ и исповѣдуетъ ученiе Христа, а кто вѣруетъ въ самого Христа; не тотъ, кто исполняетъ евангелiскiя заповѣди, а кто живетъ во Христѣ, имѣетъ Его въ своемъ сердцѣ, изображаетъ въ

¹⁾ *Gettlingen, Die christliche Sittenlehre. S. 166.*

своей личности; не тотъ, кто въ жизни только идетъ указаннымъ Имъ путемъ, а кто идетъ за Нимъ, въ Немъ пребываетъ и въ общеніи съ Нимъ живетъ. Іисусъ Христосъ Самъ есть путь, Истина и Животъ.

При такомъ взглядѣ на христіанство, какъ на историческій фактъ, а на лицо Іисуса Христа, какъ на центръ и сущность христіанства, ясно открывается, что путь науки и разсудочнаго знанія самъ по себѣ не можетъ произвести живого искренняго убѣжденія въ христіанскихъ истинахъ. Если всякій историческій фактъ отъ изучающаго его требуетъ прежде всего признанія его дѣйствительности на вѣру, потомъ уже объясненія, то и христіанство должно быть прежде всего предметомъ вѣры, а потомъ объясненія и научнаго оправданія. Христіанство не сказочный мифъ отдаленной древности, не легенда сѣдой старины, а дѣйствительное историческое событіе, засвидѣтельствовавшееся столькими свидѣтелями, сколько не имѣетъ за себя ни одинъ историческій фактъ. Его долженъ признать каждый историкъ, даже враждебно настроенный къ нему. Христіанство не только въ историческихъ памятникахъ и документахъ, но и во всѣхъ лучшихъ учрежденіяхъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ милліоновъ людей. Мы вѣримъ Апостоламъ, которые видѣли Спасителя своими глазами, слышали своими ушами и доказали истинность своего свидѣтельства самоотверженною смертію. „Если имъ не вѣрить, говорить одинъ западный богословъ, то нельзя вѣрить ни одному человѣку“¹⁾. Нельзя не вѣрить свидѣтельству мучениковъ, потому что они запечатлѣли свое слово объ Іисусѣ Христѣ своею кровію. Объ Іисусѣ Христѣ громко, въ слухъ всего міра свидѣтельствуется церковь. Одно уже существованіе этого возвышеннаго, величайшаго, всемірноисторическаго и образующаго міровую исторію учрежденія, которому нѣтъ ничего подобнаго,—его единство, его повсемѣстность, его возрождающая сила, которою призванъ къ бытію новый міръ, его незыблемость среди бурь времени,—все это указываетъ на божественное основаніе этого учрежденія, на Іисуса Христа,

¹⁾ См. у Геттинера, Апологія христіанства ч. I. отд. 2 стр. 83.

основаніемъ къ отрицанію фактовъ христіанства служатъ ихъ необычайность, сверхъестественность. Но вѣдь христіанство есть религія, а не философія, а религія всегда и вездѣ хочетъ утверждаться не на разумѣ, а на откровеніи. „Ни одна религія и никакой основатель религіи не доказываютъ истины своего ученія *доводами разума*, но выдаютъ его за безспорную истину въ силу его *непосредственно-божественнаго происхожденія*, т. е., основываютъ его на авторитетѣ божественнаго откровенія“¹⁾. Сверхъестественный элементъ въ христіанствѣ служитъ доказательствомъ его истинности, божественности. Дѣло разума—не огульное предвзятое отрицаніе фактовъ христіанства, а провѣрка ихъ дѣйствительности и исторической достовѣрности. Разъ признана эта достовѣрность, разумъ не имѣетъ права ихъ отвергать, не смотря на всю ихъ непостижимость и необычайность.

Но вѣра, понимаемая въ смыслѣ довѣрія къ постороннему свидѣтельству истины, есть вѣра виѣшняя, разсудочная; это *въра отъ слуха* (Римл. 10, 17). Такую вѣру имѣютъ и бѣсы; и они *отърують и трепещуть* (Іак. 2, 19). Такая вѣра сообщаетъ виѣшнее знаніе, но не внутреннее пониманіе. Чтобы достигнуть послѣдняго, необходимо вѣру—довѣріе возвести на степень живой сердечной увѣренности, сдѣлать живымъ убѣжденіемъ. Путь умственныхъ изысканій, обыкновенно употребляемый современными искателями вѣры, для этой цѣли оказывается непригоднымъ и свидѣлствуетъ только о непониманіи природы ума. Что такое умъ? Это формальная способность составлять представленія, понятія, сужденія и умозаключенія. Для своей дѣятельности онъ всегда нуждается въ матеріалѣ,

между прочимъ, что въ Голландіи въ извѣстное время года вода превращается въ ледъ, по которому могутъ ходить слоны. Доброму королю не подъ силу было понять это; онъ даже обидѣлся на то, что чужеземецъ можетъ такъ шутить надъ нимъ и съ неудовольствіемъ сказалъ: „Я вѣрилъ многому необычайному, что вы мнѣ рассказывали, такъ какъ считалъ васъ за честнаго правдиваго человѣка. Но теперь убѣжденъ, что вы лжецъ“... Но развѣ голландскій путешественникъ лгалъ? Кто отрицаетъ факты христіанской религіи потому только, что не можетъ ихъ понять, не напоминаетъ-ли Сіамскаго короля, не могшаго представить себѣ льда потому только, что онъ никогда не видѣлъ его?

¹⁾ *Прот. І. Петропавловскаго*, Въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія, 1897 г. стр. 182.

доставляемомъ внѣшними чувствами или чувствомъ внутреннимъ. Чего нѣтъ въ чувствѣ, того не можетъ быть и въ умѣ. Никакія усилія ума не дадутъ слѣпому отъ рожденія понятія о цвѣтахъ, глухому о звукахъ, утратившему обоняніе о запахахъ и т. под. Кто самъ не испыталъ чувствъ любви, дружбы, ревности, честолюбія, зависти,—тому не объяснятъ ихъ никакіе психологи. Кто цѣнитъ и знаетъ только грубыя чувственныя удовольствія, для того непонятны подвиги самоотреченія и самоотверженія, вытекающіе изъ стремленія къ добру и совершенству, къ духовнымъ радостямъ мирной и чистой совѣсти. Это справедливо и по отношенію къ религіознымъ истинамъ. Религіозныя истины имѣютъ не отвлеченно-созерцательный характеръ, но жизненно-практической. Онѣ имѣютъ отношеніе не къ уму только, но ко всему существу разумно-нравственной природы человѣка, къ потребностямъ сердца и воли. Основная истина религіи—вѣра въ Бога основывается не на сухихъ идеяхъ, не на разсудочныхъ доказательствахъ, а на идеяхъ прочувствованныхъ. „Она основывается прежде всего на чувствѣ глубокаго ничтожества нашего личнаго существованія, столь кратковременнаго и тѣмъ не менѣе тревожимаго болѣзнию и горемъ; на глубокомъ, свойственномъ религіозному человѣку, чувствѣ ничтожества физическихъ наслажденій и глупости личнаго эгоизма; на смиреніи, которое внушаютъ человѣку безсиліе разума проникнуть тайну нашего назначенія, паденіе съ трескомъ самыхъ возвышенныхъ метафизическихъ системъ и живое чувство непроницаемой тайны, которая окружаетъ и окутываетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Это чувство неисправимой слабости личнаго разума внушаетъ религіознымъ душамъ покорность традиціонному ученію и склонность презирать *a priori* возраженія невѣрія; мало того, сравненіе индивидуальнаго ничтожества съ неизмѣримымъ величіемъ вселенной приводитъ ихъ къ чувству безусловной зависимости отъ Бога. Наконецъ, вѣра основывается также на потребности высшаго правосудія,—потребности очень глубокой въ справедливыхъ душахъ, которыхъ жестоко оскорбляетъ зрѣлище торжествующей злобы. Она подсказывается желаніемъ утѣшенія для скорбящихъ, надеждой на свѣтлое будущее, на из-

бавленіе отъ печалей здѣшней жизни, которая не представляетъ никакихъ шансовъ на улучшеніе для больныхъ и слабыхъ" ¹⁾). Словомъ вѣруетъ и признаетъ Бога только тотъ, кто чувствуетъ внутреннюю потребность въ Немъ, кто ощущаетъ Его въ глубинѣ своей души, въ потребностяхъ своего сердца и своей воли. Умъ самъ по себѣ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ служить и истинѣ и лжи, и признавать и отрицать. До какой виртуозности и изворотливости онъ можетъ быть доведенъ, это особенно хорошо видно изъ примѣра древнихъ софистовъ, которые могли на одинъ и тотъ же вопросъ отвѣчать: и *да* и *нѣтъ*, бѣлое представлять чернымъ, черное—бѣлымъ, добро—зломъ, зло—добромъ. То и другое направленіе онъ получаетъ отъ сердца, отъ котораго, по слову Спасителя, *исходятъ помышленія* (Мѡ. 15, 19). Кто не имѣетъ Бога въ сердцѣ, во внутреннемъ чувствѣ, тотъ не увидитъ Его ни во внѣшней природѣ, ни въ историческихъ судьбахъ человѣчества, ни въ своей собственной жизни. Извѣстный естествоиспытатель *Малласъ* на вопросъ: признаетъ-ли онъ Бога?—отвѣчалъ: „я при помощи телескопа смотрѣлъ все небо, но нигдѣ не замѣтилъ Бога“. *Линней* же, тоже знаменитый естествовѣдъ, въ каждой травкѣ и былинкѣ видѣлъ слѣды премудрости и благости Божіей. Гдѣ причина такого различія во взглядахъ на природу? Не въ умѣ, не въ количествѣ свѣдѣній о природѣ, а въ сердцѣ, во внутреннемъ чувствѣ. Видитъ Бога въ природѣ тотъ, кто имѣетъ здоровое внутреннее око, т. е., чистое сердце. Природа, несомнѣнно, представляетъ намъ слѣды могущества и премудрости Творца; но чтобы исполнѣ правильно и ясно читать и понимать это откровеніе, для этого, по словамъ одного глубокаго русскаго мыслителя, нуженъ ключъ разумѣнія, хранящійся въ глубинѣ человѣческаго духа, въ его идеяхъ истиннаго, разумнаго и прекраснаго; безъ нихъ природа представляется намъ мертвымъ бездушнымъ механизмомъ; наивысшее и самое твердое ручательство въ существованіи міра сверхъестественнаго мы находимъ въ насъ самихъ—въ области духа и только исходя изъ этой области можемъ открывать и пони-

¹⁾ *Жюль Пено*, О вѣрованіи. 1897 г. стр. 143.

мать откровенія духовныхъ качествъ и свойствъ въ природѣ внѣшней ¹⁾). Природа есть какъ бы писаніе, состоящее изъ однихъ согласныхъ буквъ. Чтобы имѣть возможность читать это писаніе, мы должны сами привнести въ него гласныя ²⁾). Равнымъ образомъ, только внутренняя сердечная увѣренность заставляетъ видѣть Бога въ историческихъ судьбахъ челоуѣчества и въ частныхъ случаяхъ жизни отдѣльныхъ людей. Въ противномъ случаѣ уму все въ жизни представляется дѣломъ случая, непонятною игрою какой-то слѣпой перазумной судьбы, бессмысленнымъ силченіемъ челоуѣческихъ стремленій и дѣйствій.

Служа главнымъ основаніемъ живой увѣренности въ бытіи Бога, сердце и воля служатъ необходимымъ условіемъ въ дѣлѣ усвоенія и пониманія всѣхъ откровенныхъ религіозныхъ истинъ. Безъ отношенія къ потребностямъ сердца и воли христіанскія истины никогда не будутъ поняты и одѣнены. Кто не воспринимаетъ ихъ въ сердце и не осуществляетъ волей, тому не помогутъ никакія соображенія и доводы ума, никакія ученые изысканія. Не вкусившій меда самъ никогда не узнаетъ его сладости, сколько бы ему ни объясняли. Дикарь, не видѣвшій ничего кромѣ своей пустыни, не составитъ яснаго и раздѣльнаго представленія о благоустройствѣ Европейскихъ городовъ, объ условіяхъ жизни въ нихъ, при самомъ обстоятельномъ разсказѣ ему. Подобно тому какъ о предметахъ міра видимаго мы тогда только получаемъ ясное и раздѣльное представленіе, когда они подлежатъ нашему опыту и наблюденію, и о предметахъ духовныхъ мы тогда только приобрѣтаемъ ясное понятіе, когда, такъ сказать, осяжемъ ихъ чувствомъ вѣры. Познаніе разума о предметахъ духовныхъ, безъ ощущенія ихъ сердцемъ, подобно знанію по слуху. Оно никогда не исключаетъ возможности сомнѣнія и не можетъ стать прочнымъ убѣжденіемъ. Убѣжденіе только тамъ, гдѣ умъ оживляется и согрѣвается сердцемъ. „Что такое убѣжденіе? Это мысль излюбленная и прочувственная, глубоко провикшая въ самую душу и сдѣлавшаяся ея живою силою въ отличіе отъ рассу-

¹⁾ Сочиненіи проф. В. Д. Кудрявцева т. 2 стр. 135.

²⁾ Лютартъ, Аполוגія христіанства. Перев. А. Лоухина, стр. 31.

дочнаго знанія: послѣднее не затрогиваетъ ни чувства, ни воли, ни воображенія и можетъ оставаться въ душѣ мертвымъ капиталомъ, не возбуждая силъ ея. Вообще, чѣмъ менѣе мышленіе затрогиваетъ наше чувство, тѣмъ менѣе оно для насъ достовѣрно, и наоборотъ,—чѣмъ болѣе оно приближается къ ощущенію, чувству, тѣмъ болѣе вынгиываетъ въ живости и внутренней убѣдительности; что наиболѣе отвѣчаетъ нашимъ желаніямъ и возбуждаетъ чувство, то наиболѣе получаетъ значеніе истины въ нашихъ глазахъ: мы не любимъ вѣрить въ то, чего не хотимъ, что противно нашему чувству“¹⁾. „Истина, пока не всшла въ сердце, есть то же, что пыль на полированной доскѣ. Повѣтъ вѣтеръ и все снесетъ. Истина, принятая сердцемъ, то же, что елей, прошедшій въ кости“²⁾. Умъ никогда не познаетъ истины, пока сердце не расположено поступать согласно съ истиною, потому что истина служить не только свѣтомъ для ума, но также закономъ и правиломъ для нашей воли. Мы охотно вѣримъ тому, что любимъ, и сильно желаемъ, чтобы истина была на сторонѣ любимаго. Если истина идетъ въ разрѣзъ съ естественными склонностями сердца, то она принимается съ трудомъ; умъ тогда работаетъ въ угоду сердцу и подъ разными предлогами старается уклониться отъ истины. Такъ подъ предлогомъ сохраненія здоровья удаляются отъ поста и воздержанія, а подъ предлогомъ благосостоянія семейнаго и нужды, отказываются отъ благотворенія; въ видѣ праведнаго возмездія берутъ ростъ; отстаивая честь, выходятъ на дуэль и проч. Долговременное нарушеніе нравственнаго закона доводитъ до того, что законъ искажается и въ совѣсти, а на мѣсто его ставится превратное правило. Отъ того считаютъ скупость бережливостью, расточительность—щедростью, гнѣвъ—чувствомъ благороднаго негодованія, потворство—снисходительностью, жестокость—ревностью по правдѣ, лезть—гибкостью характера, хитрость—благоразуміемъ, гордость—чувствомъ достоинства³⁾. Во всемъ этомъ умъ является послушнымъ слугой сердца, исполняетъ его приговоры и рѣшенія.

¹⁾ Проф. *Сэттлова* цит. соч. 104—105.

²⁾ Еп. *Феофанъ*, начертаніе христіанскаго правоученія, стр. 338.

³⁾ Тамъ же стр. 262—263.

Несправедливо умъ считаютъ неподкупнымъ и безпристрастнымъ судіей. Онъ всегда приступаетъ къ своимъ изслѣдованіямъ съ предвзятыми положеніями и только старается провести и оправдать ихъ. Умъ обыкновенно дѣйствуетъ по внушенію сердца и воли. „Кто предается, говоритъ *Платонъ*, чувственнымъ удовольствіямъ и гнѣву, тотъ будетъ имѣть только смертныя мысли“¹⁾. По словамъ *Аристотеля*, „всякое заблужденіе особенно въ вопросахъ религіозныхъ и нравственныхъ имѣетъ основаніе въ свободной волѣ человѣка, въ чемъ мы непосредственно или посредственно должны считать себя виновными“²⁾. „Глазъ человѣческаго пониманія, говоритъ *Беконъ*, не сухъ, но увлажненъ страстью и волею. Человѣческій умъ не есть чистый свѣтъ: онъ омрачается волею и аффектами; поэтому онъ употребляетъ науку на то, на что хочетъ; онъ считаетъ истиною то, что ему хотѣлось чтобы была истина“³⁾. „Сердце имѣетъ свои основанія, про которыя ничего не знаетъ разумъ“, говоритъ *Паскаль*. Гордый философъ *Фихте* также признавалъ: „наша система мышленія часто есть только исторія нашего сердца. Все мое убѣжденіе исходитъ изъ настроенія, а не изъ разума, и исправленіе сердца приводитъ къ истинной мудрости“. „Если воля будетъ постоянно и неизмѣнно обращена на добро, разумъ самъ собою откроетъ истину“. „Наши сужденія основываются на побужденіяхъ, и каковы наклонности человѣка, таковы и его убѣжденія“. „Люди не желаютъ согласно уму, а разсуждаютъ согласно желанію“⁴⁾. „Справедливо думаютъ, говоритъ *Гете*, что все зависитъ отъ нравственнаго настроенія; гдѣ оно есть, тамъ являются и (соотвѣтственныя) мысли, и каково первое, таковы и послѣднія“. Въ этомъ же смыслѣ нужно понимать извѣстныя замѣчательныя слова *Лейбница*: „между метафизикой, моралью и геометріей существуетъ внутренняя гармонія“⁵⁾. „Присмотритесь внимательно къ жизни и къ людямъ: развѣ наша жизнь за-

1) См. у *Геттингера* ч. 1, отд. 1, стр. 17.

2) Тамъ же стр. 22.

3) *Novum Organon*, Ibid. I aphor. XVIII.

4) См. у *Лютарда*, Апологія христіанства, стр. 25. У *Геттингера* ч. 1, отд. 1, стр. 20.

5) У *Геттингера*, ч. 1, отд. 2, стр. 22.

виситъ отъ мыслей или убѣжденій нашихъ—большею частью случайно усвоенныхъ нами, случайно правыхъ и случайно неправыхъ? Нѣтъ, вѣрнѣе сказать, что убѣжденія наши и мнѣнія зависятъ отъ нашей жизни, отъ привычекъ, въ которыя мы вошли, отъ нравственной нашей склонности въ ту или другую сторону. Люди думаютъ такъ или иначе потому, что жизнь ихъ приняла тотъ или другой характеръ, а мнѣніе складывается послѣ, какъ оправданіе или изъясненіе жизни и привычки“¹⁾. „Мы живемъ не такъ, какъ думаемъ, а скорѣе думаемъ, какъ живемъ. Отношеніе наше къ истинѣ не есть только отношеніе умственное, но прежде всего отношеніе нравственное. Смотря по тому, какъ мы относимся къ ней нравственно, это имѣетъ рѣшающее значеніе и для нашихъ мыслей. Какъ часто случается, что человѣкъ, падая нравственно, затѣмъ падаетъ также и въ своихъ мысляхъ. Разумъ податливъ; онъ всевозможными доводами содѣйствуетъ желаніямъ сердца. Истина есть великая серьезная вещь, и нелегко выдержать ея взглядъ. Сначала онъ проникнетъ въ сердце, производя судъ и расправу, и уже затѣмъ только онъ получаетъ озаряющее и возвышающее значеніе. Нужно сначала принять первое, если мы хотимъ испытать и это его послѣднее дѣйствіе. Однимъ словомъ, познаніе истины есть дѣло нравственное; оно заключается въ волѣ, а не прежде всего въ разумѣ. Даже если бы можно было устранить всѣ недоразумѣнія и сомнѣнія, то въ концѣ концовъ вопросъ о принятіи или непринятіи тѣхъ или другихъ положеній рѣшаетъ все таки воля. Для познанія истины необходимо желаніе познать ее“²⁾. Не одна вѣра, а сама наука есть болѣе, чѣмъ результатъ необходимости, логическаго процесса мысли; она имѣетъ нравственное значеніе, основывающееся на свободѣ. „Мы мыслимъ не потому, что необходимо должны мыслить, но потому, что хотимъ мыслить; въ нашей волѣ заняться предметомъ основательно, или ограничиться поверхностнымъ разсмотрѣніемъ его. Подчиняясь въ своихъ мысляхъ фактическимъ отношеніямъ и необходимости законовъ, мы всетаки сознаемъ свою свободу,

1) Доброе слово, стр. 28—29.

2) Лютардта, Апологія Христіанства, стр. 25.

основаніе и цѣль своей дѣятельности и намѣренно преслѣдуемъ свободно избранную цѣль“¹⁾). Мы не сомнѣваемся въ истинахъ математики. Почему? Потому что у насъ нѣтъ никакого интереса сомнѣваться въ нихъ. „Но еслибы, скажемъ словами *Мальбранша*, люди имѣли какую-либо выгоду въ томъ, чтобы стороны подобныхъ треугольниковъ не были равны и еслибы ложная геометрія была также удобна для ихъ порочныхъ наклонностей, какъ ложная мораль, то они легко могли-бы дѣлать и въ геометрії столь же нелѣпыя паралогизмы, какъ и въ сферѣ нравственности, потому что ихъ ошибки были бы имъ пріятны, а истина только затрудняла-бы ихъ и сердила“²⁾). „Мы рѣдко предаемся совершенно объективному изученію вещей; нашимъ разумомъ обыкновенно управляетъ воля, а еще чаще сердце, которое, вторгаясь въ самозаконное теченіе представленій, диктуетъ приговоръ прежде, чѣмъ взвѣшены и подвергнуты обсужденію всѣ относящіяся сюда факты. Предметы въ такомъ случаѣ изслѣдуются лишь со стороны ихъ отношенія къ нашему я, со стороны пользы или вреда, удовольствія или неудовольствія. Если мы счастливы и довольны, наше міросозерцаніе получаетъ свѣтлую, оптимистическую окраску; нѣтъ—мрачную, пессимистическую. Чтò для насъ выгодно и пріятно, то обыкновенно признается нами и справедливымъ, и законнымъ, и разумнымъ. Вообще, подъ вліяніемъ движеній сердца и одностороннихъ навыковъ воли, нашъ разумъ обыкновенно теряетъ способность вѣрно и объективно отражать предметы. Разсматривая процессъ познанія съ этой точки зрѣнія, мы должны сказать, что въ значительной мѣрѣ онъ обусловленъ нашими желаніями, навыками, склонностями—нашею свободою: *quae volumus, credimus libenter*“³⁾). „Когда чувство вторгается въ познаніе, то мышленіе становится послушнымъ орудіемъ чувства, средствомъ его, а не истины: чувство въ мышленіи ищетъ только своего оправданія. Въ этомъ случаѣ „въ сознаніи являются только такія представленія,

1) *Геттингеръ*, ч. 1, отд. 2, стр. 90.

2) См. сочиненія *В. Д. Кудрявцева* т. 2 стр. 148.

3) *А. Введенскаго*, Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. См. Прав. Об. 1891 г. стр. 445—446.

которыя отвѣчаютъ данному чувствованію по своему характеру, всѣ же другія представленія не допускаются, изгоняются, такъ любовь идеализируетъ свой предметъ, злоба заставляетъ видѣть во врагѣ одно только дурное, отчаяніе и горестъ окрашиваютъ все въ мрачныя, а радость—въ розовыя цвѣта“¹⁾ и т. д. Особенно же большое вліяніе на познаніе имѣетъ воля. „Воля приводитъ въ дѣйствіе способность мышленія, направляетъ её на опредѣленный предметъ и на извѣстныя опредѣленныя стороны въ предметѣ, поддерживаетъ её въ извѣстномъ напряженіи, гдѣ надо усиливаетъ, гдѣ надо ослабляетъ, или же совсѣмъ пріостанавливаетъ дѣйствіе мышленія; однимъ словомъ, управляетъ мышленіемъ, опредѣляя для него предметъ или содержаніе и его направленіе и характеръ. Волею въ такой или иной мѣрѣ намѣчается или предопредѣляется результатъ или конечная цѣль мышленія“²⁾. „Не потому люди приходятъ къ извѣстнымъ заключеніямъ, что ихъ принуждаютъ къ тому послышки, отъ которыхъ они отравились, а потому избираютъ послышки такого, а не иного характера, что имъ нужно дойти до излюбленныхъ заключеній“³⁾. „Наши идеи гармонируютъ съ аффективными состояніями и вибрируютъ въ одинъ тонъ съ ними; онѣ заимствуютъ у нихъ силу и звучность или не находятъ отголоски и остаются въ памяти изолированными и безсильными. Сила и слабость идеи создается нами, всей нашей личностью“⁴⁾. „Мы питаемъ величайшую симпатію къ резонамъ, которые намъ по вкусу, принимаемъ ихъ дружески, носимся съ ними и такимъ образомъ обезпечиваемъ для нихъ почетное мѣсто въ нашей памяти. Непріятные резоны мы выслушиваемъ неохотно, стараемся пропустить ихъ мимо ушей и легко забываемъ о нихъ; такимъ путемъ наше сужденіе опять таки искажается“⁵⁾. „Главное употребленіе изъ нашей любви къ истинѣ заключается въ томъ, что мы убѣждаемъ себя, будто нравящееся

1) Свящ. Свѣтловъ, цит. соч. стр. 86—87.

2) Тамъ же 87—88.

3) Психологія Владиславлева ст. 2 стр. 396.

4) Лено, о пѣрованіи стр. 124.

5) Тамъ же стр. 126.

намъ и есть въ то же время истинное“. Въ нашей такъ называемой любви къ истинѣ много лицемѣрія; „извѣстныя чувства оскорбляютъ насъ въ большинствѣ случаевъ потому, что они противны нашимъ ощущеніямъ, а не потому, что они противны истинѣ“ ¹⁾. „Мы не потому желаемъ такую-то вещь, что любимъ ее, а любимъ потому, что желаемъ; объяснять наши антипатіи, или наши симпатіи качествами объектовъ было-бы слишкомъ поверхностнымъ реализмомъ: это значитъ думать, что качества объектовъ имѣютъ существованіе въ себѣ, независимое отъ насъ, что нелѣпо“ ²⁾. „Умъ, разсуждаетъ нашъ писатель Гоголь, не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ уже есть. Онъ самъ не двинется впередъ, покуда не двинутся въ насъ двѣ другія способности, отъ которыхъ онъ умнѣетъ (т. е. воля и чувство). Отвлеченными чтеніями, размышленіями и безпрестанными слушаніями всѣхъ курсовъ наукъ его заставишь только слишкомъ немного уйти впередъ; иногда это даже подавляетъ его, мѣшая его самобытному развитію. Онъ несравненно въ большей зависимости находится отъ душевныхъ состояній: какъ только забушуетъ страсть, онъ уже вдругъ поступаетъ слѣпо и глупо; если же покойна душа и не кипитъ никакая страсть, онъ и самъ проясняется и поступаетъ умно... Умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы въ человѣкѣ, и стоитъ безъ движенія и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы“ ³⁾.

Вотъ что говорятъ объ умѣ философы, психологи и богословы. Мы нарочито привели нѣсколько сужденій, потому что мысль о зависимости ума отъ сердца и воли сознается недостаточно ясно не только въ обыденномъ мышленіи, но и въ научномъ. Объ умѣ обыкновенно говорятъ, что онъ сообщаетъ знаніе чистое, объективное и безпристрастное. Оказывается, что быть всецѣло объективнымъ въ познаніи истины, отрѣшиться отъ интересовъ сердца и воли человѣкъ не можетъ по са-

1) Тамъ же, стр. 122.

2) Тамъ же, стр. 140—141.

3) Изъ переписки съ друзьями. Приведено у свщ. Святлова въ цит. сочин.

мому устройству своей духовной природы. Человѣческой духъ не есть какая-то мыслительная машина. Онъ состоитъ не изъ холоднаго ума только, но и изъ чувствующаго сердца и хотящей воли и таковымъ остается во всякомъ познаніи. Умомъ управляютъ воля и сердце; они опредѣляютъ предметы изслѣдованія, намѣчаютъ нужныя стороны, показываютъ отношеніе предмета къ нашей личности и т. под. Устранить вліяніе сердца и воли на дѣятельность ума невозможно. Человѣкъ не въ состояніи пересоздать свою природу и изъ существа чувствующаго и волящаго сдѣлаться какою-то логическою машиною. „Мы заинтересованы въ познаніи, заинтересованы наши чувство и воля, все наше „я“; знаніе само по себѣ для насъ не имѣетъ цѣны, оно приобрѣтаетъ ее лишь постольку, поскольку отвѣчаетъ нашему стремленію къ счастью, благосостоянію. Всякое самое отвлеченное, самое теоретическое мышленіе практично, какъ бы и чѣмъ бы оно ни прикрывалось; тайный внутренній импульсъ оно всегда получаетъ изъ сердца. Не по капризу мы мыслимъ такъ, какъ намъ нравится, а по самой природѣ, по природѣ самаго знанія, существенно практическаго. Мыслить для мышленія, знать для знанія—безсмыслица. Мы познаемъ, чтобы быть счастливыми и принимаемъ въ себя, считаемъ за истину то, что такъ или иначе отвѣчаетъ нашему стремленію къ счастью, т. е., что нравится, отчего мы чувствуемъ себя въ той пли иной мѣрѣ хорошо“¹⁾. Безпристрастныхъ искателей истины, руководящихся только умомъ, нѣтъ и быть не можетъ. Если скажутъ, что бываютъ безпристрастные выводы, то на это нужно замѣтить, что здѣсь движущимъ импульсомъ служитъ самое *стремленіе* къ безпристрастію. Это стремленіе можетъ служить или средствомъ для другого стремленія, напр. исканія собственной пользы, которое требуетъ безпристрастія въ обсужденіи напр. характеровъ окружающихъ лицъ; или же желаніе быть объективнымъ возникаетъ само для себя, помимо всякихъ дальнѣйшихъ желаній: таково безпристрастіе историческое. Наконецъ, безпристрастное отношеніе къ получаемымъ выводамъ имѣетъ мѣсто

¹⁾ Проф. Сеттловъ, цит. соч. стр. 91.

при незначительности познаваемыхъ истинъ. Однако и въ этихъ трехъ случаяхъ абсолютная объективность трудно достижима, и мы, сами того не сознавая, постоянно мыслимъ въ зависимости отъ своихъ стремленій ¹⁾. Чѣмъ ближе область изучаемаго стоитъ къ живымъ запросамъ челоуѣка, къ интересамъ жизни, тѣмъ большею субъективностью и индивидуальностью отличается мышленіе, тѣмъ больше здѣсь разногласій и споровъ.

Такъ какъ религіозныя истины отличаются особенною жизненностью и касаются всѣхъ сторонъ челоуѣческой жизни, то неудивительно, что здѣсь-то преимущественно господствуетъ разнообразіе въ пониманіи; здѣсь-то особенно сильно заявляютъ о себѣ сердце и воля. Пониманіе истинъ религіи возможно только на нравственно-практической почвѣ; оно достигается не холоднымъ согласіемъ ума, его представленій и понятій, а согласіемъ всѣхъ духовныхъ силъ, всей личности челоуѣка со всѣмъ разнообразіемъ ея содержанія. Умъ не признаетъ за истину того, на что не изъявили своего согласія сердце и воля. Умъ можетъ знать, но не понимать. Понимать вещь не значитъ только имѣть логическое понятіе о ней, умѣть отличить ее отъ другихъ вещей, имѣть совокупность представленій и понятій, соотвѣтствующихъ природѣ вещи и ея свойствамъ. Надъ этимъ внѣшнимъ знаніемъ ступеню выше стоитъ внутреннее, болѣе глубокое познаніе вещи, когда сознаніе проникаетъ, такъ сказать, во внутренность предмета, въ его сущность, и усматриваетъ отсюда внутреннюю необходимость данныхъ свойствъ предмета и данной ихъ связи. Понимать вещь значитъ знать, что она нужна, необходима и притомъ—для чего именно. Постигать поэтому истину значитъ ставить ее въ отношеніе къ какимъ-либо нашимъ потребностямъ, желаніямъ, стремленіямъ, и если не обрѣтается такого соотвѣтствія между данною истиною и нашими идеалами, стремленіями, нашимъ характеромъ и личностью, то не является и пониманія ея. Мы понимаемъ то, что любимъ, чего хотимъ, что отвѣчаетъ нашимъ влеченіямъ, и всякая истина ничего не скажетъ намъ, если не найдетъ отклика въ душѣ ²⁾. Кто до-

¹⁾ См. полное собраніе сочиненій *Еп. Антонія* т. 3, стр. 556—557.

²⁾ *Проф. свящ. П. Святлова*, цит. соч. стр. 94—95.

воленъ здѣшнимъ ограниченнымъ міромъ, удовлетворяется земною дѣйствительностью, не чувствуетъ потребности въ другомъ лучшемъ бытіи, тому непонятна будетъ истина безсмертія и не желательно бытіе другой жизни. Кто не чувствуетъ всей глубины своего паденія, не сознаетъ своей вины и своего недостойнства предъ Богомъ, тотъ не пойметъ тайны искупленія и другихъ дѣйствій всепрощающей любви Божіей. Человѣку, ослѣпленному величіемъ своихъ силъ, не чувствующему слабости и безсилія въ дѣлѣ нравственнаго самоусовершенствованія и не желающему высшей божественной помощи, непонятна будетъ тайна христіанскаго духовнаго возрожденія. Человѣкъ всегда понимаетъ то, что самъ переживаетъ, испытываетъ, чувствуетъ. Живущій въ довольствѣ и роскоши и не испытывавшій нужды и горя не пойметъ голоднаго бѣдняка, валяющагося у его ногъ и своими словами раздирающаго душу у всякаго, кто самъ испыталъ подобное несчастное положеніе. Невѣрующій или равнодушно относящійся къ религіи, не испытывавшій сладостныхъ чувствъ истиннаго благочестія и молитвы, во всѣхъ подвигахъ истинной религіозности видитъ или заблужденіе или лицемѣріе и ханжество; непонятны ему частыя хожденія въ храмъ, длинныя стоянія, умиленные и трогательныя церковныя пѣснопѣнія и т. под. Распутный человѣкъ не вѣритъ цѣломудрію строгихъ подвижниковъ; честолюбецъ во всѣхъ дѣйствіяхъ самоотверженныхъ тружениковъ подозреваетъ самолюбивыя цѣли. Хотѣніе само по себѣ есть нѣкоторого рода пониманіе; оно, такъ сказать, актъ сердечной логики, гдѣ сердце принимаетъ что-либо, считаетъ своимъ, признаетъ что-либо истинною, не требуя логическихъ доказательствъ. Вотъ почему нѣкоторые (напр. Бѣлинскій) сердце называютъ „безсознательнымъ разсудкомъ“¹⁾.

Въ зависимости ума отъ сердца и нравственной настроенности, въ склонности его дѣйствовать подъ вліяніемъ ложныхъ практическихъ побужденій, удовлетворяются софизмами и недостойными доводами при ихъ теоретическомъ оправданіи и съ упорствомъ отвергать самыя очевидныя доказательства,

¹⁾ Проф. свящ. П. Святловъ цит. соч. стр. 97.

какъ скоро они идутъ вопреки личному, часто даже не сознаваемому ясно интересу—лежить главная причина трудности обращенія отъ невѣрія къ вѣрѣ. Увѣровать въ Бога не то, что признать безразличную для нравственной жизни математическую, или естественно-научную, или историческую истину. Увѣровать въ Бога значитъ произвести рѣшительный приговоръ надъ собою, произвести переломъ въ своемъ міровоззрѣніи, въ своей жизни, взглядахъ, склонностяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ и т. под. Богъ не есть только предметъ для познанія ума, но конечная цѣль живого всесторонняго стремленія нашего духа. Почему отрицаютъ бытіе Бога? Не въ силу какихъ-либо серьезныхъ логическихъ доводовъ,—атеизмъ не приводитъ и не можетъ привести никакихъ положительныхъ доказательствъ небытія Бога, ибо небытія Бога по самому существу дѣла доказать нельзя,—а потому, что не чувствуютъ внутри своего духа живой потребности въ Богѣ, не хотятъ признавать никакого высшаго авторитета, обязывающаго къ смиренію и послушанію, предписывающаго нормы жизни, не согласныя съ требованіями и склонностями испорченной природы. Атеизмъ не есть необходимость мысли, а дѣло развращеннаго сердца и дурной воли. „Никто не отрицаетъ бытія Бога, кромѣ того, кому выгодно, чтобы не было Бога“, сказалъ Бэконъ. Истина бытія Божія болѣе чѣмъ всякая другая истина имѣетъ опредѣляющее вліяніе на нашу нравственность. Естественно, что у людей, для которыхъ нравственный законъ служитъ тяжелымъ бременемъ, сдерживающимъ ихъ страсти и грѣховныя влеченія, легко возникаетъ тайное желаніе отстранить и удалить изъ нравственнаго сознанія эту высочайшую истину, служащую основаніемъ обязательности нравственнаго закона; а подстрекаемый тайнымъ желаніемъ и личнымъ интересомъ разсудокъ всегда готовъ оправдать заблужденіе сердца и воли ¹⁾. Сердце и воля могутъ помрачить самый ясный разсудокъ и возмутить самый свѣтлый умъ. Никакія логическія доказательства не убѣдятъ невѣрующаго въ бытіе Бога, если эта истина стоитъ въ противорѣчій съ его чувствами и склон-

¹⁾ Сочиненія В. Д. Кудрявцева т. 2, стр. 147.

ностями. Онъ можетъ логически понять эти доказательства и всетаки не вѣровать. Перемена убѣжденій слѣдуетъ обыкновенно за измѣненіемъ чувствъ и желаній. Довольство естественнымъ порядкомъ вещей, отсутствіе стремленій къ уразумѣнію высшей духовной стороны бытія, грубый практическій матеріализмъ, заглушающій идеальныя стремленія къ высочайшей истинѣ и добру и открывающій просторъ всѣмъ естественнымъ склонностямъ и влеченіямъ природы—вотъ гдѣ главное препятствіе для вѣры въ Бога и въ высшій духовный міръ,—вотъ гдѣ причина, почему иногда тусклы бываютъ наши представленія о Богѣ, почему у нѣкоторыхъ людей ощущеніе сверхъестественнаго упадаетъ до нуля. Жизнь, въ которой нѣтъ ничего духовнаго и религіозно-нравственнаго, что возвышало бы человѣка надъ міромъ чувственнымъ и непосредственно внушало бы ему, что кромѣ этого міра есть другой невидимый и совершеннѣйшій, имѣющій къ его природѣ живыя отношенія,—такая жизнь естественно приводитъ человѣка къ заключенію, что дѣйствительно существуетъ только то, что можетъ подлежать нашимъ чувствамъ и что внѣ круга вещей чувственныхъ нѣтъ ничего. „Вѣра въ Бога не есть наука, а добродѣтель. Ея увѣренность вырастаетъ не изъ рефлексіи, а существуетъ раньше всякой рефлексіи. Не разумъ убѣждаетъ сердце, но само наше сердце убѣждаетъ разумъ, подобно тому какъ въ области нравственныхъ истинъ не доказательства разума убѣждаетъ совѣсть, но совѣсть убѣждаетъ собою разумъ. Увѣренность въ Богѣ живетъ въ нашемъ сердцѣ, и поэтому также и въ мысляхъ нашего разума. Вѣдь „Богъ хотѣлъ, говоритъ Паскаль, чтобы божественныя истины входили не чрезъ разумъ въ сердце, а чрезъ сердце въ разумъ, потому что человѣческія дѣла должно познавать, чтобы ихъ любить, а божественныя должно любить, чтобы познавать ихъ“ ¹⁾. Разсудокъ самъ по себѣ ничего не *полагаетъ*, не творитъ, но лишь познаетъ то, что ему дано, предъ нимъ положено. Сфера его дѣйствія ограничена предѣлами опытной дѣйствительности; онъ по природѣ своей реалисти-

¹⁾ Лютардтъ, Апологія христіанства, стр. 29—30.

ченъ и далѣе познанія фактовъ и ихъ взаимныхъ отношеній вести не можетъ. Между тѣмъ религіозная вѣра есть область идеаловъ; она говоритъ не о томъ, что есть, но что *должно быть* по требованіямъ разумно-нравственной природы человѣка. Религіозныя истины признаются тѣми, которые имѣютъ *предрасположенности* къ нимъ въ духовно-нравственномъ строѣ своей личности и *желаютъ* вѣровать. Кто *не хочетъ* вѣрить, того никогда нельзя привести къ вѣрѣ. Вѣра есть актъ свободной воли, выраженіе нравственнаго самоопредѣленія личности. „Воля, совершенно справедливо говоритъ Паскаль, есть одинъ изъ главныхъ органовъ вѣрованія, не потому, что она составляетъ вѣрованіе, а потому что предметы представляются намъ въ истинномъ и ложномъ видѣ, смотря по тому, съ какой стороны мы на нихъ смотримъ. Воля, которой нравится больше одна, чѣмъ другая сторона, отклоняетъ разумъ отъ разсмотрѣнія качествъ той стороны, которая ей нелюба, и такимъ образомъ разумъ, идя объ руку съ волею, останавливается на разсмотрѣніи любимой волею стороны, и, составляя понятія и сужденія о предметѣ на основаніи того, что видитъ въ показанной сторонѣ его, нечувствительно приравливаетъ свое убѣжденіе къ склонностямъ воли“¹⁾. Въ комъ нѣтъ нравственнаго расположенія къ вѣрѣ въ Бога, тотъ будетъ отрицать самыя очевидныя проявленія Божіей силы, будетъ имѣть очи и—не видѣть, уши и—не слышать. Поэтому-то наилучшій путь увѣренности въ бытіи Божіемъ можно выразить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: живи такъ, какъ бы ты жилъ предъ очами Божіими и ты не усумнишься, что есть Богъ, сдѣлай себя образомъ Божества и ты будешь видѣть въ образѣ Первообразъ²⁾.

Иногда причину современнаго невѣрія и малоувѣрія полагаютъ въ томъ, что теперь будто нѣтъ чудесъ. Но припомните притчу Спасителя о богатомъ и Лазарѣ. Претерпѣвая мученія въ аду, богатый просилъ Авраама, чтобы онъ послалъ на землю Лазаря засвидѣтельствовать его братьямъ, какъ нужно

1) См. у Николая цит. соч. т. 3, стр. 19.

2) Лекція по умозрительному богословію. Проф. А. А. Голубинскаго. 1868 г. стр. 83.

жить, чтобы не попасть въ мѣсто мученій. Авраамъ отвѣтилъ: „у нихъ есть Моусей и пророки, пусть слушаютъ ихъ“. На это богатый возразилъ: „вѣтъ, отче Аврааме, но если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покажутся“. Тогда Авраамъ отвѣтилъ: „если Моусея и пророковъ не слушаютъ, то если бы кто изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ“.

Глубокая жизненная правда говоритъ устама Авраама! Сколько великихъ чудесъ сотворилъ Иисусъ Христосъ при своей жизни? Но увѣровали ли въ Него враги Его? Не въ большее-ли раздраженіе они приходили отъ чудесныхъ дѣйствій Спасителя? Не придумывали-ли они самыхъ нелѣпыхъ объясненій, напр. что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою вельзевула, князя бѣсовскаго? Припомните, какое дѣйствіе оказало на нихъ чудо воскрешенія Лазаря? Они не только не увѣровали, но пришли въ такое ожесточеніе и неистовство, что съ того дня даже положили убить Спасителя. Чудеса сами по себѣ не приводятъ къ вѣрѣ тѣхъ, которые не хотятъ вѣрить. Вольтеръ заявилъ: „Если бы на Парижской площади предъ глазами тысячи человѣкъ и предъ моими собственными совершилось чудо, то я скорѣе не довѣрилъ бы двумъ тысячамъ и двумъ глазамъ, чѣмъ повѣрилъ бы этому чуду“ ¹⁾. Руссо писалъ: „нашли секретъ возвращать къ жизни утопленниковъ; испытали средства оживлять повѣшенныхъ; кто знаетъ, не дойдутъ-ли и въ другихъ родахъ смерти до того, что станутъ возвращать жизнь тѣлу, по всей видимости, бездыханному?.. Впрочемъ, какъ ни поразительнымъ мнѣ представляется подобное зрѣлище (воскрешеніе мертваго), я ни за что въ міръ не согласился бы присутствовать при этомъ; ибо какъ знать, что можетъ случиться? Въмѣсто того, чтобы сдѣлаться вѣрующимъ, я отъ великаго страха могъ бы сойти съ ума“ ²⁾. Неправду говорятъ, будто теперь нѣтъ чудесъ. Чудеса были и есть, но признаютъ ихъ лишь тѣ, которые не утратили воспріимчивости къ вѣрѣ, не смежили очей своего сердца. Гдѣ для вѣрующаго чудо, для невѣрующаго дѣйствіе слѣпыхъ естественныхъ силъ природы, или просто непонятная тайна. Для невѣрующихъ чудеса слу-

¹⁾ Истина и величіе христіанства. *Цитѣ*, стр. 54—55. 88.

²⁾ *Николя* цит. соч. т. 3, стр. 358.

жать не къ обращенію, а къ ожесточенію и осужденію. Невѣріе всегда найдетъ какойнибудь изворотъ уклониться отъ авторитета чудесь. Недавно въ нашей православной церкви явлено дивное чудо милости Божіей—открытіе нетлѣнныхъ мощей св. Θεодосія Черниговскаго. Какъ отнеслись къ этому чуду невѣрующіе въ нетлѣніе мощей? Увѣровали ли они? Старообрядцы наши говорятъ, что всероссійская церковь со времени патріарха Никона сдѣлалась еретическою, лишилась благодати Божіей. Нетлѣнныя мощи св. Θεодосія, бывшаго при жизни истиннымъ сыномъ православной церкви, не служатъ ли явнымъ опроверженіемъ этой клеветы? Но перестанутъ ли старообрядцы упорствовать въ своихъ злобныхъ нападкахъ на православную церковь? Нѣтъ, не чудо само по себѣ склоняетъ къ вѣрѣ, а вѣра признаетъ чудо. Основа невѣрія не въ умѣ, а въ сердцѣ и волѣ, не желающей вѣровать. *Мы не хотимъ, чтобы Онъ (т. е. Иисусъ Христосъ) царствовалъ надъ нами*—заявляли враждующіе противъ Спасителя іудеи (Лук. 19, 14). Самъ Спаситель причину невѣрія въ Него іудеевъ полагалъ въ злой волѣ, когда говорилъ незадолго до Своихъ страданій: *„Иерусалимъ, Иерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья и вы не захотѣли“* (Мат. 23, 37). Невѣріе имѣетъ исходную точку въ самолюбіи, въ своенравномъ и высокомерномъ „я“. Себялюбивое „я“ всегда желаетъ и старается идти собственнымъ путемъ и постоянно ставитъ себя въ своемъ мнѣніи гораздо выше того положенія, какого оно дѣйствительно заслуживаетъ. Облекаясь въ благовидныя формы, самолюбіе проникаетъ и зарождаетъ всѣ высшія идеальныя стремленія духа и производитъ то, что человѣку кажется, будто онъ любитъ истину саму по себѣ, одно признаетъ, а другое отвергаетъ вполне безпристрастно и безкорыстно, въ дѣйствительности же удовлетворяя только личнымъ наклонностямъ и интересамъ, можетъ быть, ясно и не сознаваемымъ. „Меня все приводитъ къ убѣжденію“, говоритъ англійскій мыслитель Гладстонъ, „что главная причина, содѣйствовавшая возрастанію въ наше время отрицательныхъ ученій,—не

интеллектуальная, а нравственная, и что её слѣдуетъ искать въ возрастающемъ преобладаніи матеріальнаго и чувственнаго надъ сверхчувственнымъ и духовнымъ“... „Возрастающая въ насъ сила чувственныхъ и мірскихъ влеченій и побужденій — вотъ что даетъ невидимаго союзника всякому аргументу сомнѣнія и невѣрія, чего-бы онъ въ существѣ ни стоилъ; вотъ что приобрѣтаетъ массу учениковъ отрицательнымъ ученіямъ. Человѣкъ воображаетъ, что давая волю сомнѣнію, онъ слѣдуетъ изысканію истины, а въ сущности онъ только мирволитъ низшимъ наклонностямъ своей природы; имъ уже овладѣли онѣ, а онъ еще усиливаетъ ихъ, допуская новыхъ имъ союзниковъ безъ всякой повѣрки титула ихъ и права. Идеи, въ основаніи своемъ слабыя, подталкиваются наклонностью, которая непремѣнно сильна“... „И такъ, по моему мнѣнію, несомнительно, что главной причиной, почему скептицизмъ въ наше время получилъ такое распространеніе и такую силу, служить чрезвычайное развитіе мірскихъ силъ и побужденій внутри насъ и среди насъ“¹⁾. Что практическій интересъ имѣетъ главное вліяніе на опредѣленіе религіозныхъ и философскихъ убѣжденій, въ этомъ сознаются сами болѣе искренніе атеисты. Въ этомъ отношеніи очень замѣчательно признаніе Цольбе: „Никогда, говоритъ онъ, не раздѣлялъ я мнѣнія извѣстнѣйшихъ защитниковъ матеріализма, будто къ устраненію всего сверхъестественнаго вынуждаетъ ихъ сила естественно-научныхъ фактовъ. Я всегда былъ убѣжденъ, что факты внѣшняго и внутренняго опыта очень двусмысленны и безъ всякой логической ошибки съ полнымъ правомъ могли-бы быть изъяснены и съ теологической или спиритуалистической точки зрѣнія. Дѣйствительнаго доказательства не можетъ быть дано ни для одного изъ этихъ равно возможныхъ изъясненій... Къ устраненію всего сверхъестественнаго или всего непостижимаго, однимъ словомъ къ натурализму вынуждаетъ такимъ образомъ никакъ не сила естествознательныхъ фактовъ, равно какъ и не все понять желающая философія, но въ глубочайшей основѣ—мораль, именно такое нравственное отношеніе чело-

¹⁾ Моск. сборн. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. 1896 г. стр. 270, 275, 276.

вѣка къ міровому порядку, которое я называю „довольствомъ естественнымъ міромъ“. Это и есть практической или лучше сказать „сердечный принципъ матеріализма“¹⁾.

Итакъ истинно правильный путь къ вѣрѣ въ Бога и къ разумѣнію божественныхъ истинъ есть путь жизненный, практической, путь религіозно-нравственнаго опыта. Такой именно путь указываетъ Слово Божіе. Псалмопѣвецъ говоритъ: *сказалъ безумецъ въ сердце своемъ: нѣтъ Бога. Они разоратились, совершили гнусныя дѣла; нѣтъ дѣлающаго добра. Господь съ небесъ призрѣлъ на сыновъ человеческихъ, чтобы видѣть, есть ли разумѣющій, ищущій Бога. Всѣ уклонились, сдѣлались равно непотребными; нѣтъ дѣлающаго добро, нѣтъ ни одного* (Пс. 13, 1—3). Безумецъ отвергъ бытіе Бога не въ умѣ своемъ, а въ сердцѣ, потому, что желанія сердца побуждали его къ разврату и гнуснымъ дѣламъ, а заповѣдь Божія запрещала это и требовала творить добро. Спаситель обѣщаетъ познаніе Бога не многоученымъ книжникамъ, а людямъ съ чистымъ сердцемъ и святой жизни: *Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ* (Мѡ. 5, 8). Сердце въ дѣлѣ познанія Бога тоже, что глазъ въ дѣлѣ познанія предметовъ видимыхъ. Глазъ поврежденный или засоренный неспособенъ видѣть предметы при самомъ лучшемъ освѣщеніи ихъ. И одна пылинка препятствуетъ ему видѣть предметы въ настоящемъ свѣтѣ. Не способно къ познанію Бога сердце, омраченное грѣхомъ и порочными страстями. Праведность не можетъ имѣть общенія съ беззаконіемъ, свѣтъ со тьмой (2 Кор. 6, 14). *„Вѣрующій въ Него (Сына Божія) не судится, а невѣрующій уже осужденъ, потому что не уверовалъ во имя едиnorodнаго Сына Божія. Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди больше возлюбили тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій злое, не навидитъ свѣта, и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы“* (Іоан. 3, 18—21). Святое и святящее слово

1) См. у Кудрявцева т. 2 стр. 146—147 въ примѣчаніи.

Божіе не найдетъ себѣ отклика въ развращенномъ сердцѣ. „Мое ученіе не Мое, но пославшаго Меня. Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога-ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю (Іоан. 7, 16—17). „Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать о истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего“ (Іоан. 18, 37). „Если пребудете въ слово Моемъ, то вы истинно Мои ученики, и узнаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными (Іоан. 8, 31—32). Чтобы познать истину Христову, человѣкъ самъ долженъ быть истиннымъ, т. е., быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своему назначенію. „Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судитъ никто не можетъ“ (I Кор. 3, 14—15). Премудрость Божія непонятна человѣку плотскому. „Въ лукавую душу не войдетъ премудрость и не будетъ обитать въ тѣмъ порабощенномъ грѣху, ибо святыи Духъ премудрости удалится отъ лукавства и уклонится отъ неразумныхъ умствованій и устыдится приближающейся неправды“ (Прем. Сол. 1, 4—5). „Если желаешь премудрости, соблюдай заповѣди, и Господь подастъ тебѣ ея“ (Сирах. 1, 26). „Птицы слетаются къ подобнымъ себѣ, и истина обращается къ тѣмъ, которые упражняются въ ней (Сирах. 27, 9). Истина любитъ душу правдивую. Божественная истина подавляется человѣческой неправдой (Римл. 1, 18). Пути правды и истины не привлекаютъ того, кто ходитъ путемъ лжи и беззаконій. Кто хочетъ сохранить божественную истину, пребывая въ неправдѣ, тотъ теряетъ ея, ибо за его неправду Богъ предаетъ его обратному уму (Рим. 1, 28). Апостоль Павелъ упоминаетъ объ еретикахъ, которые, отвергнувъ совѣсть, потерпѣли караблекрушеніе въ сѣрѣ (1 Тим. 1, 19). Онъ же предсказывалъ о временахъ, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ похотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили-бы слуху (2 Тим. 4, 3). Языческое идолослуженіе, по нему, есть результатъ нравственной развращенности (Рим. 1, 21—32). Поэтому онъ писалъ евреямъ: „смотрите, братія,

чтобы не было въ комъ изъ васъ сердца лукаваго и невѣрнаго, дабы вамъ не отступитъ отъ Бога живаго“ (Евр. 3, 12); „старайтесь имѣть миръ со всеми и святость, безъ которой никто не увидитъ Господа“ (Евр. 12, 14). Подобное познается подобнымъ. Богъ святъ и совершенъ; и познаніе Его возможно только чрезъ достиженіе святости, чрезъ освобожденіе отъ страстей и порочныхъ наклонностей. Богъ есть любовь, и потому открывается только любящему сердцу. Самолюбивое и эгоистическое сердце не пойметъ Бога; слова и дѣйствія любви Божіей постигаются любовью. „Всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога; потому что Богъ есть любовь“ (I Иоан. 4, 7—8). Не словомъ только, но и примѣромъ своимъ подтверждаетъ эту истину Іоаннъ Богословъ. Его возвышенное вѣдѣніе тайнъ Божіихъ есть не только даръ Божій, но и плодъ его живой и возвышенной любви къ Богу. „Исполнь смъ любви, исполнь и богословія“—поетъ о немъ церковь (Стих. на Госп. воззв. въ день св. Іоанна Богослова). Кто любитъ Бога, тотъ исполняетъ Его заповѣди (Іоанн. 14, 15. 21), а исполняющій заповѣди уподобляется Ему. Для любящаго Богъ не есть что-то далекое, непонятное и чуждое. Любящій въ Богѣ живетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. А можно ли не знать внутри насъ пребывающаго? Любящій знаетъ Бога, такъ сказать, непосредственно, потому что переживаетъ въ себѣ Бога, воплощаетъ его въ своей личности, дѣлается подобнымъ Ему.

При свѣтѣ приведенныхъ изреченій Слова Божія всякому должно быть понятно, почему вѣка великихъ образцовъ нравственнаго совершенства были въ то же время золотыми вѣками въ исторіи христіанскаго просвѣщенія, вѣками особенно широкаго развитія христіанскаго богословія. Великіе учителя древней Церкви, оставившіе намъ въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ драгоцѣнные перлы христіанскаго боговѣдѣнія, сіяли такою нравственною чистотою и совершенствомъ, какія рѣдко можно встрѣтить въ послѣдующіе вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ не учились ни въ какихъ школахъ, не были знакомы съ мірскими науками, но восходили на такую высоту богословскаго созерцанія, какой не достигали люди выдающихся да-

роvanій и обширной учености, но не отличавшіеся чистотою и святостію. Къ нимъ приходили поучиться современные имъ образованные язычники; предъ ихъ твореніями благоговѣютъ всѣ истинные любители христіанскаго знанія. Не школа, не наука сдѣлала ихъ великими богословами, а добродѣтельная жизнь, исполненная смиренія и любви къ Богу, свободная отъ мірскихъ страстей и привязанностей. Отсюда урокъ для каждаго: кто хочетъ быть богословомъ, пусть предварительно подготовитъ себя, не умъ только развивая, не знанія накапливая, а усовершенная всю свою личность, по образу Того, о Комъ онъ хочетъ любомудрствовать. Приступающій къ богословствованію съ большою ученостію, но съ развращенною душою и нечистымъ сердцемъ не уразумѣетъ истины и не научитъ ей другихъ; не убѣжденный самъ не произведетъ живого убѣжденія и въ другихъ. Думая служить Богу, онъ будетъ кланяться только идоламъ своего сердца. Въ гордомъ сознаніи своего умственнаго величія онъ будетъ только искажать и извращать святые и возвышенные божественныя истины, влагая въ нихъ помышленія своего превратнаго ума и омраченнаго страстями сердца. Христосъ говоритъ: кто сохраняетъ Мое слово, тотъ узнаетъ, отъ Бога-ли Мое ученіе. Отсюда кто не можетъ или не хочетъ на себѣ произвести этого опыта, тому не слѣдовало бы собственно, если онъ человѣкъ благоразумный и честный, или по крайней мѣрѣ хочетъ казаться такимъ, говорить ни одного слова ни за, ни противъ христіанства. Цуть религіозно-нравственнаго опыта цуть трудный, требующій подвиговъ и самоотверженія, но за то доступный всѣмъ и каждому. Такой именно цуть Богопознанія указывали древніе христіанскіе учителя. Св. *Иустинъ философъ* на вопросъ: есть-ли въ нашемъ умѣ сила, постигающая то, что не было прежде сообщено ему посредствомъ чувствъ, или умъ человѣка можетъ-ли когда увидѣть Бога?—отвѣчаетъ: „Платонъ говоритъ, что таково око ума, и оно дано намъ для того, чтобы мы могли посредствомъ него, когда оно чисто, созерцать то истинно сущее, которое есть источникъ всего постигаемаго умомъ... есть единое, прекрасное и благое внезапно проявляющееся въ благородныхъ душахъ, по причинѣ ихъ сродства и желанія ви-

дѣть Его. Немногіе изъ людей видятъ Его, но только тѣ, которые жили праведно и сдѣлались чисты чрезъ справедливость и всякую добродѣтель“ ¹⁾. Св. *Феофила Антіохійскій*, обращаясь къ язычнику Автолину, съ цѣлю обратитъ его къ истинному Богу, говоритъ ему, между прочимъ, слѣдующее: „если ты скажешь: покажи мнѣ твоего Бога, то я отвѣчу тебѣ: покажи мнѣ твоего человѣка, и я покажу тебѣ моего Бога. Покажи, что очи души твоей видятъ... ибо какъ тѣлесные глаза у зрячихъ людей видятъ предметы этой земной жизни и усматриваютъ различіе напр. между свѣтомъ и тьмою, между бѣлымъ и чернымъ, между безобразнымъ и красивымъ, между правильнымъ, соразмѣрнымъ и неправильнымъ, несо-размѣрнымъ, между чрезмѣрнымъ и недостаточнымъ; такъ точно есть... и очи души, чтобы видѣть Бога. *И Богъ бываетъ видимъ для тѣхъ, которые способны видѣть Его, у кого именно открыты очи душевныя. Всѣ имѣютъ глаза, но у иныхъ они покрыты мракомъ и не видятъ солнечнаго свѣта. И хотя слѣпые не видятъ, свѣтъ солнечный всетаки существуетъ и свѣтитъ, а слѣпые пусть жалуются на самихъ себя и на свои глаза. Такъ и у тебя, другъ мой, очи твоей души помрачены грѣхами и злыми дѣлами твоими. Человѣкъ долженъ имѣть душу какъ блестящее зеркало. Когда въ зеркаль есть ржавчина, то не можетъ быть видимо въ зеркаль лицо человѣческое: такъ и человѣкъ, когда въ немъ есть грѣхъ, не можетъ созерцать Бога“* ²⁾. Св. *Аванасій Александрійскій* говоритъ, что „для изслѣдованія и истиннаго уразумѣнія сказаннаго въ Писаніи *потребны хорошая жизнь, чистая душа и хриstopодражательная добродѣтель, чтобы умъ, преуспѣвъ въ этомъ, былъ въ состояніи достигнутьжелаемаго, и пріобрѣтатъ оное, въ какой только*

¹⁾ Dialog. п. 4. Платонъ, на котораго ссылается Іустинъ, необходимымъ условіемъ всякаго высшаго знанія считалъ очищеніе души отъ страсти, отрѣшеніе отъ чувственности и всего земнаго, потому что только чистой душѣ можно воспринять чистое, истинное, вѣчное,—только въ такомъ случаѣ душа будетъ подобна Богу и способна познать божественное. Никогда глазъ не видалъ бы солнца, если бы не былъ устроенъ солнцобразно. Такъ и душа никогда не увидитъ прекраснаго, если она уже не стала прекрасною. Поэтому пусть всякій сдѣлается прежде богоподобнымъ и прекраснымъ, если хочетъ видѣть Бога и прекрасное. См. у *Геттингера*, ч. I. отд. 2. стр. 90—91.

²⁾ Ad Autolic. lib. I, п. 2.

мѣрѣ естеству человѣческому возможно познаніе о Божіемъ Словѣ. Ибо безъ чистаго ума и безъ подражанія жизни святыхъ никто не возможетъ уразумѣвать словеса святыхъ. Кто желаетъ видѣть солнечный свѣтъ, тотъ, безъ сомнѣнія, протретъ и яснымъ сдѣлаетъ глазъ свой, доведя себя почти до одинаковой чистоты съ тѣмъ, что желаетъ видѣть, чтобы такимъ образомъ глазъ самъ сталъ свѣтомъ, и увидѣлъ солнечный свѣтъ. Такъ и желающему постигнуть мысль богослововъ *должно предочистить и убѣлить душу жизнью, и уподобленіемъ въ дѣлахъ святымъ приблизиться къ нимъ, чтобы, ведя одинаковый съ ними образъ жизни, уразумѣвать и откровенное Богомъ*¹⁾. „Любомудрствовать о Богѣ, говоритъ св. *Григорій Богословъ*, можно не всѣмъ; потому что способны къ сему люди испытавшіе себя, которые провели жизни въ созерцаніи, *а прежде всего очистили, по крайней мѣрѣ, очищаютъ, и душу и тѣло. Для не чистаго же, можетъ быть, небезопасно и прикоснуться къ чистому, какъ для слабаго зрѣнія къ солнечному лучу. Когда же можно? Когда бываемъ свободны отъ внѣшней тины и мятѣжа, когда владычественное въ насъ (т. е. умъ) не сливается съ негодными и блуждающими образами, какъ красота племень, перемѣшанныхъ съ племенами худыми, или какъ благовопіе мура, смѣшаннаго съ грязью. Ибо дѣйствительно нужно упраздниться, чтобы уразумѣть Бога (Пс. 45, 11) и егда приимемъ время, судить о правотѣ Богословія (Пс. 74, 3)*²⁾. По словамъ *Іоанна Златоуста*, „нечистая жизнь препятствуетъ уразумѣнію высокихъ истинъ, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Какъ невозможно, чтобы заблуждающійся, но живущій хорошо, навсегда остался въ заблужденіи: такъ, напротивъ, ведущему жизнь порочную не легко возвыситься до разумѣнія нашихъ догматовъ; но должно очиститься отъ всѣхъ страстей каждому, желающему постигнуть истину. Кто очистится отъ нихъ, тотъ избавится и отъ заблужденія и познаетъ истину“³⁾. „Когда жизнь станетъ достойною осужденія, тогда возникаетъ такое же ученіе. И можно

1) *Творенія св. Аванасія*, ч. I, Москва 1851 г. стр. 160—161.

2) *Творенія св. Григорія Богослова*, ч. 3, стр. 7—8. Москва 1844 г.

3) Бесѣда 8-я на 1-е посл. къ Коринѣ. стр. 139—140. С.-Петербургъ 1858 г.

видѣть многихъ, которые испали отъ этого въ бездну грѣховъ и совратились въ язычество. Ибо они для того, чтобы не терзаться страхомъ будущаго, стараются убѣдить себя въ душѣ, что всѣ наши угрозы ложны ¹⁾).

„Непорочность дѣлаетъ ученика богословомъ, и онъ самъ собою постигаетъ догматъ о Троицѣ“—глубокомысленно изрекъ св. Іоаннъ Лѣствицникъ ²⁾). Св. Исаакъ Сиринъ говоритъ: „Если человѣкъ не содѣлается сперва достойнымъ откровенія, то не можетъ видѣть онаго. И если не достигнетъ чистоты, понятія его не могутъ стать просвѣтленными, чтобы видѣть ему сокровенное“... „Если зрѣніе ума не будетъ очищено дланіемъ заповѣдей, дланми безмолвнаго житія, не приобрьтетъ въ совершенствѣ свѣта любви, не преуспѣетъ возрастомъ въ обновленіи Христовомъ, превосходствомъ видѣнія не приблизится къ духовнымъ естествамъ въ той степени, на которой ищеть духовнаго ангельскаго житія: то не возможетъ содѣлаться истиннымъ зрителемъ божественнаго созерцанія. Всѣ же тѣ подобія, какія думаетъ составить себѣ умъ, называются призракомъ, а не дѣйствительностью. И это, что умъ видитъ одно вмѣсто другаго, происходитъ отъ того, что онъ не очистился“ ³⁾). Св. Макарій Египетскій въ словѣ: „о возвышеніи ума“ пишетъ: „Тѣхъ, которые возвѣщаютъ духовное ученіе, не вкусивъ и не испытавъ онаго, почитаю я подобными человѣку, лѣтомъ въ жаркій полдень идущему по пустой и безводной странѣ; потомъ отъ сильной и палящей жажды, представляющему въ умѣ своемъ, будто близъ него находится прохладный источникъ, имѣющій сладкую и прозрачную воду, и будто онъ безъ всякаго препятствія пьетъ изъ него досыта; или—человѣку, который ни мало не вкусилъ меда, но старается другимъ изъяснить его сладость. Таковы, по истинѣ, тѣ, которые самымъ дланомъ и собственнымъ дознаніемъ не постигнувъ того, что принадлежитъ къ совершенству, освященію и безстрастію, хотятъ наставлять въ семъ другихъ. Ибо если Богъ даруетъ имъ хотя нѣсколько почувствовать то, о чемъ они говорятъ, то они,

¹⁾ Нес. на 1-е посл. къ Тим. стр. 77. 1859 г.

²⁾ Лѣствица. Москва, 1851 г. стр. 369.

³⁾ Слова подвижническія. Москва. 1854 г. стр. 203—229.

конечно, узнаютъ, что *истина и дѣло* не походятъ на ихъ рассказъ, но весьма много различествуютъ отъ него" ¹⁾. „Тѣ даже, кои исполняютъ добродѣтели, прилежатъ слову Божію, но не освободились отъ страстей,—и тѣ подобны людямъ, *ходящимъ ночью при свѣтѣ звѣздъ*, которые суть заповѣди Божіи; ибо какъ они еще не совершенно освободились отъ тьмы, то невозможно имъ хорошо *все видѣть*... Они хорошо дѣлаютъ, что обращаются къ нему (слову пророческому), какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, пока не начнетъ разсвѣтатъ день и не возсіяетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ нашихъ (2 Петр. 1, 19). Но многіе ничѣмъ не различествуютъ отъ тѣхъ, *кои ходятъ среди ночи совершенно безъ свѣта* и кои не пользуются даже малымъ онымъ сіяніемъ, которое есть Слово Божіе, могущее свѣтитъ ихъ душамъ и потому (почти) похожи на слѣпыхъ. *Это суть тѣ, кои совершенно связаны цѣпями вещества и житейскими узами*" ²⁾.

Смыслъ приведенныхъ святоотеческихъ свидѣтельствъ тотъ, что человѣкъ вѣруетъ въ Бога и постигаетъ Его откровеніе въ мѣру своей нравственной воспріемлемости. Требуется, чтобы его духовныя очи были здоровы и непокрыты грѣховною нечистотою, иначе они не увидятъ Бога, хотя для другихъ Онъ будетъ видимъ, подобно тому какъ больные глазами или слѣпые не видятъ солнечнаго свѣта, не смотря на то, что для зрячихъ онъ не перестанетъ существовать и свѣтитъ.

Да не подумаетъ кто-нибудь, что мы совсѣмъ отрицаемъ значеніе разума въ дѣлѣ усвоенія религіозныхъ истинъ. Мистицизмъ, устраняющій совершенно участіе разума въ религіозномъ знаніи и все предоставляющій сердцу, также несостоятеленъ, какъ и раціонализмъ. Дѣятельность разума здѣсь необходима и полезна. Разумъ предохраняетъ отъ заблужденій, суевѣрій и предразсудковъ, уясняетъ безотчетныя требованія сердца, дѣлаетъ ихъ болѣе понятными и отчетливыми. По разуму въ человѣкѣ не все; не ему принадлежитъ истинное пониманіе. Разумъ признаетъ то, что дѣлается достоиніемъ сердца и на что выражаетъ свое согласіе воля. Самъ по себѣ

¹⁾ Слово о возвышеніи ума, гл. 18.

²⁾ Слово о свободѣ ума, гл. 27.

онъ никогда не произведетъ живой религіозной вѣры. Люди, которые въ изслѣдованіяхъ о вѣрѣ руководствуются исключительно разумомъ, могутъ имѣть вѣру только умственную, которая, подобно ткани, утокъ которой не закрѣпленъ никакимъ узломъ, готова ежеминутно разлетѣться. Вѣруетъ въ Бога и знаетъ Его тотъ, кто Его любитъ; откровеніе Божіе доступно разумѣнію того, кто осуществляетъ его въ своей жизни. Капля любви въ сердцѣ доставитъ больше свѣта, чѣмъ чтеніе сотни томовъ, чѣмъ продолжительныя ученія изысканія. Этой капли достаточно для разогнанія всякаго тумана, для разрѣшенія всѣхъ сомнѣній и возраженій. „Мысли, не углубленныя въ почву сердца, плодятъ споры, возбуждаютъ сомнѣнія, допускаютъ смѣшеніе ученія вѣры съ ученіемъ человѣческимъ и изъ христіанина дѣлаютъ воспитанника школы, а не церкви“ ¹⁾. *Разумъ кичитъ, а любви назидаетъ.* „Разумъ нашъ самъ по себѣ, говоритъ *Баль*, способенъ только все запутывать, все подвергать сомнѣнію. Не создалъ онъ еще ни одного произведенія, къ разрушенію котораго не указалъ бы самъ же путей и средствъ. Это, по истинѣ Пенелопа, которая ночью разрывала въ клочки тканье, сдѣланное ею въ продолженіе дня“ ²⁾. Разумъ напр. недоумѣваетъ, зачѣмъ Богъ сошелъ съ неба на землю, жилъ среди людей въ уничиженіи и безсловіи, страдалъ и умеръ на крестѣ. Всему этому вѣритъ сердце, потому что оно само при любви дѣлаетъ подобное; оно страдаетъ за ближняго и въ страданіи находитъ себѣ удовлетвореніе. Разумъ человѣка плотскаго, преданнаго чувственнымъ наслажденіямъ и удовольствіямъ, бросаетъ очень слабый свѣтъ на будущую жизнь. Онъ даже поднимаетъ страшныя возраженія противъ христіанскаго ученія о будущемъ блаженствѣ, которое Богъ уготовалъ любящимъ Его. Понимаетъ это блаженство тотъ, кто отрѣшился отъ земныхъ привязанностей и грѣховныхъ пристрастій, кто уже на землѣ стремится къ созиданію царства Божія, которое по апостолу есть *не пища и питье, но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17) и которое истинный христіанинъ испытываетъ уже на землѣ.

¹⁾ *Еп. Теофанъ*, Начертаніе христіан. правоученія.

²⁾ См. у *Николя* цит. соч. т. 1-й стр. 210.

Въ отношеніи къ религіознымъ истинамъ въ высшей степени справедливы слова Руссо: „сынъ мой! сохрани свою душу въ томъ состояніи, которое позволяетъ тебѣ желать, чтобы былъ Богъ и ты никогда не будешь сомнѣваться въ Его существованіи“¹⁾. Глубоко проникъ эту истину нашъ русскій поэтъ, когда въ подражаніе псалмопѣвцу говорилъ:

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонскіи высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты:
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣпился,
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ предъ Нимъ²⁾.

И. Невзоровъ.

¹⁾ См. у Геттингера, ч. 1, отд. 1, стр. 23.

²⁾ Подражаніе псалму 14, Языкова.

НАУЧНО-МЕХАНИЧЕСКОЕ МИРОПОНИМАНИЕ И ЭТИКА.

(Продолженіе *).

II.

Эволюціонная нравственная теорія А. Сутерланда.

Выше было замѣчено, что эволюціонной гипотезѣ Дарвина послѣдователи его придаютъ всеобъемлющій, универсальный характеръ: она примѣняется чуть не ко всѣмъ областямъ знанія, въ томъ числѣ и къ вопросу о происхожденіи и развитіи нравственнаго чувства.

Эволюція нравственнаго чувства, зародышъ котораго можно найти на очень низкой ступени лѣстницы живыхъ существъ, происходитъ тѣмъ же путемъ естественнаго подбора, какой имѣетъ мѣсто въ развитіи организмовъ¹⁾: на извѣстной ступени развитія человѣка нравственныя чувства, какъ напр. материнская любовь, супружеская вѣрность, симпатія къ лицамъ одного общества,—словомъ, чувства альтруистическія оказались полезными въ борьбѣ за существованіе; этого было достаточно, чтобы такія чувства получили преобладаніе надъ другими противоположными; здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же самымъ закономъ естественнаго подбора, который играетъ такую могущественную роль въ развитіи органической жизни вообще.

Таковъ принципъ, положенный въ основу этическихъ системъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 5.

¹⁾ См. ранѣе цитированное мнѣніе Гексли.

эволюціонистовъ Герберта Спенсера, Лесли Стивена, Александра и др. Въ 1900 году появилось въ русскомъ переводѣ сочиненіе англійскаго ученаго А. Сутерлапда — „Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта“, которое содержитъ строго послѣдовательное примѣненіе принциповъ эволюціонизма къ объясненію происхожденія и развитія нравственнаго чувства.

Изслѣдуя происхожденіе нравственнаго инстинкта, Сутерландъ находитъ зародышъ его на очень низкой ступени лѣстницы живыхъ существъ, и именно у рыбъ, гдѣ этотъ инстинктъ проявляется въ формѣ зачаточнаго родительскаго чувства. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ, мы замѣчаемъ и ростъ нравственнаго чувства, пока, наконецъ, на высшей ступени человѣческой цивилизаціи нравственное чувство достигаетъ высшей степени своего развитія и приближается къ идеалу нравственнаго поведенія.

По Сутерланду, въ ряду чисто случайныхъ благопріятныхъ условій, которыя способствуютъ сохраненію живыхъ существъ, является особенно благопріятнымъ факторомъ стремленіе родителей къ охраненію яицъ и вообще потомства. Сутерландъ изслѣдуетъ значеніе этого фактора прежде всего въ жизни рыбъ.

Чаще всего такой родительскій уходъ у рыбъ выпадаетъ на долю не самки, а самца, хотя и самка иногда оказываетъ извѣстную долю вниманія къ дѣтенышамъ. У самки изъ породы *Aspredo* (прѣсноводный скатъ Гвіаны) во время метанія икры плоскій животъ дѣлается липкимъ, какъ замазка; затѣмъ, послѣ оплодотворенія яицъ самцомъ, самка начищаетъ кататься по нимъ и заставляетъ ихъ прилипать къ своему тѣлу, гдѣ они и остаются до конца своего развитія. Этотъ приѣмъ настолько дѣйствителенъ, что для поддержанія даннаго вида достаточно менѣе 2 т. яицъ на каждую самку, въ то время какъ другіе виды, безъ подобной привычки, требуютъ для своего сохраненія 600 т. яицъ. Самка одного изъ родовъ иглорыбъ мечетъ яйца въ особую сумку, образуемую широкими брюшными плавнями, которые складываются такимъ образомъ, что края ихъ срастаются съ кожей живота. Такая сумка является надежнымъ убѣжищемъ для яицъ и они вынашиваются тамъ въ сравнительной безопасности. Но, какъ сказано, чаще роди-

тельскій уходъ выпадаетъ на долю самца. Это весьма понятно, такъ какъ оплодотвореніе яицъ самцомъ происходитъ уже послѣ того, какъ они выброшены самкою. Самцы многихъ видовъ рыбъ берутъ оплодотворенныя яйца въ ротъ и носятъ ихъ, пока они не достигнутъ надлежащаго развитія; иногда молодыя рыбки даже выводятся во рту самца и удерживаются тамъ, пока не достигнутъ изрядной величины. У иныхъ видовъ рыбъ самцы вынашиваютъ дѣтенышей въ складкахъ кожи всего живота, или въ особыхъ сумкахъ возлѣ хвоста.

Болѣе надежнымъ способомъ сохраненія яицъ является строеніе гнѣздъ, или вынашивание яицъ въ утробѣ матери. У многихъ видовъ рыбъ самцы устраиваютъ гнѣзда для охраны икры, которую туда мечетъ самка, и затѣмъ защищаютъ гнѣзда отъ враговъ, пока дѣтеныши не достигнутъ извѣстной степени зрѣлости. Но самый дѣйствительный путь сохраненія потомства въ ранній періодъ незрѣлости вынашивание самкою оплодотвореннаго уже яйца и затѣмъ рожденіе живого дѣтеныша, которое такимъ образомъ является на свѣтъ уже свободное отъ опасностей самаго ранняго и самаго безпомощнаго періода. Существуетъ около 180 видовъ рыбъ съ живородящими самками. Среди этихъ видовъ есть обладающіе значительнымъ нервнымъ развитіемъ, которое становится возможнымъ только въ томъ случаѣ, если въ періодъ ранняго эмбріональнаго развитія животное находится въ безопасности. Къ числу рыбъ съ значительнымъ нервнымъ, а слѣдовательно и умственнымъ развитіемъ принадлежитъ акула.

Изъ приведенныхъ фактовъ ясно, что въ борьбѣ за существованіе огромное преимущество даетъ такой факторъ, какъ родительскій уходъ за дѣтенышами, и что съ развитіемъ родительскаго ухода развивается у животныхъ нервная система, а слѣдовательно и умственныя способности. Припомнимъ, что всякая особенность, благопріятствующая сохраненію вида, по закону естественнаго подбора, имѣетъ тенденцію укрѣпляться, совершенствоваться, переходя по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Переходя отъ рыбъ къ слѣдующей высшей ступени живыхъ существъ, такъ называемыхъ амфибіей или земноводныхъ, мы

замѣчаемъ лишь незначительное повышеніе въ степени родительскаго ухода. Чаше всего охранительная мѣра проявляется у нихъ въ формѣ сумокъ, въ которыхъ вынашиваются яйца, въ теченіе всего періода ихъ развитія. Слѣдующій классъ—премыкающихся обнаруживаетъ значительный прогрессъ, состоящій въ томъ, что почти у всѣхъ его видовъ существуетъ внутреннее оплодотвореніе яицъ, вынашивание ихъ въ утробѣ матери и затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже высиживание ихъ. Къ этому классу относятся черепахи, змѣи, крокодилы, аллигаторы, ящерицы.

Формы родительскаго ухода, съ которыми мы встрѣчались до сихъ поръ,—безсознательныя формы, онѣ не обусловлены привязанностію къ дѣтенышамъ. Но вотъ начинается ростъ материнской симпатіи, предназначенной играть такую значительную роль въ переживаніи болѣе благородныхъ видовъ. У млекопитающихъ она, повидимому, развивается въ началѣ очень медленно; но у птицъ, благодаря исчезновенію многихъ промежуточныхъ звѣньевъ, ея развитіе кажется намъ болѣе быстрымъ. Впрочемъ, степень родительскаго ухода не одинакова для всѣхъ видовъ птицъ. У нѣкоторыхъ низшихъ видовъ (только бѣгающія птицы) яйца высиживаются самцомъ; у другихъ, болѣе совершенныхъ видовъ (фазаны, голуби), высиживание яицъ производится самкою, при чемъ большею частію самецъ не оказываетъ ей никакой помощи; на самой высшей ступени развитія (совы, попугаи, воробьи) самка высиживаетъ яйца, но самецъ въ это время кормитъ ее, ухаживаетъ и иногда замѣняетъ ее въ гнѣздѣ. У первыхъ птенцы рождаются уже способными и заботиться о себѣ, у средняго разряда они менѣе независимы, у высшихъ птицъ птенецъ является неопереннымъ, беспомощнымъ и, слѣдовательно, зависимымъ отъ самоотверженной преданности своихъ родителей. Чѣмъ выше птица по своему развитію, тѣмъ медленнѣе она достигаетъ зрѣлости и тѣмъ болѣе нуждается въ родительскомъ уходѣ. Попугай, самая умная птица, рождается самою беспомощною изъ всѣхъ: онъ выходитъ изъ яйца въ видѣ безформенной массы, изъ которой высовывается клювъ; только черезъ восемь дней онъ начинаетъ видѣть; оставить же гнѣздо онъ бываетъ

способенъ только черезъ 30—40 дней. Во все это время онъ пользуется заботливымъ, внимательнымъ уходомъ родителей, которые его охраняютъ, согрѣваютъ, кормятъ; даже послѣ вылета изъ гнѣзда родители продолжаютъ доставлять ему пищу, размягчая для него во рту зерна.

Такимъ образомъ, среди высшихъ птицъ мы замѣчаемъ уже яснѣе зачатки родительской привязанности, которая составляетъ основу семейной жизни среди людей, при чемъ все болѣе возрастающій умъ, для развитія котораго требуется длинный періодъ сторонняго ухода, все болѣе обуславливаетъ зависимость рождаемаго существа отъ семьи и общества.

У млекопитающихъ рожденіе на свѣтъ живого дѣтеныша, какъ и питаніе его молокомъ матери, нормальное явленіе. На сколько то и другое выгодно въ смыслѣ поддержанія вида, видно изъ того, что млекопитающія поддерживаютъ существованіе вида, производя потомство въ сотни и тысячи разъ меньшее, чѣмъ рыбы. Родительскій уходъ послѣ рожденія на свѣтъ дѣтеныша обнаруживается у нихъ въ кормленіи, огражденіи отъ враговъ и вообще опасностей, при чемъ родители обнаруживаютъ иногда готовность къ самопожертвованію для защиты дѣтеныша. Волчица, лисица, гіена, кошка, медвѣдица, слонъ обнаруживаютъ значительную привязанность къ дѣтямъ и склонность къ семейной жизни. Бывали случаи, когда самку встрѣчали съ тремя—четырьмя дѣтенышами различнаго возраста, что свидѣтельствуетъ о весьма значительной склонности къ семейной жизни. Молодые слоны и носороги по нѣсколько дней подь рядъ приходятъ на то мѣсто, гдѣ была убита ихъ мать.

Родительскій уходъ у обезьянъ очень напоминаетъ такой же уходъ у дикарей. Безсознательный уходъ у нихъ, какъ и у человѣка, обнаруживается въ болѣе продолжительной беременности. У самаго пизшаго типа—гиббоновъ дѣтеныши не разлучаются съ матерью въ теченіе семи мѣсяцевъ, а затѣмъ постепенно вступаютъ въ семейную жизнь всего племени. „У всѣхъ человѣкоподобныхъ самки послѣ родовъ берутъ дѣтенышей на руки и прижимаютъ къ груди съ гордою нѣжностью. При видѣ того, какъ самка осторожно откидываетъ на лобъ своею длинною рукою косматые волосы дѣтеныша и

съ нѣжною любовью засматриваетъ въ его мутные темные глаза, возникаетъ представленіе о цѣломъ мірѣ симпатій, впервые зарождающихся здѣсь, но доходящихъ до кульминаціоннаго пункта у самыхъ высшихъ видовъ“¹⁾). Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ подстрѣленная имъ самка оранга „тратила свои слабѣющія силы на то, чтобы указать дорогу спасенія своему дѣтенышу; потомъ она обернулась, чтобы ждать своей участи; но даже и тогда она часто бросала безпокойный взглядъ на исчезавшее въ листвѣ юное существо, составлявшее для нея все, что она имѣла на землѣ“²⁾). Такая высокая степень родительской привязанности у обезьянъ объясняетъ тотъ фактъ, что обезьяны могутъ продолжать свой видъ при незначительной степени плодовитости. Чрезвычайно сложная нервная система у человѣка, требующая для своего развитія длиннаго періода времени, обуславливаетъ продолжительность періода безпомощности дитяти, слѣдовательно, продолжительность и тщательность родительскаго ухода. Ребенокъ требуетъ цѣлаго года, чтобы научиться стоять и ходить, и по крайней мѣрѣ восьми лѣтъ, чтобы не нуждаться въ материнскомъ уходѣ. Болѣе высокія формы жизни съ ихъ удлинненнымъ періодомъ нервного развитія и, слѣдовательно, удлинненнымъ періодомъ безпомощности оказались бы въ очень невыгодномъ положеніи въ борьбѣ за существованіе и едва ли могли бы даже возникнуть, если бы на помощь дѣлу не выступилъ благопріятный факторъ въ видѣ тщательнаго родительскаго ухода. Развитіе его происходило постепенно, возвышаясь отъ низшей стадіи живыхъ существъ къ высшей, пока наконецъ не достигло кульминаціоннаго пункта въ человѣкѣ. Возникновеніе и развитіе родительской симпатіи подчинено тѣмъ же законамъ необходимости, какимъ подчинены и другіе жизненные процессы; здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, важнѣйшее значеніе принадлежитъ естественному отбору. Изъ этой родительской симпатіи, когда она достигла своего крайняго пункта развитія въ человѣкѣ, выросли всѣ разновидности добродѣтелей, составляющихъ великое преимущество человѣка.

1) Сутерландъ, Происхожд. и развитіе нрав. инстинкта, стр. 99.

2) Ibid. стр. 100.

Хотя размноженіе человѣчества идетъ не въ такой огромной прогрессіи, съ какою склонны размножаться нѣкоторыя изъ низшихъ животныхъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь размноженіе, если бы оно было безпрепятственно, повлекло бы за собой нежелательныя, или даже опасныя послѣдствія: „если бы каждая супружеская пара производила, въ среднемъ, по восьми дѣтей, то рождаемость опредѣлилась бы въ такомъ случаѣ числомъ шестидесяти новорожденныхъ на каждую тысячу жителей, а ежегодное приращеніе населенія выражалось бы приблизительно 4,8 процентами, т. е. населеніе увеличивалось бы въ теченіе столѣтія въ сто разъ. При такой быстротѣ размноженія никакая земля не была бы въ состояніи доставить людямъ необходимое количество пищи“ ¹⁾).

Какъ мы знаемъ, населеніе увеличивается не въ такой быстрой прогрессіи вслѣдствіе того, что параллельно съ прибылью происходитъ и убыль населенія, притомъ также въ довольно высокой степени: почти половина всѣхъ родившихся дѣтей умираетъ, не достигая пятилѣтняго возраста. Это печальный предохранительный клапанъ, размѣры и дѣйствіе котораго уменьшаются соразмѣрно улучшенію гигиеническихъ условій. Однако въ томъ или другомъ видѣ предохранительный клапанъ долженъ существовать, должна быть задержка въ ростѣ населенія. И такія задержки существовали еще въ глубокой древности. Чтобы задержать ростъ населенія, дикари прибѣгаютъ къ такимъ мѣрамъ, какъ искусственнае выбрасываніе плода, дѣтоубійство и болѣе отвратительныя приемы, о которыхъ невозможно упоминать. Дѣтоубійство практикуется въ широкихъ размѣрахъ среди бушменовъ, туземцевъ Викторіи, готтентотовъ, аксимосовъ и др. Законы Ликурга въ Спартѣ и Солона въ Аѣинахъ прямо разрѣшаютъ дѣтоубійство; оно было самымъ обычнымъ дѣломъ въ Греціи. Даже философы (Платонъ, Аристотель) не только снисходительно смотрѣли, а даже одобряли выкидываніе и дѣтоубійство.

Практика дѣтоубійства, какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и среди современныхъ дикарей отнюдь не говоритъ объ отсутствіи

¹⁾ Ibid. стр. 115.

родительскаго чувства привязанности къ дѣтямъ, такъ какъ дѣти, остававшіяся въ живыхъ, пользовались заботливымъ родительскимъ уходомъ и вниманіемъ. Дѣтоубійство объясняется скорѣе суровостію жизни дикаря, чѣмъ черствостію сердца. Родители хорошо понимаютъ, что жестоко лишить жизни ни въ чемъ неповинное существо; но они вмѣстѣ съ тѣмъ заглядываютъ и въ будущее и видятъ, что, въ случаѣ обремененія себя большимъ семействомъ, всѣ члены его неизбѣжно будутъ подвержены страданіямъ голода, и въ концѣ концовъ многіе все—таки осуждены на преждевременную смерть.

Исходя изъ тѣхъ же соображеній, культурный человѣкъ употребляетъ другое средство къ уменьшенію численности потомства. Средство это состоитъ въ самовоздержаніи. Средній возрастъ вступленія въ бракъ все болѣе и болѣе повышается, вслѣдствіе чего каждая замужня женщина въ среднемъ рождаетъ, вмѣсто 8—10 дѣтей, только 3—4. Другимъ средствомъ для этого является совершенное безбрачіе, которое стало настолько привычнымъ, что къ дѣвушкамъ, не вышедшимъ замужъ, перестаютъ относиться съ тѣмъ пренебреженіемъ, какъ это зачастую бывало раньше.

Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ уменьшенію численности потомства въ культурномъ обществѣ наблюдается все болѣе увеличивающаяся продолжительность родительскаго ухода: среди современнаго культурнаго общества большая или меньшая зависимость юноши или дѣвушки продолжается въ среднемъ до 20 лѣтняго возраста. При этомъ необходимо вспомнить о той важной роли, какую въ этомъ случаѣ играетъ систематическое образованіе юношества, и насколько велика теперь забота объ этомъ родителей.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что, чѣмъ культурнѣе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе у него стремленіе къ самовоздержанію и, слѣдовательно, тѣмъ меньшее количество потомства оставить онъ послѣ себя, можно подумать, что въ такомъ случаѣ менѣе культурные представители человѣческой расы, не знающіе и не думающіе о самовоздержаніи, будутъ производить все больше и больше потомства и постоянно возрастать въ численности. Но такое заключеніе было бы оши-

бочно, такъ какъ за недостаткомъ родительскаго ухода огромный процентъ дѣтей среди некультурнаго человѣчества умираетъ, не достигнувъ и однолѣтняго возраста; тогда какъ, наоборотъ, въ культурной средѣ, благодаря заботливому родительскому уходу, выживаютъ почти всѣ, появившіяся на свѣтъ, дѣти. Такъ что всѣ преимущества, всѣ шансы на постепенный ростъ, на постепенное увеличеніе численности—на сторонѣ болѣе культурныхъ слоевъ человѣчества. Родительская симпатія играетъ весьма важную роль въ обезпеченіи переживанія видовъ, или высшихъ элементовъ среди даннаго вида. Эта симпатія, какъ увидимъ впослѣдствіи, составляетъ основу моральнаго чувства.

Итакъ, родительская симпатія имѣетъ весьма существенное значеніе въ дѣлѣ переживанія лучшихъ и болѣе совершенныхъ видовъ. Но организмъ, способный къ такой тонкой формѣ нервной эмоціи, какъ родительская симпатія, вмѣстѣ съ этимъ становится воспріимчивымъ къ другимъ аналогичнымъ стимуламъ. Периодически повторяющіеся порывы страсти между особями различныхъ половъ постепенно переходятъ въ постоянное чувство нѣжной взаимной привязанности, въ супружескую симпатію. Доставляя огромное преимущество родительскому уходу, супружеская симпатія тѣмъ самымъ усиливала благодѣтельное вліяніе родительской симпатіи и въ силу этого тѣмъ же путемъ естественнаго подбора постоянно росла изъ едва замѣтной зачаточной формы ея у рыбъ до своей кульминаціонной точки въ культурномъ человѣкѣ.

Проявленіе супружеской симпатіи у рыбъ и пресмыкающихся едва замѣтно. Но достигнувъ области теплокровныхъ животныхъ, мы встрѣчаемся съ проявленіемъ подлинныхъ супружескихъ симпатій, особенно у птицъ. Всѣмъ извѣстна взаимная преданность голубей въ ихъ супружеской жизни. Каждый самецъ спаривается лишь съ одной самкой, онъ помогаетъ самкѣ въ постройкѣ гнѣзда, кормитъ ее во время высиживанія яицъ, иногда смѣняетъ ее въ этой утомительной обязанности; и когда появляются птенцы, то вся группа представляетъ изъ себя очень привлекательную семейную картину. Многіе другіе виды высшихъ птицъ спариваются также на

всю жизнь и отличаются нѣжною привязанностію другъ къ другу, при чемъ супружеская невѣрность, если она встрѣчается, часто наказывается смертію. Въ классѣ млекопитающихъ супружескія чувства достигаютъ замѣтнаго развитія среди высшихъ млекопитающихъ, каковы обезьяны. Впрочемъ, сдѣланныя наблюденія по этому вопросу не даютъ достаточно точныхъ указаній и иногда являются противорѣчивыми.

Среди низшихъ дикарей, каковы бушмены, негритосы, огнеземельцы, тасманійцы и др., трудно уловить что нибудь похожее на цѣломудріе; обыкновенно здѣсь господствуетъ полная, ничѣмъ несдерживаемая распущенность. Тѣмъ не менѣе естественное стремленіе заставляетъ ихъ склоняться въ сторону удобства и спокойствія однобрачнаго союза. Кромѣ того, несомнѣнныя выгоды и обезпечиваемое этимъ воспитаніе дѣтей могутъ только усиливать такое стремленіе, содѣйствуя переживанію тѣхъ, въ комъ оно наиболѣе проявляется. Уже на очень низкой ступени развитія человѣкъ обнаруживаетъ предусмотрительность: не тратитъ бесполезно тѣхъ предметовъ, которые удовлетворяли его потребностямъ, хотя бы въ данную минуту такихъ потребностей и не было. Въ силу такой именно предусмотрительности, дикарь научается дорожить женщиной и старается превратить временное обладаніе женщиной въ постоянное. Такое обладаніе женщиной достигается двумя способами: покупкою, или похищеніемъ невѣсты. Затрачивая средства на покупку жены, мужчина считаетъ себя въ правѣ смотрѣть на нее, какъ на свою собственность и требовать, чтобы она принадлежала только ему. Для женщины является обязательнымъ цѣломудріе. Почти у всѣхъ дикарей, названныхъ выше, дѣвушкамъ предоставляется полная свобода оказывать свое вниманіе, кому угодно; но разъ дѣвушка становится женою кого-либо, она полная собственность мужа и внѣбрачное ея сожителство можетъ быть допущено только съ разрѣшенія или по приказанію мужа. Такимъ образомъ, обязательное цѣломудріе женщинъ возникаетъ, благодаря обычаю покупки женъ. Подъ вліяніемъ этого же обычая брачныя сожителства стремятся сдѣлаться нерасторжимыми. Дѣло въ томъ, что для обзаведенія новою женою требуются лишнія средства, которыя не

всегда могутъ найтись. Устойчивость брачныхъ союзовъ, благопріятствовавшая лучшему уходу за дѣтьми, играла въ свое время важную роль въ прогрессивномъ развитіи человѣчества.

Итакъ, на низшей ступени человѣческаго развитія женское цѣломудріе не существуетъ, какъ добродѣтель въ собственномъ смыслѣ, оно возникаетъ подъ вліяніемъ чувства собственности. Только въ теченіе вѣковъ эта обязательная добродѣтель, оказывая благодѣтельное вліяніе на воспитаніе потомства, все болѣе приобретаетъ внутреннюю цѣнность, становится добродѣтелью въ собственномъ смыслѣ.

Требованіе цѣломудрія отъ мужчины сдѣлалось обязательнымъ позднѣе и это можно объяснить слѣдующими причинами: во-первыхъ, половая страсть у мужчины болѣе интенсивна, чѣмъ у женщины; во-вторыхъ, женщина въ то время, когда она поглощена материнскими заботами, не имѣетъ ни времени, ни охоты возитися съ поклонниками; и въ-третьихъ, наконецъ мужчина не сдерживается, какъ женщина, сознаніемъ, что она—собственность того, кто ее купилъ. Возникновеніе мужскаго цѣломудрія можно объяснить чувствомъ симпатіи къ женѣ, которую онъ поэтому не желаетъ огорчить, оказывая вниманіе другой; симпатія къ чужой женѣ могла удерживать мужчину отъ разврата, такъ какъ въ этомъ случаѣ эта чужая жена подвергалась опасности взысканія со стороны своего мужа; а если это была дѣвушка, то лишеніе ея чести связывалось съ матеріальнымъ ущербомъ для ея отца, братьевъ, родственниковъ, которые въ этомъ случаѣ теряли часть той платы, которую они могли получить за цѣломудренную дѣвушку. На дальнѣйшій ростъ мужскаго цѣломудрія имѣли впоследствии вліяніе и другія условія: религіи и рыцарство въ Европѣ.

Родительская и супружеская симпатія, развиваясь и укрѣпляясь по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ животнаго міра, положила основаніе тому оплоту, создала ту семью, которая является колыбелью нравственности. Отъ любви къ ребенку и женѣ очень естественнымъ является переходъ къ симпатіи, обнимающей болѣе широкій кругъ лицъ—братьевъ, сестеръ, родственниковъ. По закону естественнаго подбо-

ра, такія симпатіи могли развиваться при томъ лишь условіи, если бы онѣ оказались полезными для вида въ борьбѣ за существованіе; въ противномъ случаѣ онѣ не имѣли бы шансовъ на развитіе. Если бы для дикаря всегда и при всякихъ условіяхъ было выгодно жить во враждебныхъ отношеніяхъ съ другими племенами, то чрезъ это самое стало бы невозможнымъ проявленіе соціальной симпатіи, ибо племена, склонныя проявлять такія симпатіи, тѣмъ самымъ были бы обречены на гибель, подобно тому, какъ для тигра было бы губительно ощущать состраданіе къ терзаемой имъ лани. Къ счастью, условія жизни даже дикарей были всегда таковы, что соціальныя симпатіи являлись именно благопріятнымъ факторомъ въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ и объясняется ихъ развитіе.

Намъ остается прослѣдить за постепеннымъ ростомъ соціальной симпатіи подобно тому, какъ мы слѣдили за ростомъ родительской и супружеской симпатіи.

Истинная соціальная симпатія появляется впервые только у теплокровныхъ животныхъ, при чемъ у многихъ видовъ этихъ животныхъ развитіе соціальныхъ инстинктовъ встрѣчаетъ задержку въ необходимости пріисканія пищи: чѣмъ большихъ размѣровъ соціальная организація, тѣмъ труднѣе бываетъ достать въ одномъ мѣстѣ достаточное количество пищевыхъ продуктовъ. Пропуская множество мелкихъ фактовъ, собранныхъ Сутерландомъ въ его книгѣ, остановимся на болѣе крупныхъ и рельефныхъ.

Птицы фламминги живутъ большими обществами и для охраны своей безопасности ставятъ часовыхъ. Когда такой часовой даетъ тревожный сигналъ, все стадо, не пытаясь даже удостовѣриться въ существованіи опасности, немедленно обращается въ бѣгство въ установленномъ порядкѣ. Значеніе такого соціального инстинкта громадно: за фламмингами почти невозможно охотиться, ихъ можно наблюдать только въ подзорную трубу. Целиканы охотятся за рыбами при помощи организованнаго сотрудничества. Журавли, когда кормятся, ставятъ часовыхъ; а когда подвергаются нападенію, то защищаются общими силами, становясь въ кругъ клювами наружу. Существуетъ множество рассказовъ, свидѣтельствующихъ о вы-

сокомъ развитіи соціальной симпатіи у аистовъ, о любящей заботливости, проявляемой попугаями по отношенію къ сиротамъ собственныхъ и чужихъ видовъ, а также о трогательномъ заботливомъ вниманіи къ престарѣлымъ и больнымъ.

Минуя низшіе виды млекопитающихъ, остановимся на высшихъ. Бизоны, яки, буйволы и нѣкоторые виды антилопъ становятся въ кругъ, когда приготавливаются къ оборонѣ, повернувшись рогами наружу и спрятавъ дѣтенышей въ средину; сѣверные олени и серны ставятъ часовыхъ; лошади въ случаѣ опасности окружаютъ жеребятъ и отбиваются отъ врага задними копытами. Одинъ путешественникъ наблюдалъ поразительный случай симпатіи, обнаруженной слономъ, который оказывалъ помощь товарищу, упавшему отъ слабости. Но наивысшая степень соціальной симпатіи наблюдается, какъ этого и слѣдовало ожидать, у обезьянъ и именно у высшихъ породъ—гориллы и шимпанзе. По отзывамъ авторитетныхъ наблюдателей, эти обезьяны на свободѣ живутъ обществами, чрезвычайно привязаны другъ къ другу, кротки, миролюбивы; въ неволѣ онѣ погибаютъ отъ тоски.

Когда мы переходимъ къ человѣку, то даже дикари, стоящіе на самой низкой ступени развитія, обнаруживаютъ такой прогрессъ соціальнаго чувства, что оставляютъ далеко позади себя міръ животныхъ. Хотя они, подобно обезьянамъ, бродятъ по лѣсамъ, не имѣя другого жилища, кромѣ загороди отъ вѣтра; хотя они враждуютъ съ другими племенами и обнаруживаютъ при этомъ крайнюю жестокость, тѣмъ не менѣе общественныя симпатіи между членами общины у нихъ весьма значительны. Очень благопріятны отзывы съ этой стороны путешественники сообщаютъ о бушменахъ, негритосахъ Филиппинскихъ острововъ, аборигенахъ Андалузскихъ о—въ, дикаряхъ центральной Африки и многихъ другихъ. Чѣмъ выше поднимаемся мы по лѣстницѣ цивилизаціи, тѣмъ ростъ симпатіи становится все быстрѣе, тѣмъ большій кругъ лицъ соединяется въ общество, связанное узами симпатіи. Здѣсь опять-таки играетъ важную роль естественный подборъ, такъ какъ племена съ болѣе развитымъ чувствомъ соціальной симпатіи получаютъ огромныя преимущества въ борьбѣ за существованіе

сравнительно съ племенами, у которыхъ социальныя чувства слабѣе. Римъ покорилъ полміра, благодаря тому, что Римская имперія представляла изъ себя строгое единство. Въ исторіи много можно найти примѣровъ возвышенія племенъ съ развитыми социальными чувствами и, наоборотъ,—подчиненія, поглощенія, а часто и полнаго уничтоженія типовъ съ противоположными склонностями. Внутри одного и того же племени менѣе шансовъ на выживание и оставленіе послѣ себя потомства имѣетъ буйный, воинственный типъ. Дикарь съ драчливыми наклонностями въ теченіе своей жизни можетъ истребить десятки такихъ же драчуновъ, какъ самъ; но въ концѣ концовъ все-таки наскочитъ на такого, который его убьетъ. И въ настоящее время въ цивилизованныхъ обществахъ всякій задорный человѣкъ, всякій, крайне эгоистическій гражданинъ или оказывается съ проломленной головой, или попадаетъ въ тюрьму, или какъ-нибудь иначе вытѣсняется изъ толпы людей, имѣющихъ склонность жить между собою мирно; стало быть, лишается возможности передавать потомству свои буйныя склонности. Точно то же можно сказать относительно цѣлыхъ племенъ, отличающихся черезчуръ воинственнымъ, неуживчивымъ характеромъ.

Общественная симпатія первобытнаго дикаря слишкомъ слаба для того, чтобы охватить болѣе или менѣе значительный кругъ лицъ; обыкновенно, племя состоитъ изъ какой-либо полсотни или сотни лицъ, совместно ведущихъ бродячую жизнь, которая въ свою очередь не благопріятствуетъ соединенію дикарей въ общества болѣе крупныхъ размѣровъ, такъ какъ этому препятствуетъ невозможность найти въ одномъ мѣстѣ достаточно средствъ пропитанія. При переходѣ отъ кочевой къ осѣдой жизни, съ возникновеніемъ обработки земли явилась возможность добывать болѣе значительное количество продуктовъ, отсюда и возможность жить болѣе многочисленными общинами. Для первобытнаго дикаря немислимо представить себѣ человѣческое общество въ сотни милліоновъ личностей, до какихъ размѣровъ доходятъ государства цивилизованныхъ народовъ.

Наглядное доказательство роста симпатіи представляет все развивающаяся благотворительность. Цивилизація сопровождается увеличеніемъ количества слѣпыхъ, хромыхъ, нищихъ и вообще обездоленныхъ людей. Нѣкоторые въ этомъ видятъ неизбѣжный продуктъ цивилизаціи, указывая на то, что въ средѣ первобытныхъ дикарей подобное явленіе вовсе не встрѣчается. Но это ошибочное мнѣніе. Масса разнаго рода несчастныхъ и обездоленныхъ—продуктъ развитія социальной симпатіи. Среди дикарей, дѣйствительно, не имѣется нищихъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности, но это потому, что дикарь не долго церемонится съ тѣми, кто не въ состояніи работать. Работай, или умирай—вотъ суровый, неумолимый законъ въ періодъ дикарства. Такимъ образомъ, всѣ, неспособные къ работѣ, обыкновенно, насильственно устранялись отъ жизни. Ростъ симпатіи позволялъ существовать разнаго рода нищимъ, калѣкамъ, идіотамъ, живущимъ на счетъ общественной благотворительности, которая вмѣнялась и вмѣняется въ обязанность религіями Будды, Корана, Моисея, Конфуція и въ особенности христіанскою. Симпатія выходитъ изъ состоянія того импульсивнаго чувства, какимъ она является у первобытнаго дикаря, и постепенно переходитъ въ твердо установленный жизненный принципъ. Слѣды общественной благотворительности въ Китаѣ можно найти уже за полторы тысячи и болѣе лѣтъ до Р. Х. Уже въ глубокой древности у нихъ существовали общественные пріюты для престарѣлыхъ и дѣтей. Въ Индіи начали возникать госпитали около третьяго столѣтія до Р. Х. Съ появленіемъ христіанства общественная благотворительность начинаетъ идти особенно быстрыми шагами. Опуская исторію благотворительности среднихъ вѣковъ, остановимся на XIX столѣтіи. Съ самаго начала XIX вѣка явился временемъ особаго разцвѣта благотворительности. Въ настоящее время въ культурныхъ странахъ въ убѣжищахъ для глухонѣмыхъ насчитывается до 50 тысячъ человѣкъ призрѣваемыхъ; въ одной Англіи до 500 госпиталей съ 17 тыс. кроватей; Франція тратитъ 5½ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на свои благотворительныя учрежденія: на эти средства со-

держится 2¹/₂ т. врачей, около 10 т. сидѣлокъ и столько же другихъ служащихъ въ больницахъ и госпиталяхъ, которыхъ насчитывается 1¹/₂ тысячи. Все это указываетъ на высокую степень развитія соціальныхъ, альтруистическихъ чувствъ.

Вмѣстѣ съ этимъ замѣчается постепенное ослабленіе въ обществахъ воинственныхъ инстинктовъ и жестокости войнъ. Такое явленіе происходило путемъ постепеннаго исключенія изъ общества членовъ съ воинственными наклонностями. Война по самому существу своему должна истреблять воиновъ и, слѣдовательно, они-то должны оставлять послѣ себя менѣе потомства, и менѣе передавать по наслѣдству свои воинственные инстинкты. „Когда римскій императоръ велъ въ чужія страны армію въ 50000 человекъ, онъ рѣдко приводилъ назадъ болѣе 20000; а если кампанія была продолжительна, то требовался постоянный притокъ подкрѣпленій, чтобы пополнять тяжелыя потери, причиняемыя сраженіями и болѣзнями. Дѣйствуя во всѣхъ странахъ и въ теченіе многихъ столѣтій, этотъ процессъ долженъ былъ оказать огромное вліяніе“, ¹⁾ и именно въ смыслѣ ослабленія воинственныхъ инстинктовъ.

Жизнь низшихъ дикарей представляетъ постоянную войну племенъ, и войны ихъ ужасны по своей жестокости. Поголовное истребленіе покореннаго племени, жесточайшія пытки, сдраніе кожи съ живого врага, медленное сожиганіе—все это считалось не только дозволительнымъ, но прямо требовалось обычаями дикарей. Войны грековъ и римлянъ, при всей своей жестокости по сравненію съ современными, все-таки менѣе жестоки сравнительно съ войнами первобытныхъ дикарей: покоренные народы не всегда избивались поголовно, часто они были продаваемы въ рабство, или же только облагались данью. Наплывъ дикихъ ордъ Азіи въ предѣлы Европы снова привелъ Европу ко временамъ первобытнаго варварства съ его жестокими войнами. Въ XII и XIII столѣтіяхъ можно отмѣтить два шага: вымираніе обычая убивать беззащитныхъ плѣнниковъ и обычай божьяго перемирія, согласно которому военныя

¹⁾ Ibid. стр. 443.

дѣйствія прекращались въ четвергъ, при закатѣ солнца, и могли возобновиться только въ понедѣльникъ. Затѣмъ мы наблюдаемъ постепенное ослабленіе жестокости войнъ, постепенный ростъ альтруистическихъ чувствъ, заставляющихъ воина шадить побѣжденнаго врага и признавать за нимъ право на состраданіе и милосердіе.

Родительская, супружеская и социальная симпатіи, будучи обусловливаемы нервнымъ развитіемъ живыхъ существъ, развиваясь и совершенствуясь, въ свою очередь обусловливаютъ совершенствованіе самой нервной системы. Хотя подъ микроскопомъ нельзя открыть никакой разницы между нервной системой первобытнаго дикаря и современнаго культурнаго европейца, однако такое различіе очевидно по тѣмъ результатамъ, которые являются его слѣдствіемъ. Для свѣтской женщины древняго Рима было наслажденіемъ зрѣлище окровавленныхъ гладіаторовъ и ихъ труповъ, содрогавшихся въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Современная культурная женщина не въ состояніи присутствовать при убійствѣ не только человека, а и животнаго. Въ средніе вѣка публичное сожженіе еретиковъ и вѣдьмъ собирало громадныя толпы народа, который на стоны умирающихъ, на ихъ предсмертныя конвульсіи отвѣчалъ дружными взрывами смѣха. Въ настоящее время не всякій мужчина въ состояніи быть хирургомъ вслѣдствіе физической неспособности переносить видъ ранъ и крови. Такая разница въ воспримчивости нервной системы современнаго культурнаго человека и его не особенно отдаленныхъ предковъ! Какъ произошла эта перемѣна, это должно быть ясно изъ предыдущаго. Естественный подборъ на самыхъ первыхъ порахъ появленія человека на землѣ давалъ преимущество въ борьбѣ за существованіе только болѣе сильнымъ и ловкимъ; затѣмъ на сцену выступаетъ умъ, какъ болѣе выгодный факторъ въ той же борьбѣ; наконецъ такимъ факторомъ, еще болѣе выгоднымъ, явилась симпатія. „Умный, но безсердечный человекъ имѣетъ менѣе шансовъ на окончательный успѣхъ и возможность оставить потомство, чѣмъ менѣе умный, но одаренный тѣми свойствами, съ помощью которыхъ приобрѣтаются друзья, за-

воемывается преданность жены и вызываются счастливыя семейныя привязанности“¹⁾). Типъ безпокойнаго вояки естественнымъ и неизбежнымъ путемъ устраняется со сцены; альтруистическій типъ получаетъ болѣе простора, оставляетъ большее потомство, передавая ему по наслѣдству тѣ особенности нервной организаціи, которыя обусловливаютъ его альтруистическія свойства.

Развивающаяся такимъ путемъ симпатія и составляетъ практическую нравственность въ ея простой и естественной формѣ. Симпатія составляетъ основу всякой нравственности, и никакая нравственность, не основанная на симпатіи, не въ состояніи удовлетворить потребностямъ человѣческой природы. Однако, симпатія не единственная основа нравственности, она только безусловно-необходимый элементъ ея. Нравственность, основанная на симпатіи, получаетъ большую устойчивость, если къ ней присоединяется чувство долга, т. е., сознание необходимости сообразоваться въ своемъ поведеніи не только со своимъ внутреннимъ чувствомъ симпатіи, но также и со среднимъ уровнемъ симпатіи своего общества, среды, съ тѣми законами и обычаями, въ которыхъ выразился этотъ средній уровень симпатіи. По чувству личной симпатіи я могу желать освобожденія фальшиваго монетчика изъ рукъ правосудія, по чувству долга я не могу этого сдѣлать. Происхожденіе чувства долга основано на давленіи внѣшней критики нашихъ поступковъ со стороны нашихъ друзей, нашихъ знакомыхъ и вообще общественнаго мнѣнія.

Болѣе высокую, болѣе благородную форму принимаетъ нравственность, когда къ чувству долга присоединяется внутреннее чувство самоуваженія: я не могу совершить дурного поступка, потому что, совершивъ его, буду презирать самого себя. Чувство долга заставляеть человѣка пріобрѣсти репутацію добраго; чувство самоуваженія заставляеть его быть вполнѣ достойнымъ этой репутаціи.

Наконецъ, послѣдняя самая высшая форма нравственности— это преданность добру ради самого добра. Вы восхищаетесь

¹⁾ Ibid. стр. 483.

великолѣпнымъ ландшафтомъ, открывшимся предъ вашими глазами. Почему это? На томъ единственномъ основаніи, что это—красота. Вы съ восторгомъ слушаете артистическое исполненіе симфоніи по той же причинѣ. Вы любите честность, вы не въ состояніи совершить безчестнаго поступка не потому только, что принесете этимъ вредъ другому; не потому, что боитесь подвергнуться осужденію другихъ, или собственному осужденію и потерять самоуваженіе, но по той единственной причинѣ, что честность прекрасна.

Нравственные качества—родительская и супружеская симпатія, симпатія къ родственникамъ и сосѣдямъ, патріотизмъ и филантропія—производятъ на насъ впечатлѣніе пріятнаго, представляются прекрасными, благодаря тому, что въ теченіе вѣковъ эти именно качества оказывались благодѣтельными для рода, къ нимъ человѣчество привыкло; эти именно качества передавались по наслѣдству, тогда какъ индивиды съ противоположными свойствами были обречены на вымираніе. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ же факторъ, что и въ происхожденіи чувства пріятнаго въ области зрительныхъ, слуховыхъ и вкусовыхъ ощущеній. Не потому мы ѣдимъ сахаръ, что онъ—сладокъ; а потому онъ—сладокъ, что мы его ѣдимъ, что организмъ нашъ привыкъ къ нему въ теченіе многихъ поколѣній, потому что онъ является однимъ изъ важнѣйшихъ питательныхъ веществъ, потому что организмы, не приспособленные къ сладкому, обречены на вымираніе. Голубое небо производитъ пріятное впечатлѣніе, потому что глазъ человѣка въ теченіе ряда поколѣній приспособился именно къ этому цвѣту; красный цвѣтъ неба, по всей вѣроятности, показался бы намъ отвратительнымъ, пока въ теченіе опять таки длиннаго ряда поколѣній не произошло бы такого измѣненія глаза, что онъ нашелъ бы пріятное зрѣлище въ красномъ цвѣтѣ неба.

Симпатіи, изъ которыхъ возникаетъ нравственное чувство, въ основѣ своей имѣютъ чисто фізіологическія эмоціи: любовь и ненависть, отвага и страхъ, восторгъ и уныніе обуславливаются тѣмъ или инымъ состояніемъ кровообращенія, пищеваренія, такой или иной степенью возбудимости нервной системы и т. п.

Таково ученіе о происхожденіи и развитіи нравственнаго инстинкта эволюціониста Сутерланда. Къ сказанному остается добавить, что, Сутерландъ—строгій детерминистъ: свободную волю въ человѣкѣ онъ отрицаетъ совершенно, полагая, что всякое дѣйствіе человѣка, которое представляется намъ свободнымъ, есть продуктъ цѣлаго ряда скрытыхъ отъ насъ причинъ; наше поведеніе представляетъ равнодѣйствующую притягательныхъ силъ, образуемыхъ внѣшними мотивами.

Свящ. Николай Липскій.

(Продолженіе будетъ).

ПОНЯТИЕ О „HONESTUM“ (О ЧЕСТНОМЪ) ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ СОЧИНЕНІЯ ЦИЦЕРОНА „DE OFFICIIS“ ¹⁾.

(Объ обязанностяхъ).

Среди сочиненій до-христіанскихъ языческихъ писателей по вопросамъ нравственной философіи сочиненіе Цицерона „De officiis“ занимаетъ видное и почетное мѣсто какъ по своей полнотѣ и систематичности, такъ и по сравнительной высотѣ выраженныхъ въ немъ нравственныхъ понятій и правилъ, мѣстами близкихъ къ христіанству. Лактанцій, христіанскій писатель конца III-го и начала IV-го вѣковъ, въ своемъ сочиненіи „Institutiones divinae“ цитуетъ изъ указаннаго произведенія Цицерона нѣкоторыя мѣста, какъ предвѣстіе христіанскихъ истинъ въ язычествѣ; а св. Амвросію Медиоланскому трудъ римскаго философа, просвѣтленный и очищенный христіанскимъ откровеніемъ, послужилъ, какъ извѣстно, матеріаломъ для замѣчательнаго творенія: „De officiis ministrorum“. Въ виду этого сочиненіе Цицерона заслуживаетъ того, чтобы мы обратили вниманіе на его содержаніе. Въ основныхъ нравственныхъ идеяхъ авторъ, по его собственнымъ словамъ, слѣдуетъ стоикамъ, хотя и не подчиняется имъ рабски и безусловно, а относится къ ихъ воззрѣніямъ сознательно—критически: по собственному выраженію Цицерона, онъ по своему рѣшенію и усмотрѣнію почерпаетъ изъ ихъ источниковъ, насколько это покажется ему нужнымъ ²⁾. По примѣру стоиковъ

¹⁾ При составленіи этой статьи мы имѣли подъ руками изданіе Тейбнера подъ редакціей Мюллера (M. Tullii Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Partis IV vol. III. Лейпцигъ. 1890 г.); на это изданіе мы и будемъ ссылаться.

²⁾ E fontibus eorum iudicio orbitrioque nostro, quantum quoque modo videbitur, hauriemus. Стр. 4, гл. 2, ст. 6.

(особенно Панэтія), римскій философъ выводитъ обязанности изъ двухъ принциповъ—*чести (honestum)*, или внутренняго достоинства дѣйствій, и *пользы (utile)*, или благихъ внѣшнихъ послѣдствій, относящихся къ удобству и пріятности жизни (*ad vitae commoditatem iucunditatemque*)¹⁾; разъясненію этихъ принциповъ посвящены двѣ первыя книги; при этомъ оказывается, что и обязанности чести, и обязанности пользы имѣютъ различныя частныя формы, которыя Цицеронъ разсматриваетъ съ указаніемъ ихъ сравнительной важности и значенія. Наконецъ, въ 3-й книгѣ авторъ разсматриваетъ случаи коллизіи двухъ указанныхъ принциповъ (*honestum* и *utile*) и даетъ руководящія правила для разрѣшенія этихъ коллизій. Таково общее содержаніе сочиненія „*De officiis*“. Согласно нашей задачѣ, мы остановимъ вниманіе на 1-й книгѣ этого сочиненія для выясненія понятія „*honestum*“, которое составляетъ предметъ ея; мы постараемся разъяснить, каковъ общій, основной смыслъ этого понятія, и какъ Цицеронъ выводитъ изъ него частныя нравственныя обязанности. Излагая мысли Цицерона, мы будемъ держаться его плана въ общихъ, основнхъ чертахъ, но въ частностяхъ дозволимъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ порядка изложенія самого автора,—въ видахъ большей систематичности и послѣдовательности нашего сочиненія.

Слово „*honestum*“ (отъ „*honor*“—*честь, почтеніе*) большею частію переводятъ словомъ „*честное*“; на нашъ взглядъ, такой переводъ не можетъ быть признанъ точнымъ и вполне выражающимъ мысль подлинника. Въ нашемъ языкѣ опредѣленіе „честный“ прилагается только къ тѣмъ дѣйствіямъ человѣка, которыя непосредственно касаются его отношеній къ другимъ людямъ; между тѣмъ у Цицерона понятіе „*honestum*“ несравненно шире: какъ увидимъ далѣе, подъ это понятіе подводятся и такія качества, которыя имѣютъ значеніе лично для самого человѣка и не касаются другихъ людей. Мы съ своей стороны полагаемъ, что терминъ „*почтенное*“ или „*похвальное*“ гораздо точ-

¹⁾ Стр. 5, гл. 3, ст. 9.

нѣе и полнѣе можетъ передать смыслъ латинскаго „honestum“. Посмотримъ, какъ самъ авторъ понимаетъ и объясняетъ этотъ терминъ. По опредѣленію Цицерона „почтенное“ остается достойнымъ чести, хотя бы и не пользовалось громкой извѣстностью,—остается похвальнымъ по существу своему, хотя бы и никто не хвалилъ его ¹⁾). Такимъ образомъ, по Цицерону, „honestum“ есть все то, что хорошо по существу своему и имѣетъ цѣну само по себѣ, независимо отъ мнѣнія людей. Очевидно, это понятіе соотвѣтствуетъ нашей идеѣ нравственнаго блага или философскому понятію о добродѣтели вообще.

Но такое формальное опредѣленіе еще не имѣетъ въ себѣ опредѣленныхъ признаковъ, которыми можно было бы охарактеризовать понятіе „honestum“. Необходимо выяснить, какія именно качества человѣка „почтенны“ и похвальны сами по себѣ. Для выясненія этого Цицеронъ выводитъ понятіе „honestum“ изъ двухъ принциповъ, изъ которыхъ второй составляетъ какъ-бы дальнѣйшее раскрытіе и точнѣйшее выясненіе перваго. Первый принципъ—*congruētia сз природой (convenientia conservatioque naturae)*,—подчиненіе голосу природы, короче—естественность. Этому принципу Цицеронъ придаетъ весьма важное значеніе: по его словамъ, слѣдуя водительство природы, мы никогда не ошибемся и будемъ въ состояніи понять и осуществить въ жизни своей все похвальное ²⁾). Но повиновеніе голосу природы, понимаемое въ смыслѣ широкомъ, можетъ приводить человѣка какъ къ похвальнымъ дѣйствіямъ, такъ и къ постыднымъ: какъ извѣстно, и циники въ основу своего ученія полагали принципъ естественности; между тѣмъ Цицеронъ съ негодованіемъ относится къ ихъ воззрѣніямъ и совершенно отвергаетъ ихъ ³⁾). Принципъ естественности необходимо долженъ быть выясненъ точнѣе и опредѣленнѣе; и вотъ, римскій философъ дополняетъ его принципомъ *превосходства человѣка надъ животными*; основой похвальныхъ дѣйствій являются уже не обще-животныя влеченія, но свойства

1) ...honestum, quod etiamsi nobilitatum non sit, tamen honestum sit, quodque vere dicimus, etiamsi a nullo laudetur, natura esse laudabile. Стр. 7, гл. 4, ст. 14.

2) Стр. 25, гл. 28, ст. 100.

3) Cynicorum ratio tota est ejicienda. Стр. 51, гл. 41, ст. 148.

и стремленія специально-человѣческія, которыя отличаютъ и возвышаютъ человѣка въ ряду другихъ живыхъ существъ. При такой постановкѣ вопроса, соединяя оба указанные принципа въ одно цѣлое, мы находимъ, что „*honestum*“ состоитъ въ повиновеніи человѣка тѣмъ изъ природныхъ стремленій и въ развитіи тѣхъ свойствъ, какими онъ отличается отъ прочихъ животныхъ ¹⁾. Главное отличіе человѣка *разума (ratio)* и, какъ внѣшнее выраженіе его, *словесная рѣчь (oratio)* ²⁾. Разумъ кладетъ свой отпечатокъ даже и на чисто животныя инстинкты (питанія, самосохраненія, продолженія рода): животное, побуждаемое мимолетнымъ ощущеніемъ, заботится объ удовлетвореніи своей потребности только въ настоящую минуту и слишкомъ мало думаетъ о прошломъ и будущемъ; человѣкъ же, зная причины и послѣдствія своихъ дѣйствій, можетъ обнимать умственнымъ взоромъ весь свой жизненный путь и простирать свою заботу на все продолженіе своей жизни ³⁾. Но, какъ уже сказано, „*honestum*“ заключается не въ животныхъ стремленіяхъ, а въ специально человѣческихъ, вытекающихъ изъ разумности; какія же это стремленія?

Цицеронъ указываетъ ихъ четыре, и ими исчерпываетъ содержаніе понятія „*honestum*“. Это, во-первыхъ, *стремленіе къ познанію истины (veri inquisitio atque investigatio)*, которое особенно обнаруживается у человѣка во время, свободное отъ *житейскихъ* дѣлъ и заботъ ⁴⁾. Во-вторыхъ, *стремленіе къ житейскому общенію (vitae societas) съ другими людьми*, вслѣдствіе котораго человѣкъ заботится о благоустроеніи жизни не для себя только, но и для своей семьи и для всѣхъ дорогихъ ему лицъ, находящихся на его попеченіи ⁵⁾. Въ-третьихъ *нѣкоторое стремленіе къ господству (adpetitio quaedam principatus)*, не въ смыслѣ внѣшней власти, а въ смыслѣ внутренней, ду-

¹⁾ Стр. 33, гл. 27, ст. 96: „*decorum id esse, quod consentaneum sit hominis excellentiae in eo, in quo natura ejus a reliquis animantibus differat*“. Хотя здѣсь опредѣляется собственно понятіе *decorum приличіе* въ обширномъ его значеніи, но мы имѣемъ право отнести это опредѣленіе и къ „*honestum*“, потому что, по Цицерону, эти два понятія не раздѣльны (ст. 93—94), и *decorum*, понимаемое въ общемъ смыслѣ (*generale*), „*in omni honestate versatur*“ (ст. 96).

²⁾ Стр. 19, гл. 16, ст. 50.

⁴⁾ Стр. 6, гл. 4, ст. 13.

³⁾ Стр. 5—6, гл. 4, ст. 11.

⁵⁾ Стр. 6, гл. 4, ст. 12.

ховной свободы и независимости отъ внѣшнихъ благъ и бѣдствій ¹⁾. Въ четвертыхъ, *стремленіе къ мѣрѣ (modus), порядку (ordo) и приличію (decus) во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ*; здѣсь человѣкъ переноситъ чисто-эстетическія понятія изъ области видимыхъ предметовъ въ область душевной жизни (*ab oculis ad animum*) ²⁾. Въ правильномъ удовлетвореніи этихъ стремленій и заключается четыре главныхъ обязанности и добродѣтели, которыми исчерпывается „*honestum*“,—это—1) мудрость, 2) справедливость, соединенная съ благотворительностью, 3) величіе и сила духа, 4) умѣренность и скромность ³⁾. Раскрытію этихъ четырехъ обязанностей и посвящено все дальнѣйшее разсужденіе 1-й книги; при этомъ указываются и ненормальныя отступленія отъ ихъ истиннаго смысла, какія допускаются людьми, выясняются причины этихъ отступленій и предлагаются средства къ ихъ предотвращенію или прекращенію. Но ошибочно было бы думать, что этимъ четырехчастнымъ дѣленіемъ Цицеронъ устанавливаетъ для обязанностей строго-точные предѣлы, благодаря которымъ каждая изъ нихъ могла бы быть совершенно выдѣлена изъ ряда другихъ, какъ не имѣющая съ ними ничего общаго по своему содержанію. Напротивъ, самъ Цицеронъ говоритъ, что всѣ эти обязанности „связаны и переплетены между собой“ (*inter se colligata atque implicata sunt*) ⁴⁾. Отсюда у него нерѣдко замѣчаются повторенія,—объ однихъ и тѣхъ же предметахъ говорится въ различныхъ отдѣлахъ. Переходя теперь къ изложенію частныхъ обязанностей и добродѣтелей, мы, ради стройности и отчетливости, постараемся избѣжать этихъ повтореній, гдѣ и насколько

¹⁾ Стр. 6, гл. 4, ст. 13.

²⁾ Стр. 6—7, гл. 4, ст. 14.

³⁾ Стр. 7, гл. 5, ст. 15—17.—Изъ сказаннаго, какъ полагаемъ, ясно, почему мы не рѣшались употребить терминъ „честное“ и замѣнили его словами „почтенное“ или „похвальное“. При нашемъ словоупотребленіи мы имѣемъ право называть человѣка вполне „честнымъ“, разъ онъ остается вѣренъ данному слову и уважаетъ права другихъ,—хотя бы онъ былъ неразвѣтъ умственно или предавался какому нибудь излишествамъ. Между тѣмъ, по Цицерону, къ этому человѣку не вполне приложимъ эпитетъ „*honestus*“, потому что онъ не имѣетъ одной или двухъ изъ перечисленныхъ добродѣтелей—мудрости и умѣренности; и мы, съ своей стороны, не можемъ, конечно, назвать такого человѣка вполне „почтеннымъ“ и вполне достойнымъ похвалы.

⁴⁾ Стр. 7, гл. 5, ст. 17.

ко это намъ удастся; при этомъ, слѣдуя автору, каждую обязанность мы рассмотримъ съ двухъ сторонъ—положительной и отрицательной.

I. Первая добродѣтель, какъ сказано, основывается на врожденномъ человѣку стремленіи къ познаванію (*cognitio*) и знанію (*scientia*) ¹⁾. Въ силу такого природнаго влеченія человѣкъ считаетъ необходимымъ для счастливой жизни познание предметовъ неизвѣстныхъ или заслуживающихъ удивленія (*rerum aut occultarum aut admirabilium*) ²⁾. Средствомъ для пріобрѣтенія познаній служитъ мышленіе (*agitatio mentis*), которое можетъ имѣть двойкій характеръ, смотря по тому, на какіе предметы оно направляется: человѣкъ или предается занятіямъ научнымъ (*studia scientiae*), или размышляетъ и предпринимаетъ рѣшенія относительно такихъ предметовъ, которые касаются доброй и счастливой жизни (*ad bene beateque vivendum*) ³⁾. Въ первомъ родѣ мышленія проявляется умъ теоретическій, мудрость (*sapientia*), во второмъ—умъ практический, благоразуміе (*prudencia*) ⁴⁾. Но при стремленіяхъ къ познаванію, которыя сами по себѣ похвальны, должно избѣгать нѣкоторыхъ недостатковъ, которые понижаютъ достоинство этой добродѣтели. Первый недостатокъ—*leghovurie*, поспѣшное

1) Стр. 8, гл. 6, ст. 18. Различіе между этими двумя терминами таково: *cognitio* означаетъ самый процессъ познаванія, — *движеніе ума* (*mentis agitatio*) по выраженію Цицерона; результатомъ этой работы ума является *знаніе* (*scientia*), какъ совокупность опредѣленныхъ свѣдѣній о предметѣ.

2) Стр. 6, гл. 4, ст. 13.

3) Стр. 8, гл. 6, ст. 19.

4) Эти два термина (*sapientia* и *prudencia*) мы находимъ въ 5-й гл. (стр. 7, ст. 15, въ концѣ). Указанное различіе между ними отчасти можетъ быть выведено филологически: *sapientia* (= *sapio-окушаю*) означаетъ собственно *окушеніе*, заѣмъ—*разумные истины* (уже данной); *prudencia* = *pro-videncia*—собственно *предвидѣніе*,—когда человѣкъ на основаніи настоящихъ данныхъ можетъ заключать о будущемъ и сообразно этому принимать тѣ или другія рѣшенія, отсюда—*предусмотрительность*, *благоразуміе*. Различіе этихъ терминовъ указано и у Цицерона въ 43-й гл. разсматриваемой книги: *sapientia* (греч. *σοφία*) есть познание предметовъ божескихъ и человѣческихъ (*rerum divinarum et humanarum scientia*), *prudencia* (= греч. *φρόνησις*) есть знаніе о томъ, чего должно искать и чего избѣгать (*rerum expetendarum fugiendarumque scientia*). Это различіе въ лексиконѣ Кронеберга выражено въ такой краткой формулѣ: *prudens in agendis; sapiens in contemlandis*. (*Differentiae vocum latinarum*—подъ словомъ *prudens*).

заключеніе—когда человѣкъ считаетъ неизвѣстное за познанное и безразсудно соглашается съ нимъ: во избѣжаніе этого недостатка слѣдуетъ тщательно обдумывать познаваемые предметы ¹⁾. Другой недостатокъ—усиліе постигнуть предметы трудно—понимаемые, превышающіе нашъ разумъ и притомъ не составляющіе необходимости для человѣка; при этомъ непроизводительно тратится много стараній и труда,—чего также слѣдуетъ избѣгать. Наконецъ, умственные занятія не должны служить предлогомъ къ уклоненію отъ дѣятельности практической (a rebus gerendis), потому что въ дѣятельности заключается вся похвала добродѣтели (virtutis enim laus omnis in actione consistit); умственнымъ занятіямъ должно быть посвящено время, свободное отъ работъ практическихъ ²⁾. Здѣсь въ Цицеронѣ виденъ истый римлянинъ-практикъ, для котораго не имѣетъ значенія такъ называемая кабинетная ученость, отрѣшающая человѣка отъ вопросовъ жизни практической. —Таковъ взглядъ Цицерона на умственную дѣятельность.

II. Наибольшее мѣсто отведено у Цицерона тѣмъ обязанностямъ, которыя вытекаютъ изъ стремленія человѣка къ общенію съ подобнымъ себѣ. Этому стремленію римскій философъ придаетъ весьма важное значеніе,—признаетъ его за необходимый законъ человѣческой природы и вмѣстѣ со стоиками учитъ, что люди рождены ради людей, чтобы въ сношеніяхъ между собою они могли быть полезными другъ другу“ ³⁾. Цицеронъ отвергаетъ мнѣніе, по которому единеніе людей есть явленіе позднѣйшее, происшедшее вслѣдствіе житейской необходимости,—когда люди убѣдились, что безъ помощи другихъ нельзя удовлетворить требованіямъ своей природы. Напротивъ, по мнѣнію римскаго философа, союзъ людей есть нѣчто первоначальное, прирожденное; взаимопомощь есть только необходимое *средствіе* этого союза, а вовсе не *цель* или *побудительная причина* къ нему ⁴⁾. Поэтому поддерживать и охра-

1) Стр. 8, гл. 6, ст. 18.

2) Стр. 8, гл. 6, ст. 19.

3) Стр. 9, гл. 7, ст. 22 „homines hominum causa esse generatos, ut ipsi inter se aliis alii prodesse possent“.

4) Стр. 54, гл. 44, ст. 157—158.

пять дружеское единеніе въ человѣческомъ обществѣ— есть священный долгъ для всѣхъ ¹⁾). Но, по указанію Цицерона, единеніе людей можно разсматривать съ различныхъ точекъ зрѣнія и сообразно этому соединять ихъ въ болѣе или менѣе обширныя группы. Самая большая группа, конечно, есть *все человечество*, основой общенія котораго служатъ разумъ и даръ слова, отличающее людей отъ животныхъ ²⁾). Далѣе слѣдуютъ группы, основанныя на единствѣ происхожденія (*племени*) или языка. Болѣе тѣсное общество—*государство* (*civitas*), объединяющее гражданъ общественными и религіозными учрежденіями, единствомъ цѣлей и интересовъ ³⁾). Еще тѣснѣе союзъ *родственниковъ* (*propinqui*); наконецъ, самый тѣсный кружокъ—*семья*, которое есть начало города и какъ бы разсадникъ (*seminarium*) государства ⁴⁾). Особнякомъ отъ этихъ степеней человѣческаго общества стоитъ дружескій союзъ хорошихъ людей съ подобными себѣ ⁵⁾). Всѣ эти виды человѣческаго союза необходимо принимать во вниманіе при разсужденіи объ обязанностяхъ; можно поставить такое общее правило: чѣмъ больше у человѣка связующихъ началъ съ тѣмъ или другимъ видомъ общества, тѣмъ больше и обязанностей по отношенію къ ней ⁶⁾).

Какovy же обязанности человѣка, какъ существа общественнаго? Ихъ можно свести къ двумъ главнымъ: 1) *справедливость* (*justitia*), въ которой наиболѣе сіяетъ добродѣтель; съ нею соединена 2) *благодѣтельность* (*beneficentia*), которую можно назвать также *благосклонностью* (*benignitas*), или *щедростью* (*liberalitas*) ⁷⁾. Слѣдуя Цицерону, мы изложимъ эти двѣ обязанности.

¹⁾ Стр. 51, гл. 41, ст. 149.

²⁾ Стр. 19, гл. 16, ст. 50.

³⁾ Стр. 19—20, гл. 17, ст. 53.

⁷⁾ Стр. 8—9, гл. 7, ст. 20.

⁴⁾ Стр. 20, гл. 17, ст. 54.

⁵⁾ Стр. 20, гл. 17, ст. 55—56.

⁶⁾ Стр. 18, гл. 16, ст. 50.

Послѣдніе три термина, при единствѣ основнаго смысла, имѣютъ свои отличительные оттѣнки, которые мы и постараемся указать. *Beneficentia* (*bene-ficio*) означаетъ собственно всю совокупность *благихъ дѣйствій* человѣка по отношенію къ ближнимъ, при чемъ обращается вниманіе на внѣшнюю сторону этихъ дѣйствій, независимо отъ внутренняго настроенія человѣка. Напротивъ, *benignitas* (*bene* и корень *gn*, *гно*—*знать*, *co-gno-sco*, а *gnosco*, γι—γνώ—*схω*) означаетъ именно внутреннее расположеніе, точнѣе, доброе расположеніе *мыслей*, доброе *мысліе* о человѣкѣ; этимъ *benignitas* отличается отъ тер-

1. Основное требованіе справедливости воздавать каждому свое (*suum cuique tribuere*) ¹⁾. Затѣмъ слѣдуютъ болѣе частныя правила: 1) не должно вредить никому, кромѣ того случая, когда раздраженъ обидой (*ne cuiquis poseat nisi lacessitus injuria*) ²⁾; 2) что составляетъ общее достояніе, на то и должны смотрѣть, какъ на общее и сообразно съ этимъ пользоваться имъ, а своимъ частнымъ достояніемъ можно распоряжаться, какъ своею собственностью ³⁾. Строго говоря, по природѣ все есть общее достояніе; частная же собственность не установлена какимъ либо изначальнымъ закономъ природы, а появилась уже впослѣдствіи подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Таково, напр., *право давности* (*vetus occupatio*),—когда кто нибудь первымъ пришелъ на пустое мѣсто,—*право победы* на войнѣ; иногда собственность достается человѣку по закону (*lege*), договору (*ractione*), соглашенію (*condicione*), жребію (*sorte*) Принимая во вниманіе случайное происхожденіе частной собственности, каждый долженъ владѣть тѣмъ, что ему досталось, и не заявлять притязаній на чужое ⁴⁾; напротивъ, должно имѣть въ виду первоначальную всеобщность собственности и назначеніе людей для взаимной поддержки: во имя этого люди должны оказывать услуги другъ другу, ставя центромъ своихъ стремленій общую пользу ⁵⁾. Уваженіе къ чужимъ правамъ

вина benevolentia (*bene-volo*), который означаетъ доброе настроеніе воли, *благожелательство*. Наконецъ *liberalitas* происходитъ отъ *liberalis*—свойственный свободному человѣку, благородный (противоположно ему *servilis*—свойственный рабу, низкій); поэтому *liberalitas* означаетъ собственно то благородство въ поступкахъ и обращеніи съ другими, какимъ человѣкъ свободный отличается отъ раба, а въ дальнѣйшемъ смыслѣ—одно изъ частныхъ проявленій этого благородства, именно—*щедрость*.

1) Стр. 7, гл. 5, ст. 15.

2) Лактанцій по поводу такого же выраженія, находящагося въ 3-й книгѣ „*De officiis*“ (гл. 19, ст. 76), справедливо замѣчаетъ, что Цицеронъ испортилъ свое прекрасное наставленіе прибавленіемъ послѣднихъ словъ („*nisi lacessitus injuria*“); онъ захотѣлъ, чтобы человѣкъ жилъ по-собачьи, отгрызаясь на оскорбленія (*voluit hominem canino modo vivere, ut remordeat lacessitus. Institut. divin. lib. VI, cap. 18*).

3) Стр. 9, гл. 7, ст. 20.

4) Стр. 9, гл. 7, ст. 21.

5) Стр. 9, гл. 7, ст. 22. Въ этомъ пунктѣ ученіе Цицерона, какъ можно видѣть, имѣетъ нѣкоторое сходство съ ученіемъ современныхъ утилитаристовъ о пользѣ общей в частной.

(иначе—справедливость) мы должны простираť не только на равныхъ себѣ, но и на низшее сословіе—рабовъ; къ нимъ лучше всего относиться такъже, какъ къ наемникамъ (*mercenariis*)—давать имъ для выполненія работу и платить должное вознагражденіе (*justa*) ¹⁾. Изъ понятія объ уваженіи къ правамъ другихъ вытекаетъ еще одинъ принципъ справедливости—*вѣрность* (*fides*), то есть, постоянство и истинность въ словахъ и договорахъ (*dictorum conventorumque constantia et veritas*); по мнѣнію стоиковъ—филологовъ, слово *fides* происходитъ отъ *fiat*—да будетъ исполнено (сказанное) ²⁾. Такимъ образомъ, заботясь о пользѣ общей и сохраняя вѣрность, человекъ исполнитъ долгъ справедливости—не вредитъ никому. Впрочемъ, возможны и такіе случаи, когда принципъ вѣрности сталкивается съ принципомъ пользы; тогда второму изъ этихъ принциповъ, какъ основѣ справедливости, должно отдавать предпочтеніе предъ первымъ. Такъ, вѣрность требуетъ, чтобы мы исполнили свои обѣщанія; но если это можетъ причинить вредъ тому, кому мы дали обѣщаніе, мы не должны исполнять своего слова. Обѣщаніе не должно быть исполнено и въ томъ случаѣ, если это повредитъ обѣщавшему болѣе, чѣмъ принесетъ пользы получившему обѣщаніе. Вотъ, напр., человекъ обѣщался защищать чье нибудь дѣло, а у него тяжко заболѣлъ сынъ; тогда обѣщавшій свободенъ отъ своего слова, и оставленный имъ кліентъ не въ правѣ сѣтовать. Тѣмъ болѣе мы не обязаны исполнять обѣщаній, данныхъ подъ вліяніемъ страха или обмана ³⁾. Таково воззрѣніе Цицерона на сравнительное значеніе вѣрности и пользы: какъ видимъ мы, онъ еще не можетъ отрѣшиться отъ взглядовъ на пользу, какъ на основной принципъ дѣятельности; его вышеприведенное разсужденіе весьма напоминаетъ такъ называемый „утилитарный расчетъ“. Самъ Цицеронъ признаетъ необходимымъ для человека этотъ расчетъ и смотритъ на него, какъ на своего рода математическую операцію, при чемъ употребляетъ даже ариѳметическіе термины: по его словамъ мы должны быть хорошими счетчиками, (*ratiocinatores*) своихъ обязанностей и,

¹⁾ Стр. 16, гл. 13, ст. 41.

²⁾ Стр. 9, гл. 7, ст. 23.

³⁾ Стр. 12, гл. 10, ст. 31—32.

прибавляя и отнимая (addendo deducendoque), смотрѣть, какова сумма остатка (quae reliqui summa fiat ¹⁾).

Мы изложили взглядъ Цицерона на обязанности по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые также уважаютъ наши права; теперь представимъ его ученіе объ отношеніяхъ къ тѣмъ, кто посягаетъ на наши права.—Мы уже видѣли, что Цицеронъ своей оговоркой „*nisi lacessitus injuria*“ считаетъ дозволеннымъ вредить обидчику; какъ римлянинъ юристъ, онъ, конечно, еще не могъ возвыситься до ученія о прощеніи обидъ. Онъ признаетъ законность мщенія и наказанія (ulciscendi et puniendi) и не увѣренъ (haud scio) въ томъ, чтобы одно только раскаяніе обидчика могло служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что и онъ самъ, и другіе не рѣшатся болѣе на несправедливость. Но въ то же время Цицеронъ старается урегулировать обычай мести и наказанія, установивъ для него должную мѣру (modus) ²⁾. Какъ римскій гражданинъ, бывшій нѣкогда важнымъ государственнымъ дѣятелемъ, Цицеронъ останавливаетъ вниманіе исключительно на государственномъ способѣ мщенія за обиды, какимъ является война. Борьбу, совершающуюся путемъ насилія (per vim), онъ признаетъ за дѣйствіе болѣе свойственное звѣрямъ, чѣмъ людямъ, которые должны бороться путемъ убѣжденія (per disceptationem); но при недѣйствительности этого послѣдняго способа приходится прибѣгать къ первому ³⁾. Такимъ образомъ война позволительна только по необходимости,—ради водворенія мира и огражденія отъ обидъ (ut sine injuria in pace vivatur) ⁴⁾; только тогда война справедлива, когда она ведется изъ-за отнятыхъ вещей (rebus repetitis), или когда она ранѣе кѣмъ-либо была объявлена, такъ что намъ приходится обороняться ⁵⁾. Правда, Цицеронъ допускаетъ и войны изъ-за власти и славы, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ были и указанныя законныя причины ⁶⁾. Принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ можетъ не всякій, а только тотъ, кто состоитъ въ числѣ воиновъ ⁷⁾. Далѣе, и къ непріятелямъ

¹⁾ Стр. 21, гл. 18, ст. 59.

²⁾ Стр. 13, гл. 11, ст. 33.

³⁾ Стр. 13, гл. 11, ст. 34.

⁴⁾ Стр. 13, гл. 11, ст. 35.

⁵⁾ Стр. 14, гл. 11, ст. 36.

⁶⁾ Стр. 14, гл. 12, ст. 38.

⁷⁾ Стр. 14, гл. 12, ст. 36—37.

отношенія должны быть различны, смотря по свойству войны: такъ, войну изъ за славы должно вести съ меньшимъ ожесточеніемъ (*minus aserbe*); вѣдь и среди согражданъ мы полагаемъ различіе между врагомъ (*inimicus*) и соперникомъ (*competitor*),—съ первымъ боремся изъ-за жизни и добраго имени (*capitis et famaе*), со вторымъ изъ-за почести и достоинства (*honoris et dignitatis*); такое же различіе должно наблюдать и въ средѣ непріятностей ¹⁾. Вообще нужно помнить, что и самое слово *hostis* означало въ древности, не *военнаго противника* (*perduelis*), а чужестранца (*peregrinus*=гость), и только впоследствии получило настоящій болѣе суровый смыслъ (*dignus* ²⁾. По этому и къ непріятелю нужно относиться честно, выполнять обѣщанія, данныя ему, по примѣру Регула ³⁾. Побѣжденные, не запятнавшіе себя жестокостью въ войнѣ, достойны пощады и даже принятія въ число союзниковъ государства; тѣмъ болѣе должно миловать тѣхъ, которые добровольно сложили оружіе и съ довѣріемъ прибѣгли къ военачальнику. Во всякомъ случаѣ нужно предпочитать войнѣ миръ, который былъ бы свободенъ отъ всякихъ казней ⁴⁾. Такимъ образомъ, какъ видимъ, Цицеронъ—другъ мира и противникъ милитаризма: онъ далекъ отъ того, чтобы восхвалять войну,—напротивъ, признаетъ только ея неизбежность и всячески избѣгаетъ ненависти и ожесточенія противъ непріятелей. Все это въ значительной степени можетъ смягчить упрекъ, сдѣланный Лактанціемъ Цицерону за то, что онъ въ принципѣ дозволяетъ мщеніе за обиду.

Согласно нашему плану, мы теперь изложимъ ученіе Цицерона объ отступленіяхъ отъ выше раскрытой добродѣтели, которыя обнимаются общимъ именемъ *несправедливости* (*injustitia*); а каждый въ отдѣльности несправедливый поступокъ называется *обидой* (*injuria*). Главный источникъ несправедливости Цицеронъ видитъ въ *себялюбіи*, которое отчасти происходитъ отъ естественныхъ причинъ: свою пользу и вредъ мы чувствуемъ непосредственно, а пользу и вредъ другихъ видимъ какъ бы на далекомъ разстояніи (*quasi longo intervallo*

1) Стр. 14—15, гл. 12, ст. 38.

2) Стр. 14, гл. 12, ст. 37.

3) Стр. 15, гл. 13, ст. 39.

4) Стр. 13—14, гл. 11, ст. 35.

interjecto); отсюда для насъ не одинаково легко судить о себѣ и другихъ, а потому и попеченіе о благѣ другихъ для насъ становится затруднительнымъ ¹⁾. Такова основная причина несправедливости; что касается формъ ея обнаруженія, то онѣ сводятся къ двумъ главнымъ, которыя можно назвать *активной и пассивной*, примѣнительно къ современной терминологіи. Первая форма несправедливости—когда кто-либо самъ причиняетъ обиду другому; вторая—когда человекъ не защищаетъ обижаемыхъ, хотя и имѣетъ возможность дѣлать это ²⁾. Активная несправедливость совершается или путемъ насилія, или путемъ хитрости и обмана, посредствомъ превратнаго, злонамѣреннаго толкованія законовъ; отсюда произошла поговорка: „*Summum jus summa injuria*“—„высшее право есть и высшая неправда“. Примѣромъ такого коварства можетъ служить одинъ полководецъ, который заключилъ съ непріятелями перемиріе на *30 дней*—и грабилъ ихъ поля *по ночамъ*—потому что, рассуждалъ онъ, перемиріе установлено на дни, а не на ночи ³⁾. Такое коварство хуже даже грубаго насилія,—хотя конечно, и то, и другое недостойно человека ⁴⁾. Точно также обида, нанесенная горяча, или, выражаясь по современному, подъ вліяніемъ аффекта (*perturbatione aliqua animi*), болѣе извинительна (*leviōra*), чѣмъ та, которая причиняется обдуманно и намѣренно ⁵⁾. Что касается внутреннихъ побужденій, по которымъ люди рѣшаются на активную несправедливость, то они бываютъ различны. Иногда мотивомъ служитъ страхъ за себя: замышляющій обиду другому опасается, какъ-бы съ нимъ не случилась бѣда,—а потому старается заблаговременно повредить тому человеку, котораго считаетъ для себя опаснымъ. Но большею частію нарушеніе чужихъ правъ происходитъ изъ стремленія овладѣть предметомъ своихъ страстныхъ желаній; въ этомъ случаѣ проявляется жадность (*avaritia*) или корыстолюбіе ⁶⁾. Основой стремленій къ обогащенію является желаніе доставить себѣ какъ все необходимое, такъ и удовольствія; и, конечно нельзя ставить въ вину человеку, если

1) Стр. 11, гл. 9, ст. 29—30.

2) Стр. 9, гл. 7, ст. 23.

3) Стр. 12—13, гл. 10, ст. 33.

4) Стр. 16, гл. 13, ст. 41.

5) Стр. 10, гл. 8, ст. 27.

6) Стр. 9—10, гл. 7, ст. 24.

онъ стремится къ увеличенію своего имущества, но при этомъ никому не вредитъ и никого не обижаетъ. У людей сильныхъ духомъ корыстолюбіе вырождается въ страсть къ чести и славѣ: богатство у нихъ служитъ только необходимымъ средствомъ для щедрости, которая даетъ человѣку славу и вліятельность. Къ сожалѣнію, весьма многіе увлекаются честолюбіемъ и властолюбіемъ до такой степени, что забываютъ всякую справедливость и попираютъ святость человѣческаго союза и вѣрности. И это понятно: гдѣ нельзя одновременно отличиться многимъ лицамъ (напр. въ исканіи царской власти), тамъ происходитъ ожесточенная борьба изъ-за первенства; а при этомъ весьма трудно соблюсти справедливость. Великіе люди должны быть особенно внимательны къ себѣ, такъ какъ имъ предстоитъ наибольшая опасность поддаться указаннымъ страстямъ ¹⁾. Далѣе, что касается пассивной несправедливости —уклоненія отъ защиты другихъ,—то она также происходитъ изъ разныхъ побужденій. Одни люди не хотятъ навлекать на себя вражду; другіе боятся трудовъ и издержекъ; третьи по природѣ склонны къ бездѣйствію (*inertia*), лѣности (*pigritia*), нерадѣнію (*neglegentia*); наконецъ четвертые настолько погружены въ свои дѣла и занятія, что оставляютъ беззащитными тѣхъ, кого должны бы охранять. Нѣкоторые изъ такихъ людей говорятъ въ свое оправданіе: „мы дѣлаемъ свое дѣло и никого не обижаемъ“; но они только на половину правы, потому что исполняютъ только первое изъ основныхъ требованій справедливости—никому не вредить, но не исполняютъ второго—трудиться на пользу другихъ. По той же причинѣ нельзя оправдывать и тѣхъ философовъ, которыхъ Платонъ хвалитъ за то, что они всецѣло занялись изслѣдованіемъ истины и не участвуютъ въ томъ, къ чему стремится и изъ-за чего спорить между собой большая часть людей. Если даже такой философъ примется за общественное дѣло *поневолю*—(а, по Платону, иначе и не можетъ быть), то и тогда его нельзя одобрить потому, что всякое правое дѣло имѣетъ цѣну лишь настолько, насколько оно происходитъ изъ доброй воли человѣка ²⁾. Изъ сказаннаго видно, что вопросъ о

¹⁾ Стр. 10, гл. 8, ст. 25—26.

²⁾ Стр. 11, гл. 9, ст. 28—29.

несправедливости, ея основной причинѣ, внутреннихъ мотивахъ, частныхъ формахъ и видахъ раскрытъ у Цицерона весьма обстоятельно и отчетливо; а по своему достоинству и высотѣ это разсужденіе о несправедливости, на нашъ взглядъ, таково, что подѣ нимъ могъ бы подписаться и христіанинъ—моралистъ.

2. Другая обязанность человѣка, какъ существа общественнаго—*благодѣтельность* или *щедрость*. Она имѣетъ высокую цѣну тогда, когда проистекаетъ изъ расположенія души (*animus*), изъ усердія (*studium*), изъ благожелательства (*benevolentia*); нельзя ставить наравнѣ съ этой истинной добродѣтелью поступки хотя бы и добрые, но совершаемые по нѣкоторому безразсудству (*temeritate quadam sine iudicio*), или подѣ влияніемъ внезапнаго возбужденія души (аффекта) ¹⁾. Не заслуживаютъ похвалы и тѣ благодѣянія, которыя совершаются на показъ, изъ хвастовства, а не изъ добраго желанія ²⁾. Истинная благодѣтельность должна направляться къ пользѣ и нравственному преуспѣянію того, кому она оказывается; иначе будетъ не благодѣяніе, а пагубное потворство; не должно также обижать однихъ, чтобы сдѣлать милость другимъ: это—посягательство на чужую собственность ³⁾. Далѣе, благодѣтелю нужно сообразоваться со средствами: если благодѣянія превышаютъ мои средства, то я обижаю этимъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ, которыхъ обязанъ обезпечить; кромѣ того, мнѣ въ этомъ случаѣ предстоитъ опасность прибѣгнуть къ несправедливымъ способамъ наживы, чтобы не имѣть недостатка въ деньгахъ ⁴⁾. Затѣмъ, въ благодѣяніяхъ должно сообразоваться съ тѣмъ, насколько люди достойны ихъ,—обращать вниманіе на ихъ нравственность, на ихъ расположеніе къ нимъ, на ранѣ оказанныя намъ услуги, на большую или меньшую степень общенія съ ними; желательно, чтобы въ наличности были всѣ эти условія или, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ ⁵⁾. Что касается нравственнаго состоянія людей, то необходимо признать, что полнаго совершенства между ними нѣтъ; поэтому никого не слѣдуетъ презирать окончательно, а нужно цѣнить

1) Стр. 18, гл. 15, ст. 49.

2) Стр. 17, гл. 14, ст. 44.

3) Стр. 16, гл. 14, ст. 42.

4) Стр. 17, гл. 14, ст. 44.

5) Стр. 17, гл. 14, ст. 45.

и малые признаки добродѣтели. Особенно же предпочтеніе нужно отдавать людямъ, украшеннымъ болѣе кроткими добродѣтелями, каковы—скромность и умѣренность; эти добродѣтели служатъ характернымъ признакомъ хорошаго человѣка (*vir bonus*) болѣе, чѣмъ, напр., мужество, которое бываетъ и у несовершеннаго человѣка и проявляется въ немъ даже съ большей силой и горячностью (*ferventior*) ¹⁾. Далѣе, кто насъ больше любитъ, тому и мы обязаны оказывать больше расположенія; при этомъ о благосклонности нужно судить не по юношеской пылкости чувства, а по его постоянству и твердости. Если человѣкъ еще ранѣе проявилъ свое расположеніе къ намъ на дѣлѣ,—оказалъ намъ какія либо—услуги,—то нашъ непремѣнный долгъ—воздавать ему благодарность, которая должна проявляться въ нашихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ благодѣтелю; мы должны отплачивать за благодѣяніе даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ получили, подобно плодоноснымъ полямъ, которыя производятъ гораздо больше, чѣмъ принимаютъ ²⁾.—Необходимо также принимать во вниманіе различные виды и степени человѣческаго общества, указанные нами ранѣе. Есть много такихъ предметовъ, которые природа произвела на общую потребу людей (напр. огонь, вода); въ этихъ предметахъ мы не должны отказывать никому изъ людей, хотя бы и незнакомцу; ибо, съ одной стороны, все это есть общее достояніе человечества, съ другой стороны—подобныя услуги намъ не причиняютъ труда и издержекъ, а нуждающемуся могутъ оказать большую пользу. Къ общему достоянію человечества относятся, какъ сказано, разумъ (*ratio*) и даръ слова (*oratio*); и этими дарами должно дѣлиться со всякимъ человѣкомъ,—блуждающему указывать дорогу, сомнѣвающемуся подавать добрый совѣтъ ³⁾. Таковы наши обязанности по отношенію ко всему роду человѣческому. Что касается болѣе частныхъ видовъ общества, то среди нихъ первое мѣсто занимаетъ отечество, любовь къ которому должна простираться до самопожертвованія ⁴⁾. Далѣе слѣдуютъ родители, семья, родственники, съ которыми мы соединены союзомъ крови; великое значеніе имѣеть

¹⁾ Стр. 17, гл. 15, ст. 46.

²⁾ Стр. 18, гл. 15, ст. 47—48.

³⁾ Стр. 19, гл. 16, ст. 51—52.

⁴⁾ Стр. 20—21, гл. 17, ст. 57.

и союзъ друзей, соединенныхъ между собой доброй нравственностью. Здѣсь невольно являются вопросы: какъ точнѣе опредѣлить и разграничить обязанности дружбы и родства,—въ чемъ именно мы должны проявлять свою милость къ роднымъ, и въ чемъ—къ друзьямъ? На этотъ вопросъ нельзя дать отвѣта на основаніи общаго понятія о большей или меньшей степени сплоченности, которое положено Цицерономъ въ основу сужденія объ обязанностяхъ по отношенію къ различнымъ видамъ общенія человѣческаго; дѣло въ томъ, что родство и дружба—понятія несравнимыя: первое изъ нихъ основывается на неизбѣжномъ законѣ природы, второе на свободной волѣ человѣка. Поэтому Цицеронъ устанавливаетъ особыя границы между родствомъ и дружбой: въ отношеніи къ роднымъ съ нашей стороны должна быть забота о доставленіи имъ всего необходимаго для жизни, объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи и довольствѣ; въ дружбѣ же главное мѣсто должны занимать нравственная поддержка и руководство—совѣты, рѣчи, увѣщанія, утѣшенія, иногда даже укоры ¹⁾). Наконецъ, въ каждомъ частномъ видѣ и случаѣ благотворенія должно принять за правило—наиболѣе помогать тому, кто болѣе нуждается въ помощи; поэтому вопреки долгу поступаютъ тѣ, которые, возлагая большія надежды на какого-либо человѣка, усердно услуживаютъ ему, хотя бы онъ и не нуждался въ этомъ ²⁾). Такимъ образомъ Цицеронъ устанавливаетъ нѣсколько точекъ зрѣнія для сужденія о томъ, кому, когда и въ чемъ должно благодѣтельствовать, признаетъ нужнымъ обращать вниманіе и на нравственныя качества человека, и на его отношенія къ намъ и на степень его единенія съ нами; все это онъ обнимаетъ терминомъ „*dignitas*“—*достоинство*, или, выражаясь ближе къ смыслу подлинника, *большая или меньшая степень заслуженности* благодѣянія со стороны получающаго. Но этотъ терминъ, очевидно, не объединяетъ указанныхъ принциповъ, а съ другой стороны—не устанавливаетъ между ними точныхъ границъ и не указываетъ ихъ сравнительной важности. Руководясь Цицерономъ, нельзя рѣшить, какому изъ этихъ принциповъ должно отдавать предпочтеніе, въ томъ случаѣ, если

¹⁾ Стр. 21, гл. 17, ст. 58.

²⁾ Стр. 18, гл. 15, ст. 49.

они придутъ въ столкновение между собою; а что такая коллизія возможна, мы пояснимъ примѣромъ. Я могу помочь только одному человѣку; между тѣмъ въ моей помощи одинаково нуждаются двое: одинъ—мой близкій родственникъ, но человѣкъ нравственно-недостойный, другой—человѣкъ высоко-нравственный, но совершенно чужой для меня. Спрашивается: кому изъ нихъ я долженъ помочь, какому принципу слѣдовать, отдать ли предпочтеніе родству, или же нравственному достоинству? Разсужденіе Цицерона о „dignitas“ не можетъ вывести меня изъ этого затруднительнаго положенія. Такимъ образомъ ученіе о благотворительности у Цицерона раскрыто не съ достаточной полнотою.

А. Воронцовъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Марта № 6. 1902 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Выписка изъ дѣла Харьковской Духовной Консисторіи о чудесномъ исцѣленіи Г. Живковичъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1900—1901 учебный годъ (окончаніе).—Годичное собраніе членовъ Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества и отчетъ сего Общества за 1901 годъ.—Епархіальныя публікаціи.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему добладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ 10 го текущаго марта на сопрічисленіе за 50-лѣтнюю службу къ орденамъ *св. Владиміра 4-й степени* протоіереевъ церквей: Архангело-Михайловской села Верхняго Бишкіна, Зміевскаго уѣзда, Михаила *Котлярова*, Троицкой въ слободѣ Малой Камышевахъ, Изюмскаго уѣзда, Александра *Касьянова* и заштатнаго священника Троицкой церкви г. Лебедина Петра *Чижевскаго*; *св. Анны 3-й степени* священника Успенской церкви села Гречишкіна, Старобѣльскаго уѣзда, Павла *Ветухова*.

Выписка изъ дѣла Харьковской Духовной Консисторіи о чудесномъ исцѣленіи больной жены титулярнаго совѣтника Юліи Петровны Живковичъ ¹⁾

Землевладѣлецъ Зміевскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ Александръ Петровичъ Живковичъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1901 года просилъ разрѣшенія Преосвященнаго Иннокентія привезти въ его домъ входящійся въ слободѣ Чернокамянкѣ, Зміевскаго уѣзда, чудотворный образъ Божіей Матери, именуемый „Песчакскій“ изъ Вознесенской церкви, слободы Песокъ, Изюмскаго

¹⁾ Выписка эта печатается по распоряженію Консисторіи за № 2047.

уѣзда, для служенія молебна передъ нимъ, по случаю тяжелой болѣзни жены его Юліи Петровны,—на что и послѣдовало разрѣшеніе Его Преосвященства. По прибытіи св. пконы въ домъ Живковича, предъ нею причтомъ слободы Песокъ былъ отслуженъ молебенъ съ акаѣстомъ, во время котораго совершилось чудесное исцѣленіе больной хозяйки дома, Юліи Живковичъ. Объ этомъ обстоятельствѣ Александръ Живковичъ такъ пишетъ въ своемъ донесеніи Преосвященному Иннокентію, отъ 8 ноября 1901 года: „Съ разрѣшенія Вашего Преосвященства, я 29 октября сего года вмѣлъ возможность принять въ домѣ своемъ чудотворный образъ Царицы Небесной, именуемый „Песчанскимъ“, для служенія акаѣста Божіей Матери и возношенія моленій объ исцѣленіи разбитой параличемъ жены моей, долго и безъ всякаго успѣха лѣчившейся до того и въ Харьковѣ и въ С.-Петербургѣ у лучшихъ представителей медицинскихъ наукъ, и нужно ли говорить о томъ умиленіи и радости, когда я, во время чтенія акаѣста Божіей Матери, увидѣлъ, что жена моя, до того времени совершенно немогшая ходить и владѣть лѣвой рукой, вдругъ сама, безъ всякой посторонней помощи, поднялась со своего мѣста, подошла къ чудотворному образу Божіей Матери и съ благоговѣніемъ и слезами приложилась къ Нему. Слезы умиленія, восторга и благодарности чувствовали всѣ присутствовавшіе при дивномъ исцѣленіи жены моей, которая, по исцѣленіи, объяснила, что во время чтенія акаѣста ее, какъ будто, кто-то толкнулъ въ локоть парализованной руки и она почувствовала себя исцѣленной!“ На донесеніи этомъ резолюція Его Преосвященства нослѣдовала такая: „читалъ съ умиленіемъ и молитвенной благодарностію въ сердцѣ Божіей Матери. Ожидаю подробнаго донесенія“. Во исполненіе распоряженія Его Преосвященства, мѣстнымъ благочиннымъ было произведено дознаніе о чудесномъ исцѣленіи больной Живковичъ, при чемъ оказалось слѣдующее: сиротенная Юлія Живковичъ, показала: „три года тому назадъ я заболѣла истерическимъ параличемъ ногъ, искривленіемъ лѣвой ноги, и, не смотря на всѣ принятые мѣры къ излѣченію отъ недуга, медицина осталась безсильна поднять меня на ноги, хотя профессора и доктора подавали надежду на выздоровленіе. Съ іюня мѣсяца с. г. я живу въ деревнѣ своей, оставивъ лѣчепія, почему почувствовала ухудшеніе въ своемъ организмѣ. Въ концѣ октября с. г. я случайно узнала, что вблизи нашего имѣнія, въ слободѣ Дмитровкѣ, Изюмскаго уѣзда, временно находится чудотворный образъ Божіей

Матери слободы Песокъ, принесенный туда изъ слободы Песокъ, о существованіи котораго я до сего времени не знала, и у меня явилась мысль принять эту святыню въ свой домъ. По испрошеніи по телеграфу разрѣшенія на это у Его Преосвященства, Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Сумскаго, сей чудотворный образъ Божіей Матери 29 октября с. г. былъ принесенъ въ нашъ домъ, гдѣ, при громадномъ стеченіи народа, начался молебенъ съ академикомъ Покрову Пресвятой Богородицы и во время чтенія кондака — „О, всепѣтая Мати“... я почувствовала свободу движенія въ больной ногѣ настолько, что могла двигать и шевелить пальцами ноги, чего прежде не могла дѣлать. По окончаніи молебна, совершеннаго священникомъ слободы Песокъ, Александромъ Яковлевымъ, сопровождавшимъ икону, меня подвезли въ креслѣ на колесахъ къ образу и когда присутствующіе хотѣли поднести образъ ко мнѣ, то я попросила не подносить, а помочь мнѣ встать съ кресла и подвести меня къ образу и я приложилась къ Нему. Приложившись къ св. образу, я сразу почувствовала, что стою на ногахъ сама, безъ посторонней помощи, при чемъ вскрикнула въ восторгъ: „встала, стою, и сама иду“, и дѣйствительно сдѣлала нѣсколько шаговъ совершенно смѣло, легко и безболѣзненно. Затѣмъ, совершенно безъ посторонней помощи, я опустилась на колѣни, легко и совершенно безъ боли подвинулась и даже приняла участіе въ несеніи образа по всѣмъ комнатамъ своего дома и въ настоящее время и продолжаю чувствовать себя хорошо и хожу ежедневно понемногу съ палкой по комнатамъ“. Свидѣтелями моего исцѣленія были всѣ, участвовавшіе въ молитвѣ передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Главными свидѣтелями вышеозначеннаго исцѣленія, которые подводили больную къ образу и которые послѣ исцѣленія вмѣстѣ съ выздоровѣвшей Юліей Петровой Живковичъ носили образъ по всѣмъ комнатамъ дома, гдѣ служился молебенъ, были: землевладѣлецъ, сосѣдъ г. Живковича, Стефанъ Яковлевъ Калининъ и крестьянинъ деревни Вупаковки, Иванъ Ѳедоровъ Охрименко, въ чемъ они и дали подписку. 2) Титулярный Совѣтникъ Александръ Петровичъ Живковичъ показалъ: „жена моя Юлія Петровна въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ страдала болѣзнію ногъ: нервнымъ пораженіемъ конечностей и нервовъ, и даже лѣвая нога была омертвѣлая. Жена моя не только не могла двигать ногами, но они висѣли у нея, какъ отрубленные, и ее переносили на рукахъ и возили въ креслѣ. Мы обращались къ извѣстнымъ профессорамъ и докторамъ, и жена ѣздила на Кавказъ

въ 1900 г. и зиму провела въ Петербургѣ, гдѣ пользовалась у профессора Вехтерева и врача В. И. Побиновскаго. Все, что сдѣлали врачи,—это подняли ея бодрость духа и питаніе и она могла стоять одну минуту при помощи поддержки и ногу лѣвую ей должны были поворачивать; но все таки существенной пользы не было, и она, возвратившись изъ Петербурга, не ходила. Живя въ Харьковской губерніи, Зміевскаго уѣзда, въ своемъ имѣніи „Бурнаковѣ“, мы услышали, что въ сосѣднемъ приходѣ, Изюмскаго уѣзда, находятся чудотворная икона Богоматери, именуемая „Песчанской“. Испросивъ разрѣшеніе Преосвященнаго Иннокентія, мы просили причтъ Песчанской церкви прибыть въ домъ, чтобы отслужить молебенъ. Во время чтенія акаѳиста жена моя почувствовала облегченіе въ ногахъ и когда, по окончаніи молебна, ее подвезли въ креслѣ приложиться къ образу, она, безъ посторонней помощи, встала съ кресла и съ крѣкомъ! „Я здорова, я пошла, я пошла“, приложилась къ образу и потомъ прошла всѣ комнаты вмѣстѣ съ образомъ и, опираясь на младшаго сына, несла даже образъ лѣвою рукою. Увидя такое чудо, всѣ молящіеся, коихъ было до 100 душъ, моментально зарыдали почти всѣ отъ умиленія. Во время приложенія къ образу жены, образъ упалъ со стола и сталъ на полъ и, не смотря на свою тяжесть и величину, не разбился, стекла остались цѣлы, а бывший подъ нимъ столъ вдребезги разбился. Въ исцѣленіи жены моей я вижу провидѣніе Господа, Который послалъ ей и всѣмъ намъ радость и утѣшеніе. Все это мной лично и собственноручно написано, въ чемъ подписью удостовѣряю.

3) Учительница Марія *Пиллецкая* показала, что она удостовѣряетъ, что Юлія Живковичъ за время знакомства съ нею, въ теченій года, была больна на столько, что не могла ходить и ее возили; но послѣ молебна передъ чудотворною Песчанскою иконою Божіей Матери она встала и сама приложилась къ иконѣ и потомъ ходила весь вечеръ.

4) Земскій фельдшеръ Василій *Янченко* показалъ, что Юлія Живковичъ въ теченіе двухъ лѣтъ не могла не только ходить, но и стоять; ее возили въ креслѣ; но послѣ молебна передъ Песчанскимъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери она сама встала и начала ходить безъ посторонней помощи, чему онъ, Янченко, былъ свидѣтелемъ.

5) Всему вышеизложенному я былъ свидѣтелемъ. Во все время болѣзни Юліи Живковичъ находился при ней и выздоровленіе ея

считаю чудомъ, что я свидѣтельствую. Медицинскій фельдшеръ Дмитрій *Гироковъ*.

6) Стефанъ *Калининъ* показалъ, что онъ лично зналъ больную Живковичъ и былъ свидѣтелемъ чудеснаго выздоровленія ея.

7) Священникъ Вознесенской церкви слободы Песокъ, Изюмскаго уѣзда, Александръ *Яковлевъ* и псаломщикъ—діаконъ той же церкви, Василій *Клевановъ* показали, что 29 октября 1901 года они служили молебенъ съ акаѳстомъ Божіей Матери предъ Песчанскимъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери въ домѣ Живковичъ и подтверждаютъ, что все вышесказанное произошло въ глазахъ ихъ. Къ этому священникъ Яковлевъ, въ особомъ своемъ письменномъ показаніи, изложилъ: „29 октября, 1901 года, около 8 часовъ вечера, я прибылъ съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, въ сопровожденіи псаломщика—діакона Василя Клеванова, въ домъ А. П. Живковичъ. Насъ встрѣтила больная жена его, Юлія Петровна, сидѣвшая въ передвижномъ креслѣ. По окончаніи молебна, больную подвезли къ образу, и она, отказавшись отъ посторонней помощи, сама встала, подошла къ образу, приложилась съ благоговѣніемъ и поворотившись воскликнула, со слезами радости на глазахъ: „я пошла, я здорова, я иду“. На встрѣчу ей бросился мужъ и два мальчика, сыновья, проливавшіе слезы радости и повторявшіе: „мама здорова, мама ходитъ“. Трудно передать то настроеніе, ту радость и умиленіе, которыя овладѣли всѣми присутствовавшими (а ихъ было не менѣе 100 душъ) при этомъ чудесномъ исцѣленіи! Всѣ проливали слезы радости и возносили благодарную молитву къ Заступницѣ рода христіанскаго. Когда прошелъ первый порывъ радости, всцѣлѣвшая снова подошла къ образу, сдѣлала земной поклонъ и съ умиленіемъ припала къ нему; затѣмъ встала и, взявшись лѣвой рукою за ручку кріота, при помощи другихъ, пронесла образъ черезъ всѣ комнаты, а потомъ весь вечеръ ходила. По ея словамъ, во время чтенія акаѳста она почувствовала какъ бы толчекъ въ руку и при этомъ замѣтила, что можетъ двигать лѣвой ногой, на что обратила вниманіе стоявшихъ возлѣ нея сыновей. Въ домѣ Живковича находится гувернантка, особа протестантскаго вѣроисповѣданія, которая старалась объяснить исцѣленіе больной естественнымъ путемъ: отъ возбужденія нервовъ, вслѣдствіе сильной вѣры и горячей молитвы. Но исцѣлѣвшая на это возражала: „я не могу сказать, чтобы у меня во время молебна было такое молитвенное настроеніе, какое я испытывала въ Кронштадтѣ, когда молилась въ присутствіи ува-

жаемаго протоіеря, отца Іоанна Сергіева, или на Кавказѣ, когда служил молебенъ передъ Грузинской Иконой Божіей Матери. Передъ прибытіемъ въ нашъ домъ Песчанскаго образа Божіей Матери я была настолько разстроена домашними непріятностями, что не могла сосредоточиться и вся отдаться молитвѣ, какъ это я не разъ дѣлала въ теченіе болѣзни. Нѣтъ, все это совершилъ Господь по молитвамъ и предстательству Его Пречистой Матери“. 22 ноября во время пребыванія образа въ приходѣ Троицкой церкви, слободы Чернокамянки, Зміевского уѣзда, и снова служил молебенъ въ домѣ Живковичъ и видѣлъ исцѣлѣвшую. Она продолжаетъ ходить, хотя и не постоянно, такъ какъ, по ея словамъ, у нея еще болятъ жилы. При этомъ она передавала, что о своемъ выздоровленіи писала лѣчившему ее доктору, отъ котораго получила отвѣтъ. Въ своемъ отвѣтѣ докторъ писалъ, что онъ сомнѣвался, чтобы больная, послѣ почти трехлѣтняго лежанья, могла ходить, а тѣмъ болѣе слѣзать земной поклонъ. Если же она какимъ бы то ни было образомъ пошла, то теперь уже она должна ходить. Истинну всего изложеннаго свидѣтельствую по священнической совѣсти“. Вѣрно: секретарь консисторіи Вещуровъ. Съ подлиннымъ свѣрялъ столоначальникъ П. Козловскій.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1900—1901 учебный годъ.

(Окончаніе *).

6. Дополнительные свѣдѣнія.

Въ отчетномъ году училище попрежнему пользовалось постояннымъ благосклоннымъ вниманіемъ, отеческою заботливостью и любовью въ Бозѣ почившаго Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Владыка всегда интересовался училищною жизнью, чрезъ начальствующихъ лицъ и непосредственно входилъ во всѣ нужды заведенія; Совѣтъ Училища многократно пользовался Его мудрыми совѣтами, указаніямъ, направленными къ благоустройству заведенія по всѣмъ его частямъ. Въ теченіе отчетнаго года Высокопреосвященнѣйшій По-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 5.

кровитель Училища неоднократно удостоивалъ училище своими посѣщеніями. 13 октября Владыка посѣтилъ училище вмѣстѣ съ Никаноромъ, Епископомъ Орловскимъ и изволилъ слушать въ актовомъ залѣ пѣніе воспитанницъ. 12 апрѣля Владыка прибылъ въ училище вмѣстѣ съ городскимъ Головою г. Харькова г. Погорѣлко и также слушалъ въ залѣ пѣніе воспитанницъ. Каждое вообще посѣщеніе Владыки было торжественнымъ событіемъ въ жизни училища, производившимъ неизгладимые слѣды въ сердцахъ воспитанницъ, а равно и лицъ служащихъ. Милостивый Архипастырскій слѣдовалъ въ училищный актовъ залъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ воспитанницы ожидали получить благословеніе отъ Высокопреосвященнѣйшаго своего Благодѣтеля. При этомъ онѣ съ искреннею дѣтскою радостью и полнымъ усердіемъ исполняли по указанію Его Высокопреосвященства различныя церковныя пѣснопѣнія и удостоивались слышать Архипастырское одобреніе за прекрасное стройное пѣніе. Осчастливленныя милостивымъ вниманіемъ со стороны Высокопреосвященнѣйшаго своего Отца-Архипастыря, воспитанницы изъявляли свои искренніе порывы чувствъ благодарности и дѣтской преданности громогласнымъ вѣніемъ „Исѣ-полла—эти деспота“ и „многая лѣта“.

3-го сентября въ 4 ч. дня волею Божіею скончался благостный Владыка, подѣ отеческимъ покровительствомъ котораго состояло училище 19 лѣтъ. Въ смерти бывшаго Покровителя своего Высокопреосвященнаго Амвросія Епархіальное училище понесло тяжелую утрату. За 19 лѣтъ своего многосложнаго и многотруднаго управленія Харьковскаго Епархіею, почившій Владыка явилъ училищу свою Архипастырскую милость въ дѣлахъ, которыя сохранять святую память о немъ на вѣки. Такъ, благодаря заботамъ преспомятаго Владыки, выстроено въ училищѣ два обширныхъ трехъ-этажныхъ корпуса, устроенъ въ одномъ изъ нихъ просторный, свѣтлый храмъ; число учащихся увеличилось вдвое, положеніе служащихъ вполнѣ обезпечено не только во время ихъ службы, но и по выходѣ изъ училища съ выслугою пенсій; учебно-воспитательное дѣло поставлено на должную высоту. Почившій Владыка любилъ училище, вникалъ во всѣ его нужды и жилъ его радостями и печальми. Заботясь постоянно о благосостояніи училища Его Высокопреосвященство изволилъ пожертвовать въ пользу училища изданіе всѣхъ своихъ сочиненій, которое принесетъ большую матеріальную помощь училищу, воспитывающему сиротъ Епархіальнаго духовенства.

Епархіальное училище достойнымъ образомъ почтило память о своемъ благодѣтелѣ. По его кончинѣ оно совершало непрерывно сорокадневное служеніе заукоиныхъ литургій въ училищной церкви, которое отправляли всѣ служащіе въ училищѣ священники поочередно.

Свято храня память о своемъ благодѣльномъ Покровителѣ, училище непрестанно будетъ возносить къ Богу молитвы объ упокоеніи души его въ небесныхъ обителяхъ.

Преосвященный Иннокентій, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской Епархіи, также сочувственно относился къ нуждамъ училища, неоднократно посѣщалъ училище и участвовалъ въ его торжествахъ. Такъ 15 декабря Преосвященный Иннокентій въ день празднованія 100-лѣтія со времени рожденія Высокопреосвященнаго Архіепископа Иннокентія (Борисова) совершилъ литургію въ училищной церкви въ сослуженіи членовъ училищнаго совѣта: и послѣ литургій въ актовомъ залѣ раздалъ похвальные листы награднымъ воспитанницамъ училища; вечеромъ въ тотъ-же день присутствовалъ въ актовомъ залѣ на вечерѣ; 4 мая присутствовалъ на экзаменѣ въ 6 норм. классѣ по Закону Божию, причемъ благословилъ нѣкоторыхъ воспитаницъ Евангеліемъ; 16 мая Преосвященный былъ также на экзаменѣ Закона Божія въ 6 пар. классѣ; 3-го іюня въ день торжественнаго акта въ училищѣ, совершилъ литургію, за которой всѣ пѣснопѣнія, составляющія особенность архіерейскаго служенія пѣли выпускныя воспитанницы училища. При всѣхъ своихъ посѣщеніяхъ Его Преосвященство отечески назидательно бесѣдовалъ съ воспитанницами. Въ день годовнаго акта, послѣ литургій, Его Преосвященство раздалъ въ актовомъ залѣ аттестаты и награды книгъ окончившимъ курсъ воспитанницамъ, причемъ благословилъ каждую Евангеліемъ съ подписью Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія и преподалъ оставившимъ заведеніе дѣвцамъ нѣсколько напутственныхъ сердечныхъ пожеланій. На актѣ присутствовали нѣкоторые почетныя лица изъ духовенства, родители и родственники воспитаницъ. Торжество закончилось обѣдомъ въ залѣ училища, на которомъ, по установившемуся обычаю, кромѣ почетныхъ гостей, преподавателей и выпускныхъ воспитаницъ, присутствовали родители и родственники ихъ.

б) 26 ноября 1900 г. Училище чествовало 25-лѣтіе учительской службы при училищѣ преподавателя гражданской исторіи Алексѣя Ѳеодоровича Вертелевскаго. Литургію въ этотъ день въ

училищной церкви совершалъ предсѣдатель Совѣта прот. Т. И. Буткевичъ, по окончаніи которой былъ отслуженъ молебенъ и провозглашено многолѣтіе юбилюру, а затѣмъ съ Благословенія Его Высокопреосвященства предсѣдателемъ Совѣта была поднесена А. Ѳ. икона Св. Алексѣя-Человѣка Божія отъ лица всѣхъ служащихъ училища, при чемъ о. предсѣдатель Совѣта благодарилъ юбилюра за его многополезную дѣятельность на пользу училища и пожелалъ ему успѣха и многихъ лѣтъ жизни. Въ актовомъ залѣ въ присутствіи всѣхъ служащихъ училища и воспитанницъ о. инспекторъ классовъ кратко охарактеризовалъ дѣятельность Ал. Ѳ. для блага училища и передалъ ему отъ служащихъ училища сочиненіе Шильдера „Александръ I.“ Ал. Ѳ. произнесъ отвѣтную рѣчь, въ которой благодарилъ всѣхъ за оказанное ему вниманіе и высказалъ, что успѣхъ его дѣятельности много зависѣлъ отъ тѣхъ благопріятныхъ условій, въ которыя поставлено, и которыя давало ему училище.

в) Ревизія со стороны членовъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ училище въ отчетномъ году не подвергалось.

г) Пожертвованія на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступали отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

аа) Нѣкоторыми монастырями и церквами Харьковской Епархіи на нужды училища пожертвовано 44 р. 60 к.

бб) Благочинными 2 Купянскаго округа, 2 Лебединскаго округа, 1 Богодуховскаго округа на постройку въ училищѣ храма пожертвовано 565 р.

вв) Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго пожертвовано 1400 руб. на постройку дома для руководителя практическими занятіями въ церковно-приходской школѣ при училищѣ воспитанницъ, В. Ѳ. Давиленко.

гг) Отъ потомственнаго почетнаго гражданина Авксентія Васильевича Шуркова на постройку того же дома три тысячи рублей (3000 р.).

вв) Почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части Николаемъ Осиповичемъ Лещинскимъ пожертвовано на нужды училища тысяча рублей (1000 р.).

гг) Отъ почетной попечительности училища Д. Д. Оболенской музыкальная шкатулка „Celesta“. Отъ нея-же пожертвовано нѣсколько пудовъ конфетъ, нѣсколько экземпляровъ нотъ въ роскошныхъ переплетахъ, 2 скрипки, 2 несессера въ награду ученицамъ за прекрасные успѣхи по музыкѣ и рукодѣлію, а также 50 р.

для выдачи бѣдиѣйшей воспитанницѣ при окончаніи курса (получила Марія Чиркина).

д) Отъ Высокопреосвященнаго Сергія, Архіепископа Владимірскаго десять экземпляровъ его сочиненій „Преподобный Михаилъ Маленъ“ „Древнѣйшій восточный мѣсяцесловъ“, „Православное ученіе о почитаніи св. иконъ“, „Объ иконахъ Пресвятой Богородицы“, „Святый и животворящій крестъ Господень“.

е) Отъ Высокопреосвященнаго Гурія, Архіепископа Новгородскаго, десять рублей (10 р.).

ж) Отъ Преосвященнаго Петра, Епископа Пермскаго, десять рублей (10 р.).

з) Отъ Преосвященнаго Антонія, Епископа Уфимскаго „Полное собраніе сочиненій“ въ 3-хъ томахъ.

и) Отъ Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго, три рубля.

ii) Отъ проф. Казанской Духовной Академіи А. Θ. Гусева его сочиненія: „О клятвѣ и присягѣ“, „Любовь къ людямъ“, „Основные религіозныя начала гр. Л. Толстого“, „Религіозность, какъ основа нравственности“, „Вынужденный отшельникъ“, „Отношеніе Евангельскаго Нравоученія“, „Разборъ возраженій Спенсера“, „Бракъ и безбрачіе въ „Крейцеровой Сонатѣ“, всего 8 книгъ.

к) Отъ членовъ учящящаго Совѣта и преподавателей 73 р. на елку.

л) Отъ протоіерея г. Харькова Петра Мигулина 20 р. на елку.

мм) Отъ Надежды Михайловны Филоцовой 100 руб. на лакомства дѣтей.

Такимъ образомъ въ теченіе отчетнаго года на разныя нужды учящаго, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій поступило 6275 р. 60 к.

Годичное собраніе членовъ Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества и отчетъ сего Общества за 1901 г.

16 марта, въ субботу, въ Каѳедральномъ Соборѣ, предсѣдателемъ Харьковскаго Комитета православнаго миссіонерскаго Общества, Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи съ городскимъ духовенствомъ послѣ литургіи была совершена панххида по усопшемъ основателѣ совѣта Митрополитѣ Иннокентіи и членамъ Харьковскаго Комитета, обезпечившимъ

свои членскіе взносы вкладомъ на вѣчное время. Передъ панвхидой владыка сказалъ слово, въ которомъ объяснилъ значеніе миссіонерскаго Общества, его цѣли и труды. 17 марта, въ архіерейскомъ домѣ состоялось годовичное собраніе членовъ, въ которое приглашены были, кромѣ членовъ, всѣ лица, интересующіяся дѣятельностью Общества. Послѣ Божественной литургіи, 17 марта, въ покояхъ Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана въ 2^{1/4} собраніе было открыто пѣніемъ стиха „Днесь благодать св. Духа“. Послѣ этого членомъ Комитета, протоіереемъ о. Т. Вуткевичемъ былъ прочитанъ слѣдующій отчетъ.

Въ истекшемъ 1901 году Харьковскій Комитетъ православнаго миссіонерскаго Общества понесъ тяжелую утрату въ лицѣ своего покровителя, усопшаго Архіепископа Харьковскаго, Высокопреосвященнаго Амвросія.

Всегда сочувствуя искренно распространенію православной вѣры среди язычниковъ Имперіи, Высокопреосвященный Амвросій, еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, будучи протоіереемъ Московской у Калужскихъ воротъ церкви, оказывалъ ревностное усердіе Камчатскому Архіепископу Иннокентію, какъ сборомъ пожертвованій въ Москвѣ на дѣло Миссіи, такъ и сообщеніемъ отчетовъ и свѣдѣній о православной миссіонерской дѣятельности среди язычн-
пиксвъ, которыя онъ помѣщалъ на страницахъ своего журнала — „Душеполезное Чтеніе“. Такъ въ письмѣ своемъ отъ 25 ноября 1866 года Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій бывшій Камчатскій Архіепископъ, а впоследствии Митрополитъ Московскій, писалъ ему изъ Благовѣщенска: „Не знаю какъ, да и сказать по правдѣ, не мнѣ благодарить Васъ за Ваше усердное содѣйствіе... въ пользу нашихъ церквей... Примите и отъ моего недостойнства благословеніе и искреннѣйшую благодарность за то. Да воздастъ Вамъ Господь Богъ нашъ Великій Пастыреначальникъ Своими милостями и щедротами“... При самомъ открытіи Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Москвѣ въ 1870 году усопшій святитель, въ то время еще протоіерей Ключаревъ, былъ назначенъ членомъ — дѣлопроизводителемъ Совѣта Общества и эту обязанность несъ въ теченіе 8-ми лѣтъ, до возведенія въ санъ Епископа, принимая горячее участіе во всѣхъ дѣлахъ Общества. Между прочимъ, по вѣрученію Общества, онъ ѣздилъ въ Казань и тамъ организовалъ, подъ предсѣдательствомъ пзвѣстнаго дѣятеля на пользу Православной Церкви Н. И. Ильминскаго, особую ученую Коммиссію по переводу священныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческіе

языку. Православное Миссіонерское Общество высоко цѣнило труды усопшаго, о чемъ свидѣтельствуется и его историческая записка, въ которой между прочимъ сказано слѣдующее: „Надобно признать особеннымъ счастьемъ для Православнаго Миссіонерскаго Общества то, что при самомъ открытіи его, въ составъ Совѣта вступилъ человѣкъ, горячо преданный дѣлу православно россійскаго вѣропроповѣдничества и на служеніе сему дѣлу посвятившій свои выдающіяся способности и опытность,—протоіерей Казанской у Калужскихъ воротъ церкви, А. І. Ключаревъ. Онъ былъ душою и организаторомъ Миссіонерскаго Общества, оказавшій ему незабвенныя услуги во многихъ отношеніяхъ“. По принятіи Епископскаго сана, Преосвященный Амвросій былъ назначенъ Товарищемъ Предсѣдателя Совѣта Общества, каковую должность занималъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ дни общихъ собраній за всѣ 12 лѣтъ своего служенія Миссіонерскому Обществу въ Москвѣ, онъ неопустительно произносилъ свои знаменитыя проповѣди, въ которыхъ выяснялъ задачи, цѣли и святость миссіонерскаго дѣла. Управляя Харьковскою епархією, въ Бозѣ почившій Архипастырѣ въ теченіе 19 лѣтъ продолжалъ относиться къ дѣятельности Харьковскаго Комитета съ такимъ же теплымъ сочувствіемъ, съ какимъ онъ относился и къ дѣятельности Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Москвѣ.

Въ 1901 года Харьковскій Комитетъ православнаго миссіонерскаго Общества: составляли: 1) Предсѣдатель Комитета Преосвященный Инокентій, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи, 2) товарищъ предсѣдателя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Адриановичъ Денисовъ, 3) члены: протоіерей Тимофей Павловъ, протоіерей Іоаннъ Чижевскій, протоіерей Стефанъ Любичій, протоіерей Тимофей Буткевичъ, Протоіерей Павелъ Солнцева, надворный совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Звѣрицскій, комерціи совѣтникъ Иванъ Кярплловичъ Величенко и потомственный почетный гражданинъ Емфимій Даниловичъ Школяренко, 4) казначей протоіерей Василій Пошовъ и 5) дѣлопроизводитель, надворный совѣтникъ, Григорій Яковлевичъ Макухивъ.

Дѣйствительныхъ членовъ православнаго миссіонерскаго Общества въ Харьковской епархіи въ 1901 году состояло 667, въ томъ числѣ 12 лицъ, обезпечившихъ свои взносы владомъ на вѣчное время, а именно: Іустинъ Архіепископъ Херсонскій, Веніаминъ Епископъ Кнешменскій, протоіерей Алексій Иларіоновъ, Ряснянскій Свято-Дамитріевскій монастырь, Звѣрицскій Михаилъ Пав-

ловичъ, Клеменовъ Михайлъ Спиридоновичъ, Куличенко Максимъ Семеновичъ, Червасовъ Николай Константиновичъ, Школяренко Евѣмій Данпловичъ, Щербаковъ Кириллъ Васильевичъ, Княгиня Кавказядзе Ольга Павловна и Остахова Елена Алексѣевна. Кромѣ того при жизни своей внесли вклады въ пользу Православнаго Миссіонерскаго Общества на вѣчное время, нынѣ въ Божѣ почитающіе Архіепископъ Амвросій, бывшій Харьковскій, Архіепископъ Савва, бывшій Тверской, Епископъ Геннадій, протоіерей Авдрей Дюковъ, священникъ Адрианъ Крыжановскій, священникъ Ѳеодоръ Региншевскій, священникъ Никаноръ Черняковъ, Семень Михайловичъ Акменко, Кириллъ Ивановичъ Велитченко, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Галкинъ, Александръ Ивановичъ Коровинъ, Тимоѣей Степановичъ Кульшинъ, Михайлъ Алексѣевичъ Лавровъ, Алексѣй Ивановичъ Левченко, Павелъ Ивановичъ Рыжовъ, Сергѣй Николаевичъ Соколовскій, Николай Емельяновичъ Сѣряковъ и Иванъ Ѳеодоровичъ Чернышевъ.

Дѣятельность комитета въ отчетномъ году выражалась: 1) въ принятіи, храненіи и расходованіи миссіонерскихъ суммъ и 2) въ исполненіи порученій совѣта православнаго миссіонерскаго Общества.

Принятіе, храненіе и расходованіе миссіонерскихъ суммъ производилось установленнымъ порядкомъ. Поступившія деньги, по мѣрѣ ихъ накопленія, согласно указу Св. Синода, отъ 5 февраля 1883 г. за № 3, вкладывались для прращенія 0/0/0 въ Харьковскую контору государственнаго банка.

Движеніе суммъ Комитета въ отчетномъ году выражалась въ слѣдующемъ видѣ: въ 1901 году оставалось: непркосновеннаго капитала 2540 р., запаснаго капитала 3456 р. 90 к., расходной суммы 3414 р. 17 коп. Итого 9391 р. 07 к. Въ 1901 году поступило: а) членскихъ взносов 1967 р., б) единовременныхъ пожертвованій 1257 р. 52 к., в) кружечнаго сбора 1000 р. 48 к., г) сбора въ недѣлю православія 1601 руб. 98 коп., д) 0/0/0 съ капитала Комитета 5 р. 57 к. Итого 5832 р. 55 коп. А всего съ остаточнымъ отъ 1900 г. 15223 р. 62 к. Въ 1901 году израсходовано: а) по распоряженію совѣта православнаго миссіонерскаго Общества, отъ 27 іюня 1901 года за № 527, препровождено въ г. Читу, въ Забайкальскій епархіальный комитетъ 3414 руб. 17 к. и въ г. Казань, братству, св. Гурія 3436 р. 90 к. За переводъ этихъ денегъ 3 р. 20 к. Гербовыя марки, канцелярскія принадлежности, расходъ по канцеляріи и пр. 205 р. Итого 7059 р. 27 к. Оста-

токъ къ 1902 г.: непркосновеннаго капитала 2540 р., запаснаго капитала 2861 р. 50 к., расходной суммы 2762 р. 85 коп. Итого 8164 руб. 35 коп.

Послѣ прочтенія отчета преосвященнѣйшій Стефанъ предложилъ собранію избрать 8 членовъ комитета в казначеи на двухгодичный срокъ, а также выбрать 3 лицъ для провѣрки отчета за 1901 годъ. Выбранными оказались въ члены комитета: архимандритъ Іосифъ, протоіерей: С. Любчикій, І. Чижевскій, П. Солнцевъ, Т. Буткевичъ, А. Ѳедоровскій, вадв. сов. М. П. Звѣринскій и пот. поч. гражд. Е. Д. Школяренко, казначеемъ—прот. В. Поповъ и для провѣрки отчета: свящ. Н. Любарскій, П. Ѳминъ и Л. Твердохлѣбовъ.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Покровской церкви сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда, Михаилъ *Ольховскій* 8 сего марта умеръ.

— На празное псаломщичье мѣсто при Ѳеодоро-Стратилатовской церкви сл. Нижней Дуванки, Купяпскаго уѣзда, 8 сего Марта перемѣщенъ псаломщикъ Преображенской церкви сл. Преображенной того же уѣзда Иванъ *Царевскій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Торжественное служеніе Литургіи въ Семинаріи и мужскомъ духовномъ училищѣ 15 марта.—Поминовеніе Преосвященнаго Амвросія въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Пужда во вѣ-богослужебныхъ собесѣдованіяхъ въ настоящее время и религіозно нравственныя чтенія въ г. Харьковѣ.—Высочайшая отмѣтка на всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. Харьковскаго Губернатора—Императорское Православное Палестинское общество въ 1901 г.—Затруднительная для пониманія слова въ славянскомъ мѣсяцесловѣ.—Рѣчь по случаю 25-лѣтія учено-литературной дѣятельности о. Тимооел Буткевича—Искрологъ.

Въ пятницу на 3-й недѣлѣ Великаго поста духовная семинаріи в мужское духовное училище удостоились получить рѣдкую духовную радость: въ этотъ день въ домовыхъ церквахъ семинаріи и училища совершена была Божественная литургія Преждеосвященныхъ Даровъ архіерейскимъ служеніемъ. Въ семинарской церкви совершилъ ее Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, а въ училищной—Преосвященнѣйшій Стефанъ. За послѣднія извѣстныхъ намъ тридцать слѣшкомъ лѣтъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній рѣдко видѣли въ своихъ церквахъ архіерейское служеніе въ дни Великаго поста. Послѣ реформы духовно-учебныхъ заведеній (въ 1869 г.) было только два случая, когда владыки Харьковскіе со-

вершили преждеосвященную литургію въ семинарскомъ храмѣ. Теперешній Харьковский Владыка Флавіанъ за сравнительно короткое (трехмѣсячное) время управленія своею Харьковскою епархіею уже три раза молитвенно предстательствовалъ предъ Престоломъ Всевышняго въ семинарскомъ храмѣ за воспитанниковъ семинаріи, будущихъ пастырей церкви, своихъ сослужителей. Поистинѣ во всякое время умилительно бываетъ видѣть молитвенное стояніе предъ Господомъ убѣленного сѣднами Архипастыря во главѣ юнаго стада съ ходатайствомъ за себя и за это стадо; но особенно умилительно бываетъ видѣть это въ покаянные дни Великаго поста. Надобно имѣть не юношеское сердце и быть слишкомъ грубымъ душой, чтобы не присоединиться къ сонму молящихся предъ закладнымъ Агнцемъ священнослужителей и не почувствовать сладости молитвы при необычной торжественной обстановкѣ. Благолѣпное, Архіерейское служеніе Преждеосвященной литургіи при печально-величественномъ пѣніи стройнаго хора все отъ начала до конца содержитъ въ себѣ рядъ священнодѣйствій, при которыхъ чувствуешь, какъ наша душа, хоть на время, порываетъ связь съ обыденною жизнью и соприкасается съ другою духовною, безконечною жизнью, вслѣдствіе чего непзъяснимымъ восторгомъ наполняется и радостно трепещетъ наше сердце. Вотъ, напр. при отверстыхъ царскихъ вратахъ видимъ мы, какъ въ рукѣ у стоящаго предъ престоломъ Архипастыря задымлось кадило. Всѣ становятся на колѣни. Впередъ молящихся протпвъ царскихъ вратъ три юноши зашѣли: да исправтся (т. е. да направится) молитва моя яко кадило (т. е. дымъ кадильный) предъ Тобою (т. е. къ Тебѣ). А дымъ кадильный въ это время бѣлыми клубами волнуется въ алтарѣ, несется вверху, застилая престолъ, и какъ будто уноситъ на своихъ волнахъ къ небу молитвы дерзновенно стоящаго предъ Господомъ архипастыря съ его колѣнопреклонными пасомыми. Или вотъ наступило время Великаго выхода. Съ клпроса послышалось величественное пѣніе: Нынѣ Силы небесныя съ нами невидимо служатъ, се бо входятъ Царь славы. Свѣтпльники, являющіеся въ это время, возвѣщаютъ молящимся приближеніе минуты, когда въ сонмѣ вѣрующпхъ явится Царь славы въ видѣ жертвы, несомой на главѣ священнослужащихъ. Діаконы, идя впереди, устилаютъ путь еѳиміамомъ, и по нему, точно по облакамъ, шествуетъ Царь славы. Всѣ накладываютъ ницъ предъ Божественнымъ Агнцемъ. Тишина и безмолвіе водворяются въ церкви. Только слегка слышится надъ головами, склоненными

долу, тихіе мѣрные шагн священно-служителей да звукъ кадила, потрясаемаго предъ Св. Дарамн... И мнѣтся въ ту минуту—Святы небесныя съ нами служатъ невидимо... По окончаніи литургіи Владыка, по обычаю, преподаль благословеніе бывшимъ въ храмѣ преподавателямъ и воспитанникамъ каждому въ отдѣльности.

— Духовно-учебныя заведенія г. Харькова, памятью благодаренія, оказанныя имъ покойнымъ Владыкою Высокопреосвященнѣйшомъ Амвросіемъ, почтили его въ день его тезоименитства поминовеніемъ въ своихъ домовыхъ церквахъ. Особенно торжественно помянуло почившаго Епархіальное Жепское Училище, взлѣбляющее любовію прпснопамятнаго Владыки, при немъ возросшее и вполнѣ окрѣпшее. Литургію по почившемъ и панихиду въ этотъ день совершилъ въ училищной церкви Преосвященнѣйшій Стефанъ, епископъ Сумской. На литургіи Владыка сказалъ глубоко-назидательное слово, помѣщенное въ настоящей книжкѣ. Кроме того, въ 6^{1/2} часовъ вечера въ училищѣ съ благословенія Его Высокопреосвященства былъ устроенъ въ память почившаго литературно-вокальный вечеръ. Вѣруя въ непрекращаемость любви усопшаго Владыки къ училищу и по смерти тѣлесной, воспитанницы старшихъ классовъ въ дань благодарности къ почивающему въ Бозѣ своему бывшему Архипастырю пропѣли нѣсколько Мѣ духовныхъ нѣсвопѣвій, любимыхъ покойнымъ Владыкою при жизни, а прочтали три произведенія, изъ которыхъ два „Отшельникъ“ и „Покаяніе“ имѣли къ нему весьма близкое отношеніе. Въ первомъ произведеніи изображена жизнь св. Алексѣя, человека Божія, имя котораго носилъ въ мѣрѣ преосвященный Амвросій, а во второмъ описывается случай изъ жизни святителя Амвросія Медиоланскаго, имя котораго носилъ почившій въ монашествѣ. Чтеніе произведеній иллюстрировалось туманными картинами и, видимо, доставили юнымъ слушательницамъ большое удовольствіе. Удовольствіе это увеличивалось еще и тѣмъ, что къ устроенному воспитанницами скромному, часто семейному поминовенію почившаго сердечно отнеслись Высокопреосвященный Флавіанъ и Преосвященный Стефанъ: оба они почтили его своимъ присутствіемъ.

— Въ газетѣ «Рѣжскій Вѣстникъ» недавно было сообщено о появленіи въ Прибалтійскомъ краѣ среди православныхъ новой секты, получившей названіе «Чтецовъ». Такъ названа эта секта оттого, что приверженцы ея по вечерамъ въ субботы и кануны великихъ праздниковъ собираются въ частныхъ домахъ на чтенія свящ. писанія. Чтенія эти совершаются по образцу лютеранскаго

богослуженія. Сначала поютъ пѣсполѣнія пзъ лютеранскаго пѣсно-слова, потомъ совершающій чтеніе становится на колѣни и молча молится, встаетъ и, указавъ главу и стихъ мѣста изъ священнаго писанія, прочитываетъ его и произноситъ проповѣдь устно, безъ всякой записки. Окончивъ проповѣдь, онъ сходитъ съ кафедры и уступаетъ мѣсто другому, который точь-въ-точь продѣлываетъ то же.

Чтецы—не первая уже секта, возникающая у насъ съ подобнымъ характеромъ и стремленіемъ. На что же указываетъ это явленіе? На то, что въ православномъ русскомъ народѣ явилась потребность, которая не получаетъ достаточнаго удовлетворенія естественнымъ и законнымъ путемъ, тамъ, гдѣ она должна найти себѣ удовлетвореніе, т.-е. въ церкви, и потому ищетъ удовлетворенія помимо церкви. Это—потребность уясненія истины вѣры и нравственности, потребность созвѣтельной вѣры. На сколько же удовлетворяется у насъ эта потребность? У насъ есть проповѣдь. Но, благодаря издавна сложившимся неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, проповѣдь церковная у насъ утратила свое подобающее мѣсто и значеніе въ составѣ церковнаго богослуженія. Большая часть нашихъ современныхъ „словъ“ и „поученій“ имѣетъ характеръ отвлеченный; они едва-едва касаются духовныхъ потребностей слушателей, и то общими мѣстами. Говорится они также на темы случайныя, и сколько бы ни слушалъ ихъ православный христіанинъ, онъ не вынесетъ цѣльнаго, полнаго познанія о предметахъ вѣры и христіанскаго правоученія.

Намъ думается, что указанные выше недостатки церковной проповѣди можно восполнить религіозно-нравственными чтеніями на вѣ—богослужебныхъ собесѣдованіяхъ, которыя въ послѣднее время появляются во многихъ мѣстахъ обширной Руси. Но эти формы религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа новыя, еще не вездѣ хорошо и практично поставленныя. Встрѣчается немало жалобъ на то, что чтенія неудачно выбираются и не приспособляются къ уровню развитія слушателей. Вотъ что, напр., сообщается изъ Архангельска, гдѣ организованы религіозно-нравственныя чтенія въ городской думѣ.

„Во всѣ бывшія чтенія залъ городской думы былъ всегда полонъ. Это сочувственное отношеніе публики къ доброму дѣлу свидѣтельствуется о насущной въ ней потребности къ умственной пищѣ. Къ сожалѣнію, однако, приходится установить слѣдующее. Большинство изъ слушателей были люди низшаго слоя общества. Выспрення же рѣчь, приправленная иностранщиной, а часто и

научное значеніе чтеній бывъ для подобныхъ посѣтителей совсѣмъ непонятны. Въ началѣ чтеній посѣтители слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, но трудно понятная рѣчь скоро утомляла непривычныя къ сосредоточенности умы слушателей. Начинаясь сперва скромныя позѣвыванія въ кулакъ или рукавъ, а потомъ рты раскрывались безъ всякаго стѣсненія. Около середины чтенія, кто посмѣлѣе, начинаютъ выходить изъ зала, при этомъ съ курьезною постепенностью: сперва уходятъ съ крайнихъ стульевъ, потомъ убѣгаютъ съ болѣе дальнихъ, тихонько пробираясь около стѣнки зала, а къ концу чтенія устремляются къ выходу со всѣхъ концовъ. Большая же часть, публики сидитъ, однако, на своихъ мѣстахъ п... что угодно дѣлаетъ, только не слушаетъ чтеніе: начинаютъ знакомиться съ заломъ, разсматриваютъ картины, а главное публику“.

Въ качествѣ примѣра, корреспондентъ приводитъ свои наблюденія надъ однимъ изъ такихъ чтеній.

„Сидѣлъ я во второмъ отъ конца рядѣ стульевъ. Неподалеку отъ меня, чрезъ одинъ стулъ, сидѣлъ почтенный, симпатичный старичекъ. Его глубокая внимательность въ началѣ чтенія меня поразила. Онъ такъ жадно ловилъ пеструю рѣчь лектора, что позабылъ, повидямому, про все окружающее. Публика продолжала пребывать и перестановкой стульевъ нарушила тишину и развлекала вниманіе другихъ слушателей. Но старичекъ не пошевелился; онъ какъ будто приросъ къ стулу, весь обратился въ слухъ, весь былъ вниманіе. Недолго, однакожъ, продолжалась его внимательность. Чрезъ полчаса замѣтно было въ немъ по нетерпѣливому морганью глазъ утомленіе, что скоро онъ и самъ высказалъ. „Ничего не понимаю! Какая-то интеллектуальная способность, рефлексивная какая-то ерунда... Не понимаю!“ Онъ махнулъ тихонько рукой, вынулъ изъ бокового кармана свернутую газету, не торопясь развернулъ ее и сказалъ: „вотъ это понятнѣе и свѣжѣе намъ“, и углубился въ чтеніе“.

Съ намѣреніемъ приводимъ буквально эту корреспонденцію, чтобы показать, какъ легко неумѣлымъ веденіемъ уронить самое хорошее дѣло,—дѣло, въ которомъ чувствуется крайняя, настоятельная нужда, и какъ люди, чувствующие нужду эту, не получая удовлетворенія тамъ и отъ тѣхъ, гдѣ и отъ кого всего естественнѣе они могли получить удовлетвореніе, ищутъ его въ другомъ мѣстѣ, у другихъ. „Симпатичный“ старичекъ, слушавшій архангельскія чтенія съ такимъ вниманіемъ вначалѣ и не понявшій

пхъ, обратился къ газетѣ; а сѣрый мужичекъ, не появившій своего батюшку, уйдетъ въ секту какихъ нибудь чтецовъ..

— Открытія по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана бесѣды на окраинахъ Харькова поставлены, думается намъ, на надлежащій путь. Вотъ что мы узнали о нихъ изъ свѣтскихъ газетъ (Харьк. Губ. Вѣд.). 10 марта состоялась *второе* релігіозно-нравственное чтеніе въ Александро-Невской церкви и церковно-приходской школѣ на Заяковѣ. Какъ и въ прошлое воскресенье, предъ началомъ бесѣды былъ прочитанъ акаѳистъ, который въ настоящій разъ читалъ самъ Высокопреосвященный Флавіанъ въ сослуженіи мѣстнаго причта и лекторовъ. Бесѣды были предложены свящ. Д. Поповимъ „О разслабленіи духовномъ, какъ причинѣ болѣзней“, примѣнительно къ евангельскому чтенію на литургіи во 2-ю недѣлю поста, и свящ. М. Слудскимъ „Постъ и его значеніе для человѣка“. Въ виду многолюдства слушателей, обѣ бесѣды происходили въ храмѣ, вслѣдъ за окончаніемъ вечера и акаѳиста; въ школу-же на чтеніе съ туманными картинами вмѣстилось не болѣе одной трети всѣхъ желающихъ. Чтеніе въ школѣ было предложено свящ. П. Скубачевскимъ: „Начало христіанства на Руси и крещеніе св. Владимира“. Какъ и въ прошлый разъ, народъ велъ себя безупречно, съ глубокимъ умленіемъ молится при внятномъ и благоговѣйномъ чтеніи акаѳиста владыкою Флавіаномъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ назиданіе своихъ пастырей. Особенно умилило и воодушевило всѣхъ исполненіе общимъ хоромъ нѣсколькихъ молитвенныхъ пѣснопѣній. Общимъ пѣніемъ, какъ и вообще всѣмъ дѣломъ чтеній, руководилъ о. Сокольскій.

Съ возрастающимъ успѣхомъ идутъ бесѣды и группы Харьковскихъ священниковъ въ народномъ домѣ Основы. По благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана бесѣды эти, какъ мы уже извѣщали, открыты въ недѣлю Православія 3-го марта, и будутъ устраиваемы во всѣ предстоящія воскресенья Великаго Поста, какъ опытъ для будущаго годового веденія сихъ бесѣдъ. Бесѣды на Основѣ такъ же, какъ и на Москалевкѣ, сопровождался пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній общимъ народнымъ хоромъ. Первый опытъ такого массоваго пѣнія превзошелъ всѣ ожиданія. Самъ собою и сразу сложился стройный могучій хоръ, съ живымъ олушевленіемъ пѣвшій употребительнѣйшія молитвы. Въ перерывахъ бесѣдъ исполнялись партесныя пѣснопѣнія отдѣльнымъ хоромъ то Преображенской церкви, то мѣстнымъ Основянскимъ. Для большаго ожив-

ленія священническихъ бесѣдъ показывались туманныя картины, соотвѣтствующія предмету бесѣдъ. Въ группѣ дѣятелей по устройству сихъ бесѣдъ приняли участіе священники приходскихъ церквей, законоучители, нѣкоторые преподаватели гимназій и другія лица, содѣйствующія внѣшнему оборудованію этихъ бесѣдъ. Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою была предоставлена священникамъ свобода въ выборѣ и характерѣ темъ для бесѣдъ. На Основѣ предположено дать бесѣдамъ отчасти протвосектантскій характеръ съ соотвѣтственнымъ выборомъ темъ: объ иконопочитаніи постахъ, Св. Крестѣ, призываніи святыхъ, почитаніи Пресв. Богородицы, молитвахъ за умершихъ.

Открытіе бесѣдъ было слѣвано о П. Ѳоминымъ при многочисленномъ стеченіи народа: была предложена бесѣда о святыхъ иконахъ. Лекторомъ были отѣнены стороны предмета наиболѣе оспариваемыя сектантами и была показана полезность и спасительность иконопочитанія въ практической жизни христіанина. Съ самаго начала бесѣдамъ былъ данъ тонъ простоты примѣнительно къ пониманію простого народа, и было рекомендовано присутствовавшимъ всѣмъ, не стѣсняясь, по-просту, упражняться въ общенародномъ пѣніи церковныхъ молитвъ. Видимо народъ съ великой охотой откликнулся на это. Вторая бесѣда 10-го марта, привлекла такую массу народа, что опоздавшимъ нельзя было протвснутъ въ залъ. Послѣ начального народнаго пѣнія «Царю небесный»... о. Г. Рудинскимъ была предложена бесѣда о постахъ на основаніи Библіи. Все время бесѣда сопровождалась туманными картинами фонаря подъ управленіемъ Д. К. Педаева. Бесѣда о Рудинскаго была выслушана съ живымъ вниманіемъ. Во второй части своей бесѣды о. Рудинскій обрисовалъ всю пагубность народнаго зла пьянства, какъ вида крайняго невоздержанія, противоположнаго посту. Бесѣда окончилась народнымъ хоровымъ пѣніемъ около 8 часовъ вечера. Слушатели горячо благодарили устройствелей и сотрудниковъ такихъ бесѣдъ.

— Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Харьковской губерніи за 1900 годъ губернаторъ Тобизень довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія, что, онъ обратился въ 1898 году къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства съ просьбою оказать содѣйствіе къ открытію уѣздныхъ попечительствъ дѣтскихъ пріютовъ, каковыя уже организованы въ настоящее время въ шести уѣздахъ, причемъ два пріюта въ отчетномъ году заканчивались постройкой, а одинъ изъ

нихъ уже открыты теперь и въ немъ призрѣвается 20 дѣтей обоого пола. Въ связи съ этимъ г. губернаторъ объяснилъ, что крестьяне Харьковской губерніи сознали необходимость призрѣнія безпріютныхъ спроть своихъ односельчанъ, и нѣкоторыя крестьянскія общества рѣшили учредить для этой цѣли особыя убѣжища, причемъ харьковское (Подгороднее) сельское общество ассигновало на устройство подобнаго пріюта 1500 р. одновременно и по 600 р. ежегодно на его содержаніе. Противъ изъясненнаго заявленія б. харьковскаго губернатора Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно пачертать: *„Желаю видѣть широкое распространеніе подобныхъ пріютовъ при условіи содержанія сиротъ въ простой обстановкѣ и чтобы они были основательно обучаемы какому либу ремеслу“*. Комитетъ Мнѣстровъ 19-го минувшаго фѣвраля, выслушавъ означенный отчетъ, положилъ: просить Высочайшее, Его Величества, соизволеніе на предоставленіе мнѣстру внутреннихъ дѣлъ опублковать приведенную Высочайшую резолюцію во всеобщее свѣдѣніе. Государь Императоръ, 1-го текущаго марта, на это Высочайше соизволилъ.

— Императорское православное Палестинское общество первоначально, со времени своего основанія въ 1882 г., ограничило свою дѣятельность Петербургомъ и отчасти Москвою. Но вскорѣ оно почувствовало необходимость расширить кругъ своей дѣятельности и привлечь къ ней, по возможности, всѣхъ православныхъ, живущихъ по широкому лицу земли Русской. Поэтому, еще въ 1885 г., оно ввело въ свой уставъ открытіе мѣстныхъ епархіальныхъ отдѣловъ. Но прошло еще 8 лѣтъ, прежде чѣмъ это предположеніе перешло въ дѣйствительность. Починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ былъ положенъ на далекой сѣверной окраинѣ Россіи—въ Якутскѣ, гдѣ преосвященный Мелетій (впослѣдствіи епископъ рязанскій) 21-го марта 1893 г. открылъ первый отдѣлъ общества. Его примѣру послѣдовали остальные владыки, и, такимъ образомъ, по настоящее время открыто 43 епархіальныхъ отдѣла, обнимающихъ почти всю Россію.

Главною мыслью въ руководящихъ правилахъ для отдѣловъ, проходитъ желаніе, чтобы отдѣлы обратили свою дѣятельность преимущественно на вѣрное ознакомленіе народа съ прошедшимъ и настоящимъ Св. Земли и съ цѣлями и дѣятельностью общества. Неоднократно въ рескриптахъ Его Императорскаго Высочества къ преосвященнымъ предсѣдателямъ отдѣловъ была высказываема

мысль, что, какъ ни желательно привлеченіе большаго числа членовъ и большихъ матеріальныхъ средствъ въ общество, вопросы эти должны составлять второстепенную задачу отдѣловъ, главное же ихъ вниманіе должно быть обращено на правильную постановку народныхъ чтеній, долженствующихъ послужить къ ознакомленію русскаго народа съ священными событіями не только Новаго Завѣта, но и Ветхаго—какъ ихъ первообраза. Событія эти, столь существенно важныя для каждаго православнаго, должны быть представлены не какъ пѣчто отвлеченное, происходившее въ неопредѣленномъ пространствѣ и времени, а какъ событія приуроченныя къ мѣстамъ, гдѣ они совершились, которыя существуютъ донинѣ и хорошо извѣстны. Только при такой связи событій съ мѣстностью и наоборотъ—мѣстностей съ событіями, они врѣзываются въ память, приобрѣтаютъ осязательную силу и не представляются чѣмъ-то туманнымъ, отвлеченнымъ въ безформенную даль.

Эта совершенно справедливая мысль нашла полное сочувствіе и осуществленіе въ отдѣлахъ. Дѣятельность отдѣловъ, слѣдуя по намѣченному пути и изъ-года въ годъ расширяясь, достигла нынѣ, большихъ успѣховъ не только среди православнаго населенія, но даже среди раскольниковъ и евреевъ, въ большомъ числѣ посѣщающихъ чтенія о Св. Землѣ. Эти чтенія и собесѣдованія производятся въ церквахъ, школахъ, въ особо приспособленныхъ аудитеріяхъ, казармахъ, тюрьмахъ, крестьянскихъ избахъ и даже, за неимѣніемъ подходящихъ помѣщеній, въ церковной оградѣ, подъ открытымъ небомъ. Чтенія ведутся почти исключительно духовными лицами и учащими, но иногда въ нихъ принимаютъ участіе представители мѣстной администраціи и почетные прихожане. На чтенія, устриваемыя въ селахъ, стекаются крестьяне изъ дальнихъ деревень и хуторовъ, несмотря даже на дурную погоду, не тяготясь продолжительностью чтеній, но выслушиваютъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія о Св. Землѣ съ благоговѣніемъ и глубокимъ вниманіемъ. Почти повсемѣстно чтенія сопровождаются пѣніемъ молитвъ какъ общимъ, исполняемымъ всѣми слушателями, такъ и церковными и ученическими хорами пѣвчихъ. Кроме пѣнія, чтенія предваряются иногда служеніемъ молебновъ и акаѳистовъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ чтенія удостоивали посѣщеніемъ преосвященные предсѣдатели, произнося назидательныя поученія и благословляя собравшихся, что особенно радовало ихъ и усугубляло вниманіе къ сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ о Св. Землѣ. Насколько

значительно бываетъ по временамъ стеченіе слушателей, можно видѣть изъ того, что въ нѣкоторыхъ городахъ собралось одновременно до 1.000 человекъ в даже болѣе, какъ напр., въ Одессѣ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ бывало на каждомъ чтеніи до 3.500 слушателей. Даже въ селахъ чтенія привлекаютъ перѣдко, особенно въ дни Великаго поста, отъ 400 до 1.000 человекъ одновременно, какъ это было, на примѣръ, въ слободѣ Куваркѣ, вятской епархіи. Точныя свѣдѣнія о количествѣ мѣстностей в произведенныхъ въ нихъ отдѣламъ чтеній, а также о числѣ посѣтившихъ ихъ слушателей доставлены только по 8 отдѣламъ. Если принять эти данныя, въ среднемъ, относительно всѣхъ дѣйствующихъ отдѣловъ общества, то можно приблизительно опредѣлить, что общее число устроенныхъ имъ въ 1900/1 г. чтеній доходило 35.000, въ 3.500 мѣстностяхъ и при 5.000.000 слушателей.

Въ отчетѣ отдѣловъ встрѣчаются рассказы о томъ отрадномъ впечатлѣніи, которое эти чтенія производятъ на простой народъ, жаждущій правдивыхъ повѣствованій о дорогихъ его вѣрующему сердцу святыхъ мѣстахъ Палестины. Такъ, свящ. села Березы, черниговской епархіи, В. Михайловскій пишетъ въ своемъ донесеніи о чтеніяхъ, имъ веденныхъ: «Невѣдѣніе слушателей о Св. Землѣ было такъ велико, что многіе вовсе не знали, что такое Св. Земля, есть ли она и гдѣ именно... Для крестьянина ни свидѣтельства неизвѣстной ему и малопонятной исторіи, ни краснорѣчивыя логическія доказательства, недоступныя его малоразвитому уму, неспособному къ отвлеченной работѣ,—не могутъ сравняться по своему значенію съ чтеніями о Св. Землѣ. Внимая чтенію и взирая на показываемыя картины, слушатель какъ бы воочию убѣждается въ дѣйствительности существованія св. мѣстъ. Если существуютъ,—размышляетъ онъ,—тѣ мѣста, гдѣ жилъ во плоти и ходилъ по землѣ Самъ Господь, и почитаніе ихъ святыми, восходя отъ временъ древнихъ, дошло до нашихъ дней, то стало бытъ истинно и божественно ученіе, плущее отъ Него и Его апостоловъ, вѣрно душеспасительно ученіе христіанское, церковное. Таково умозаключеніе человека простаго но вѣрѣ, но чувствующаго, что онъ уже не можетъ, не разсуждая, всему вѣрять». Священникъ с. Несолони, воынской епархіи, А. Молчаповъ сообщаетъ: «Народъ слушалъ чтенія о Св. Землѣ съ благоговѣніемъ и глубокою вѣрою и потому они имѣли большое религіозное значеніе для слушателей. Большинству изъ нихъ Ввелеемъ, Назаретъ, да и самый Іеруса-

ламъ, гора Елеонъ и прочія св. мѣста были мало пзвѣстны. Правда, знали они, какія событія священной исторіи были въ Внелеемѣ, Назаретѣ, Іерусалимѣ и другихъ мѣстностяхъ, но не знали, что эти св. мѣста теперь представляютъ собою; поэтому предметъ чтенія былъ для нихъ новъ. Нужно было видѣть ихъ радость, когда они узнали, что почти всѣ мѣста, освященныя земною жизнью Господа, и нынѣ существуютъ и что тамъ рядомъ съ инославными храмами высятся храмы православные и даже построенные русскими, въ которыхъ молятся за всѣхъ православныхъ хрвстіанъ. Получая послѣ чтеній виды св. мѣстъ, иныя со слезами радости, крестясь, цѣловаяи пзображенія Гроба Господня и вертепа Рождества Христова». Протоіерей А. Поновъ, руководившій чтеніями въ гор. Ляльскѣ, вологодской епархіи, въ своемъ донесеніи сообщаетъ между прочимъ: «Считаю не лишнимъ упомянуть о слѣдующемъ случаѣ: передъ вторымъ чтеніемъ о Св. Землѣ, одинъ изъ фабричныхъ рабочихъ, пзвѣстный какъ миѣ, такъ и всѣмъ добрымъ людямъ за человекъ, страдающаго пристрастіемъ къ вину, подходитъ ко миѣ и говоритъ: «батюшка, отецъ духовный, я сегодня чуть было опять не согрѣшилъ для праздника пьянствомъ, но, услышавъ, что сегодня ты будешь читать о Св. Землѣ и показывать картины, я рѣшился не пить сегодня, а послушать и посмотреть; здѣсь, говорятъ, очень интересно». Я одобрилъ, конечно, его поступокъ и прибавилъ, что миѣ весьма пріятно и утѣшительно было бы видѣть его и за слѣдующими чтеніями о Св. Землѣ и въ трезвомъ видѣ. И онъ обѣщалъ миѣ честнымъ словомъ. И дѣйствительно, за всѣми бывшими послѣ того чтеніями, я встрѣчалъ этого человекъ исправнымъ и внимательно слушающимъ читаемое».

Съ своей стороны и совѣтъ общества ни передъ чѣмъ не останавливается для того, чтобы придти на помощь отдѣламъ въ этой ихъ дѣятельности. Сознавая, что главнымъ основаніемъ пользы служить именно вѣрное, точное и правдивое пзложеніе какъ событий, такъ, въ особенности, настоящаго положенія Св. Земли, общество обратило вниманіе на издачіе своихъ собственныхъ чтеній о Св. Землѣ, которыхъ донынѣ вышло 68 выпусковъ. Имена составителей чтеній: протоіерей Н. А. Елеонскаго, А. Н. Пыпина, С. А. Терновскаго и другихъ ручаются за ихъ содержаніе. Для простаго народа общество издало доселѣ 25 бесѣдъ о Св. Землѣ и 30 палестинскихъ листовъ. Сознавая, затѣмъ, всю важность

нагляднаго воспринятія сообщаемаго на чтеніяхъ, что достигается при помощи картинъ, общество составило обширную коллекцію въ 800 туманныхъ картинъ съ изображеніемъ св. событій и мѣстностей Св. Земли, обративъ особенное вниманіе на точность изображенія св. мѣсть и благообразность изображеній священныхъ событій. Этими картинами общество снабжаетъ для устройства чтеній о Св. Землѣ какъ свои отдѣлы, такъ и частныхъ лицъ. Наконецъ, вполнѣ раздѣляя взгляды отдѣловъ на пользу не однихъ только чтеній, но и на предоставленіе возможности для слушающихъ и дома, въ своемъ кругу, знакомиться съ предметамъ чтеній, общество широко развило бесплатную раздачу слушателямъ чтеній бесѣдъ о Св. Землѣ палестинскихъ листовъ и видовъ Св. Земли. Развѣтіе именно этой дѣятельности лучше всего освѣщается цифрами: такъ въ 1897/8 г. было бесплатно роздано 53500, а въ 1901/2 г. уже 1.218.800 экземпляровъ.

Такимъ образомъ, совѣтъ общества вля рука объ руку съ отдѣлами, кромѣ прямыхъ, указанныхъ ему въ уставѣ цѣлей пособія: православнымъ паломникамъ св. мѣсть востока и поддержанія православія въ Св. Землѣ, исполняетъ еще и другую службу, непосредственную и не менѣе важную для всего русскаго народа. Устройство чтеній о Св. Землѣ, издаваемые пмъ книги и листки укрѣпляютъ въ народѣ сознаніе правды и величія Православной вѣры Христовой. Духъ православія—это смыслъ жизни русскаго народа, а Св. Земля—его завѣтная святыня. Идти навстрѣчу этимъ добрымъ стремленіямъ народа, утолить эту духовную его жажду—значитъ содѣйствовать благу народному, значитъ споспѣшествовать меньшей братіи въ достиженіи горячаго Іерусалима.

— Въ нашемъ славянскомъ православномъ мѣсяцесловѣ встрѣчается немало трудныхъ для пониманія приложеній къ собственнымъ именамъ святыхъ. Извѣстный кievскій протоіерей К. Фоменко издалъ брошюру, въ которой объясняетъ эти непонятныя слова. Считаемо полезнымъ познакомить своихъ читателей съ этими объясненіями почтеннаго о. протоіерея.

Частныя наименованія, прилагаемыя въ нашемъ мѣсяцесловѣ къ именамъ святыхъ, обуславливались или почетнымъ званіемъ, которое носилъ святой, живи въ мірѣ, или прославленнымъ значеніемъ монастыря, гдѣ онъ подвизался, или исключительнымъ родомъ великихъ подвиговъ, которые подъялъ на себя тотъ или иной св. подвижникъ, или одеждою, въ какую онъ облекалъ себя, или

наименованіемъ страны, въ которой онъ родился, подвизался и прославился. Многія изъ этихъ частныхъ наименованій и составляютъ непонятныя слова въ нашемъ славянскомъ мѣсяцесловѣ.

Стратилатъ—греческое названіе—полководецъ, военачальникъ, оставленное безъ перевода. *Патрикия* т. е. жена знатнаго вельможи. *Тиронъ*—воинъ. *Студитъ*, *синаитъ*, *савваитъ*, *хозевитъ*, *малеинъ*, отъ—имени монастырей. 21 февраля празднуется память преп. Тимоея, иже *въ Символѣхъ*—такъ назывался монастырь въ Малой Азіи.

Нѣкоторые изъ преподобныхъ по цвѣту монашеской одежды называются черноризцами. Одинъ изъ восточныхъ святыхъ, именно преп. Серавіонъ, носилъ только одинъ свдопъ (σινδών—нижняя одежда изъ тонкой, льняной матеріи) и названъ свдонитомъ. Преподобный Теодоръ Трихана носилъ только власницу (по гр. τριχινᾶ). Тѣ изъ преподобныхъ отцевъ, которые имѣли священный санъ, часто называются въ святцахъ освященными.

Въ мѣсяцесловахъ очень часто при имени святого значится и *дружины его* (συνодία). Иногда греческое слово συνодία переводится по-славянски и „иже съ нимъ“. Такимъ образомъ словомъ дружина въ славянскихъ святцахъ обозначается вообще соборъ лицъ, сопричастныхъ подвигамъ или мученіямъ извѣстнаго святого и иногда родственниковъ ему. Со словами и „дружины его“ не слѣдуетъ смѣшивать выраженія—в „*подружія его*“. Послѣднія слова указываютъ на святую супружескую чету.

Наименованіе *начертанный* съ гр. γρακτός значитъ заклеянный. Это наименованіе усвоится Теодору (27 декабря) и Теофану (12 марта). Оно выясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ. Византійскій императоръ Теофилъ иконоборецъ издалъ приказаніе заклеить лѣкв этихъ двухъ исповѣдниковъ почитанія св. иконъ надписями, что они изгоняются изъ Царьграда, какъ преступники. Начертаніе на лицѣ исповѣдниковъ этого указа Теофила и послужило основаніемъ для наименованія ихъ начертанными.

Преподобный Іоаннъ названъ кущникомъ, потому что жилъ онъ и подвизался въ палаткѣ (бущѣ), построенной у воротъ родительскаго дома.

Пророкъ Захарія (8 февраля) названъ серповидцемъ по пророческому видѣнію записанному въ 5 главѣ его княга: Возыдохъ очя мои у видѣхъ, се серпъ летящъ (1—3 ст.).

Препод. Конону (5 марта) усвоено названіе градара, которое

происходитъ не отъ слова градъ, а отъ слова *града*, потому что преподобный Коновъ по своимъ занятіямъ былъ огородникъ.

7-го марта память Павла Прусскаго—по имени города Прусы въ Вивеніи. Наименованіе Моисея—Угрина заимствовано отъ родины преподобнаго—Венгрии или Угрии, наименованіе Моисея муряна—отъ лица преподобнаго, потому что преподобный Моисей былъ родомъ еѳіоплянинъ и имѣлъ черныя цвѣтъ лица и кожи.

Выраженіе мѣсяцеслова подъ 11 іюля: „св. мученицы Евѳиміи, спрѣчь „*предѣла отцевъ*“ напоминаетъ о чудесномъ событіи, совершившемся на 4-мъ вселенскомъ соборѣ. Въ 451 г. въ храмѣ, гдѣ почиваютъ мощи св. Евѳиміи, происходила засѣданія Собора; и когда отцы его положили въ гробницу св. мученицы свое исповѣданіе православной вѣры, то рука великомученицы чудотворно приняла свѣтокъ. Это и названо въ нашихъ святцахъ *предѣломъ* или точнѣе съ греческаго слѣдсвало-бы назвать *утвержденіемъ* опредѣленія вѣры.

Св. мученица Каллиста и ея родные кровные братья Еводъ и Ермогенъ названы *самобратіями* по буквальному переводу съ греч. *αὐτοβελφοί*. 22 декабря празднуется Анастасія узорѣшпательницы: по однимъ сказаніямъ св. Анастасія освобождала отъ темныхъ узъ заключенныхъ тамъ христіанъ, по другимъ—лечила больныхъ и разрѣшала отъ узъ болѣзней.

Св. Іоаннъ (9 ноября) именуется Коловъ. Это древне-египетское слово и означаетъ—малорослый. 4-го августа совершается память святителя мученика Елевѳерія—Кувикюлярія, что значитъ постельничій, каковую должность св. мученикъ исполнялъ при царскомъ дворцѣ.

26 февраля празднуется св. Іоанна—Калфа.—Калфа знач. зодчество и указываетъ на занятія святого.

6-го ноября творится „память праха“. Что означаетъ это выраженіе нашего мѣсяцеслова? Въ царствованіе Льва Великаго, 6-го ноября 472 г., въ Константинополь выпалъ черный и горячій прахъ—зола, вѣроятно, отъ пзверженія какой либо огнедышащей горы и покрылъ улицы города выше, „пядь мужской“. Это событіе произвело столь сильное впечатлѣніе на жителей столицы, что они занесли его въ богослужебные мѣсяцесловы.

— Во 2-й февральской епѳжкѣ «Вѣра и Разумъ» мы сообщали о томъ, что въ концѣ вечера, посвященнаго памяти Гоголя въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, преподаватель А. О. Вертеловскій произнесъ рѣчь по случаю исполнявшагося 25-лѣтія бого-

словской научно-литературной дѣятельности о. председателя совѣта въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ профессора богословія протоіерея Т. И. Буткевича. Помѣщаемъ здѣсь съ сокращеніями эту рѣчь.

Ваше Высокопреосвященство,

Ваше Преосвященство,

Милостивые Архипастыри и Отцы!

Настоящій день, ознаменованный чествованіемъ памяти великаго русскаго писателя, имѣетъ еще особое значеніе для нашего Епархіальнаго училища, потому что совпадаетъ съ исполненіемъ 25-лѣтія богословской научно-литературной дѣятельности досточтимого о. председателя совѣта, профессора богословія въ Харьковскомъ Императорскомъ Унивѣрситетѣ, протоіерея Тимѣея Ивановича Буткевича. Наше училище занимаетъ едва ли не единственное мѣсто въ ряду другихъ Епархіальныхъ училищъ въ томъ отношеніи, что председателемъ совѣта въ немъ состоитъ профессоръ Унивѣрситета, разностороннимъ научнымъ знаніемъ и опытности котораго училище обязано многимъ своимъ лучшими сторонами. Думаемъ, значеніе училища еще возвышается тѣмъ, что нашъ досточтимый о. председатель находилъ возможнымъ, при своихъ сложныхъ служебныхъ обязанностяхъ, отдаваться съ поразительною неутомимостью богословскимъ и научно-литературнымъ трудамъ. Да позволено же будетъ теперь по истеченіи продолжительнаго періода просвѣтительной дѣятельности обратиться къ досточтимому о. юбиляру съ выраженіемъ особаго нашего сочувствія

Ваше Высокопреподобіе,

Досточтимый о. Протоіерей!

Чувство глубокаго уваженія къ Вамъ и сознаніе значенія многосторонняго и несомнѣнно плодотворнаго служенія Вашего богословской наукѣ побуждаетъ меня теперь выступить предъ Вами съ сердечнымъ привѣтомъ къ Вамъ по случаю исполнившагося 25-лѣтія богословской научно-литературной дѣятельности, съ словомъ признательности за то, что принесено Вами на пользу Церкви и общества въ теченіе этого продолжительнаго періода. Беру на себя такую смѣлость какъ старѣйшій членъ училищной корпораціи и какъ преподаватель, сохраняющій память о Вашихъ первыхъ успѣхахъ въ письменныхъ опытахъ еще на ученической скамьѣ. От-

радно и высоконазидательно для учащагося юношества припомнить, съ какимъ удивительнымъ рвеніемъ занимались воспитанники 60-хъ и 70-хъ годовъ письменными опытами, какъ эти опыты при тщательной обработкѣ расширялись до значительныхъ по объему сочиненій, имѣющихъ характеръ литературныхъ трудовъ, которые свободно можно было бы рекомендовать для печати. Такими опытами заявилъ себя, Вы, о. протоіерей, преимущественно предъ своими товарищами. То, что начали Вы въ Семинаріи довершено было въ Московской Духовной Академіи, гдѣ, какъ намъ представлялась возможность слышать, Вы настойчиво работали надъ сочиненіями. Благодаря своимъ раннимъ настойчивымъ занятіямъ, Вы приобрѣли уже за нѣсколькую скамьею навыкъ въ литературномъ трудѣ, полюбили его и преимущественно ему отдались въ жизни, и достигли рѣдкихъ успѣховъ. Въ 1877 году появляется въ Харьк. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ Вашъ первый литературный трудъ о мѣстномъ епархіальномъ управленіи. Съ этого времени Вы, досточтимый о. Протоіерей, стали принимать участіе въ разныхъ духовныхъ журналахъ. Прежде всего Вы стали виднымъ сотрудникомъ извѣстнаго Московскаго журнала «Православное Обозрѣніе», потомъ Вы стали поддерживать своимъ статьями Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости. Затѣмъ Вы съ 1884 года стали постояннымъ сотрудникомъ мѣстнаго богословско-философскаго журнала «Вѣра и Разумъ». Едва ли въ теченіе 17 лѣтняго изданія этого журнала можно указать значительное число мѣстныхъ княжекъ, страницы котораго не украшались бы произведеніями Вашего живого и опытнаго пера—произведеніями, обращающими на себя вниманіе читателей выдающимися темами и занимающими видное мѣсто не только въ богословскомъ, но и въ философскомъ отдѣлѣ журнала.

Обращая вниманіе на особенности Вашихъ богословскихъ литературныхъ и научныхъ трудовъ мы, досточтимый о. протоіерей, удивляемся поразительной творческой производительности и безпримѣрному Вашему трудолюбію. Я думаю, что при самой свѣжей юношеской памяти, можетъ встрѣтиться затрудненіе въ воспроизведеніи полного списка всѣхъ многочисленныхъ статей, помещенныхъ Вами въ разныхъ духовныхъ журналахъ. Въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ Вы затрагиваете самыя разнообразныя темы. Но эти темы не узко-спеціального характера: онѣ заимствуются не изъ области археологіи или

филологіи; онѣ вмѣютъ отношеніе къ запросамъ современнаго русскаго общества въ области религіознаго знанія, къ которымъ Вы чутко и внимательно относились. Эта чуткость къ текущимъ жизненнымъ интересамъ, а вмѣстѣ выборъ тѣхъ вполне подходящихъ къ потребностямъ времени и даже объясняется, кажется не только дарованіями, обильнаго Богомъ Вамъ данными, и многосторонними свѣдѣніями, но и живостью натуры. Вы съ усиліемъ подмѣчаете разнообразныя явленія религіозной жизни общества и стараетесь направить теченіе различныхъ потоковъ въ лучшую сторону. По непосредственному отношенію къ современнымъ религіознымъ запросамъ общества, его недугамъ, Ваши богословскіе научно-литературные труды прямикають до пзвѣстной степени къ проповѣдямъ выдающихся церковныхъ ораторовъ—покойныхъ преосвященныхъ Никанора и Амвросія и, подобно ихъ произведеніямъ, могутъ представлять разныя данныя для характеристики различныхъ теченій въ жизни русскаго общества. Перечисливъ подробно многочисленныя труды о. Тимоея Буткевича по апологетикѣ, философіи, исторіи и церковному краснорѣчію, Г. Вертеловскій закончилъ рѣчь свою слѣдующими словами: Многочисленные читатели Ваши, досточтимый о. Юбилляръ, несомнѣнно отнесутся съ полною признательностью къ Вамъ за Вашу плодотворную, неустанную, религіозно-просвѣтительную дѣятельность въ теченіе 25 лѣтняго періода въ пользу Церкви; мы же съ своей стороны, прिवѣтствуя Васъ съ усиліями въ такой дѣятельности, горячо желаемъ продолженія ея на многіе годы особенно теперь, когда такъ недавно выразительно намъ напомнилось: *„жатва многа, а длгательскій мало“*.

НЕКРОЛОГЪ.

15 марта с. г. скончался на 75 году жизни послѣ тяжелой болѣзни Сумской протоіерей о. Феоктистъ Алексѣевичъ Лащенко. Въ лицѣ покойнаго о. Ф. общество г. Сумъ лишилось выдающагося пастыря и неутомимаго общественнаго дѣятеля.

Свою священнослужительскую дѣятельность покойный началъ въ 1851 году; былъ благочиннымъ 2-го сумскаго округа (1863—1875 г.) состоялъ приходскимъ священникомъ Николаевской церкви (1851—1890 г.); педагогическая же дѣятельность о. Ф. началась въ 1847 г. въ званіи преподавателя Харьковскаго Духовнаго училища; проходилъ должность законо-

учителя Сумскаго приходскаго и уѣзднаго училищъ (1851—1870 г.) и законоучителя классической гимназіи (1870—1902 г.), каковую должность закончилъ 17 прошлаго февраля. Въ болѣе молодые годы о. Ѳ. сотрудничалъ на страницахъ «Духов. Вѣст.», гдѣ отъ времени до времени помѣщалъ статьи, преимущественно публицистическаго характера, почерпная матеріалъ главнымъ образомъ изъ своей педагогической и священно служительской практикѣ. Впослѣдствіи покойный о. Ѳ. посвятилъ себя исключительно мѣстной общественной дѣятельности: основалъ при Сумской Николаевской церкви приходское попечительство, единственное въ Сумахъ, дѣятельность котораго выразилась, между прочимъ, въ учрежденіи лучшей въ Сумахъ церковно-приходской школы. Въ качествѣ гласнаго городской думы, о. Ѳ. дѣятельно способствовалъ улучшенію санитарнаго состоянія города (удаленіемъ базара съ центральной площади); дѣятельно способствовалъ также учрежденію „Сумскаго Общества взаимнаго отъ огня страхования“ и основанію „Параскеевского пріюта для сиротъ“, учрежденнаго на средства г-жи Сухановой. Въ 1896 г. основалъ „Сумское Общество попеченія о бѣдныхъ“, плодотворная дѣятельность котораго выразилась въ совершенномъ искорененіи нищества, учрежденіи пріюта для мальчиковъ, устройствѣ пародной чайной и др.; въ лицѣ покойнаго „Общество попеченія о бѣдныхъ“ лишилось не только своего основателя, но и дѣятельнаго члена, всегда горячо отстаивавшаго интересы благотворительности. Въ числѣ наградъ о. Ѳ. имѣлъ палицу и ордена Анны 2-й степени и Владиміра 4-й степени.

Обладая мягкимъ и отзывчивымъ характеромъ, о. Ѳ. не могъ равнодушно видѣть челоуѣческаго горя и по мѣрѣ силъ старался облегчить страданія своего ближняго; онъ кромѣ того былъ преданнымъ своему дѣлу пастыремъ наставникомъ, горячо любимымъ подрастающее поколѣніе и встрѣчавшимъ со стороны послѣдняго такія же чувства; это еще недавно было трогательнымъ образомъ доказано во время прощанія о. Ѳ. съ воспитанниками гимназіи, которую по болѣзни принужденъ былъ оставить.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Масляныя и сухія краски своего приготовленія и вареное
масло предлагаетъ магазинъ

К. Ѳ. Масляникова.

Харьковъ. Университетская улица Городской рядъ № 10-й.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ).

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи
и украшенія стѣнъ альфрейной росписьюЗаказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ,
гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

ВЪ 1902 ГОДУ (ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ТРЕТІЙ).

Журналъ „Труды Кіевской духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1902 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ дух. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанію общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“. Къ январю 1902 года выходитъ 16-я часть твореній блажен. Іеронима. Указомъ Св. Синода отъ 9/29 февраля 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библиотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для дух. семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10—15-ти листовъ. Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб. За прежніе годы „Труды“ продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы. Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“: а) св. Кириана, еп. Карѣ., части 1 и 2, б) блаж. Іеронима, ч.ч. 1—15 и в) блаж. Августина, ч.ч. 1—8. Цѣна каждой части 2 руб. съ пересылкою, 9-й и 15-й частей твореній блаж. Іеронима, цѣна которыхъ по 1 р. 50 к. „Опытъ правосл. догматическаго Богословія“ еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. 1 р. 70 к., т. 2 (изд. 3-е) ц. 3 р. 30 к., т.т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по 3 р. каждый. Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакціи просить обращаться непосредственно къ ней по слѣдующ. адресу: Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ. (Ильинская, д. № 5). Редакторъ профессоръ В. Ѡ. Пѣвницкій.

Открыта подписка на 1902 годъ
на еженедѣльный, иллюстрированный, религиозно-нравственный
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧИЙ“

(пятнадцатый годъ изданія).

4 рубля за годъ съ пересылкой, 2 рубля 50 коп. за полгода съ пересылкой.

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

„Кормчій“ предназначенъ для благочестиваго чтенія въ каждой православно-русской семьѣ.

„Кормчій“ даетъ обильный матеріалъ для церковнаго проповѣдничества и педенія вѣбогослужебныхъ бесѣдъ.

Всѣ статьи „Кормчаго“ общедоступны, изложены живымъ, понятнымъ народу языкомъ и способствуютъ духовно-нравственному воспитанію и укорененію въ русской семьѣ религиозныхъ чувствъ и впечатлѣній.

Кромѣ религиозно-нравственныхъ статей, въ „Кормчѣ“, въ еженедѣльномъ прибавленіи въ журналѣ, печатаются свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ текущей жизни, подъ общимъ заглавіемъ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

№№ „Кормчаго“ украшаются рисунками религиозно-нравственнаго содержанія.

Въ журналѣ „Кормчій“ по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами

ИЗВѢСТНЫЙ КРОНШТАДТСКІЙ ПАСТЫРЬ ОТЕЦЪ ІОАННЪ.

За ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ въ годъ „КОРМЧИЙ“ дастъ:

52 №№ журнала, украшеннаго рисунками, и Современнаго Обзорѣнія.

52 №№ иллюстр. листовъ по воскреснымъ житіямъ святыхъ.

24 книжки для народа, подъ общимъ заглавіемъ:

„Народная библіотека Кормчаго“.

Содержаніемъ князевъ будутъ служить разные религиозно-нравственные рассказы.

При одновременной выпискѣ десяти экземпляровъ журнала за 1902 годъ одиннадцатый высылается бесплатно.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Ордынка, домъ Бакаловой, (квартира Протоіерея Скорбященской церкви).

Редакторы: Протоіерси { С. П. Ляпидевскій.
{ І. Н. Бухаревъ.
Издатель Священникъ С. С. Ляпидевскій.

За прежніе года журналъ „Кормчій“ продается по три рубля съ пересылкой. Есть сброшюрованные экземпляры за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 гг. При выпискѣ журнала за всѣ восемь лѣтъ цѣна 20 руб. съ пересылкой.

„МИРНЫЙ ТРУДЪ“

повременное литературно-научное издание выходитъ 5 разъ въ годъ (1-го марта, мая, сентября, ноября и января), въ объемѣ 10—12 печатныхъ листовъ по слѣдующей программѣ: 1) романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія, какъ оригинальные, такъ и переводные. 2) Беллетристическія новости. 3) Литературная критика. 4) Искусство, театръ и музыка. 5) Вопросы воспитанія и обученія. 6) Статьи по разнымъ отраслямъ науки. 7) Обзорѣніе научныхъ журналовъ. 8) Дѣятельность ученыхъ обществъ. 9) Научныя мелочи. 10) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій. 11) Библиографія и 12) Объявленія.

Въ журналѣ обѣщали сотрудничать: пр. В. П. Бузескулъ, пр. П. Н. Буцинскій, А. В. Ветуховъ, пр. А. С. Вязигинъ, пр. Н. А. Гредескулъ, пр. Н. К. Грунскій, пр. Я. А. Денисовъ, пр. М. С. Дриновъ, пр. Л. Н. Загурскій, пр. О. А. Зеленогорскій, пр. А. П. Кадлубовскій, П. В. Каменскій, О. Г. Кашменскій, пр. А. Д. Киселевъ, пр. А. С. Лебедевъ, пр. П. Э. Лейкфельдъ, пр. Н. А. Максимейко, пр. М. А. Масловъ, пр. И. В. Негушилъ, пр. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, А. Р. Пельтцеръ, пр. Э. Л. Радловъ, пр. А. В. Репревъ, пр. Е. К. Рѣдинъ, пр. В. И. Савва, М. П. Савиновъ, пр. С. В. Соловьевъ, пр. Н. О. Сумцовъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, пр. А. Н. Фатѣевъ, пр. И. П. Филевичъ, пр. М. Е. Халанскій, В. И. Харціевъ, пр. Р. И. Шерцль, пр. Г. О. Шульцъ, пр. В. А. Ястржембскій и др.

Признавая „мирный трудъ единственной зиждущей силой, выдержавшей вѣковыя испытанія“, редакция ставитъ своею задачею сильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости національнаго самосознанія, усиленію культурнаго общенія со славянствомъ и росту общественной самостоятельности, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ какихъ бы то ни было партійныхъ соображеній.

Подписная цѣна: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ съ доставкой 5 руб. въ годъ, для иногороднихъ съ пересылкой 6 рублей. Отдѣльныя книжки по 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала (Харьковъ, Мордвиновскій, № 25, д. А. В. Ветухова). Контора открыта отъ 4 до 6 часовъ, кромѣ праздниковъ. За комиссію и пересылку денегъ книжные магазины удерживаютъ по 30 коп. съ cadaго годового экзмп.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религиозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кроме того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Борсунаго.—„Религиозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каволической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религиозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о шундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покой воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли интегритионъ, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.